

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВПО «АЛТАЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

**КОМПЛЕКСНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ
ЗАПАДНОЙ И ЮЖНОЙ СИБИРИ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН
ДО СОВРЕМЕННОСТИ**

Том I

Барнаул

Издательство Алтайского
государственного университета
2011

УДК 902(571.11.5)
ББК 63.48(253)
К 637

Научные редакторы:
доктор исторических наук **Ю.Ф. Кирюшин**;
доктор исторических наук **В.А. Скубневский**

Рецензенты:
доктор исторических наук **Л.И. Бородкин** (Москва);
доктор исторических наук **В.В. Горбунов** (Барнаул);
доктор исторических наук **В.П. Зиновьев** (Томск)

Коллектив авторов:
В.Н. Владимиров, Ю.М. Гончаров, Е.В. Ильина, Д.В. Колдаков,
А.Е. Кухаренко, Я.Е. Лукерина, Ю.А. Лысенко, Т.Н. Соболева, А.А. Тишкин

К 637 Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности : монография / В.Н. Владимиров, Ю.М. Гончаров, Е.В. Ильина и др.; под ред. Ю.Ф. Кирюшина, В.А. Скубневского. – Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2011. – Т. I. – 156 с.

ISBN 978-5-93957-478-5

В первом томе коллективной монографии представлена часть результатов комплексного изучения истории Западной и Южной Сибири, выполненного в рамках реализации проекта ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». В обозначенных главах изложен опыт формирования и использования баз данных, а также информационных методов в различных исторических исследованиях. Публикуемый материал предназначен не только для научного использования, он может быть внедрен и в образовательный процесс.

Издание рассчитано на специалистов в области истории, источниковедения, археологии, архивоведения и информатики.

УДК 902(571.11.5)
ББК 63.48(253)

*Издание подготовлено в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (проект №2009-1.1-301-072-016
«Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности»)*

ISBN 978-5-93957-478-5

© Коллектив авторов, 2011
© Оформление. Издательство Алтайского
государственного университета, 2011

ВВЕДЕНИЕ

Идея создания коллективного труда в виде монографии, состоящей из нескольких томов, обозначилась в процессе выполнения проекта «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности», который реализовывался в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России». Основной целью проекта являлось формирование современной научно-исследовательской и учебно-методической базы для проведения фундаментальных и прикладных гуманитарных исследований на основе междисциплинарного подхода. Для этого предполагалось привлечение широкого круга специалистов разных исторических и естественнонаучных дисциплин и налаживание их тесной интеграции. Намеченная программа осуществлялась по нескольким направлениям в зависимости от специфики источников и стадии их изучения. Данный подход обеспечивал объективный характер материалов, необходимых для исторических реконструкций. Запланированные исследования продолжаются. Их результаты будут последовательно и в обобщенном виде представлены в предполагаемых томах. Серию таких изданий открывает настоящая книга, подготовленная коллективом сотрудников исторического факультета Алтайского государственного университета.

Современные исторические исследования уже не возможны без применения широкого комплекса различных методов. Важным этапом в этом процессе отводится сбору, обработке и систематизации привлекаемого объема источников. Эффективной реализации такой деятельности способствует создание баз и банков данных. Именно этой тематике посвящена первая глава издаваемого тома коллективной монографии. В ней демонстрируется определенный опыт работы, полученный при изучении разных по содержанию исторических тем.

Как отмечено в параграфе, подготовленном В.Н. Владимировым и Д.В. Колдаковым, технология создания баз данных прошла несколько этапов. В настоящее время с внедрением компьютеров обозначилось значительное количество возможностей для их многопланового применения. Однако в основе всего необходимого процесса лежит кропотливая работа, связанная с формированием и структурированием исходных источников. Сейчас создание базы данных – не только сбор и обработка обширной информации, но и оперирование этими сведениями в разных плоскостях и на оптимальных уровнях. В рассматриваемом параграфе демонстрируются некоторые созданные в Алтайском государственном университете базы данных («Населенные пункты Алтайского края», «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.» и др.). Многие уже получили свидетельства о государственной регистрации. Дальнейшее эффективное применение их может быть обеспечено Интернетом. В.Н. Владимиров и Д.В. Колдаков предложили использовать устаревшее словосочетание «банк данных» в качестве обозначения нескольких тематически связанных баз данных, разработанных для решения одной или нескольких задач. Эта идея может найти поддержку при воплощении соответствующей практики.

Результаты исследований, посвященные изучению различных видов занятий населения и другим аспектам исторического профессионализма, отражены В.Н. Владимировым в отдельном разделе. Автором дан обстоятельный анализ положения дел в ходе реализации обозначенного научного направления, продемонстрирован процесс формирования и систематизации источников, а также указаны проблемы интерпретации полученных материалов.

В следующей части первой главы представлены обширные базы данных, полученные, в частности, при изучении городской семьи Сибири 1-й половины XIX – начала XX в. (автор – Ю.М. Гончаров) и при подготовке антропонимикона (реестра личных имен) старожилов Алтайского горного округа (автор – Е.В. Ильина). Кроме этого, изложен опыт первой попытки создания в АлтГУ базы данных на основе археологических материалов. В ее основе лежат сведения о древних и средневековых костных останках лошадей, найденных в погребальных комплексах Алтая и юга Западной Сибири (авторы – А.А. Тишкин, Я.Е. Лукерина). Имеется хорошая перспектива дополнения сформированной базы данных за счет привлечения материалов из раскопок других исследователей на территории Южной Сибири.

Вторая глава начинается крупным очерком, который посвящен административно-хозяйственной политике Кабинета в период с 1885 по 1899 гг., когда происходила модернизация Алтайского (горного) округа (авторы – Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко). В следующей части отражена миссионерская деятельность Русской православной церкви во 2-й половине XIX – начале XX в. в так называемом Степном крае (неофициальное обозначение территории северо-восточного Казахстана) (автор – Ю.А. Лысенко). В этих работах нашли отражение методы и теории, применяемые в современных исторических исследованиях. Еще одной особенностью представленных разделов является опора на обширные архивные материалы, полученные в разных учреждениях и направленные на их сравнительный анализ. В результате актуализирован огромный пласт информации, позволяющей не только понять давно происходившие процессы, но и оценить ситуации в новейшей истории России.

Заканчивается вторая глава и вся книга параграфом со следующим названием «Информационные технологии в учебном процессе» (авторы – В.Н. Владимиров и Д.В. Колдаков). Рассмотрение данной тематики является чрезвычайно важной составляющей современного образования. Представленный опыт сотрудников ИФ АлтГУ, а также кратко выполненный обзор по другим вузам России и зарубежья позволяет еще дальше продвинуться в системе эффективного подхода при существующей системе обучения. Перечисленные достоинства системы Moodle стимулируют к активному ее внедрению.

Представленные в первом томе результаты научно-практической и учебно-методической деятельности сотрудников Алтайского государственного университета могут быть использованы при написании обобщающих трудов по истории Сибири и России, при разработке вузовских образовательных программ, при создании пособий для студентов и аспирантов, а также в исследовательской работе ученых.

ГЛАВА I

БАЗЫ ДАННЫХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

1.1. Базы и банки данных в исторических исследованиях

В настоящее время создается новая информационная среда развития исторической науки. Это относится как к возможностям доступа к историческим источникам, так и к появлению новых способов извлечения из них исторической информации. Изменяются как представления о задачах, тематике, возможностях исторических исследований, так и методика и техника самого исследования, что, безусловно, порождает новые способы фиксирования, передачи и сохранения информации. Появляются возможности обнаружения ранее скрытой информации, ее извлечения и обработки*.

Междисциплинарный подход к историческому исследованию как следствие интеграции наук все больше пробивает себе дорогу в современной исторической науке. История прочнее встает на твердую почву полноправных научных изысканий с применением методов и подходов как смежных гуманитарных, так и естественных (точных) наук. Здесь одним из самых плодотворных является, на наш взгляд, союз истории и информатики, уже доказавший в последнее десятилетие свою состоятельность. Как образно пишет А.М. Берлянт, «...информатика «дышит в затылок» всем наукам, догоняя и увлекая их за собой, а порой и порабощая в стремлении к бесконечному компьютерному совершенству»**. Сегодня уже практически ни у кого не вызывает сомнений необходимость перехода на новый этап более глубокого интегрирования возможностей информатики в исторические исследования.

Ключевой технологией, используемой для накопления, хранения, обработки значительных по объему информационных массивов, в том числе материалов массовых источников, несомненно, является технология баз данных. Большинство создающихся информационных систем строятся с применением этой технологии. Системы управления базами данных (СУБД) за несколько десятилетий своего развития достигли уровня, позволяющего удовлетворить практически все основные потребности их пользователей. Это касается и персонального инструментария (так называемых настольных систем, одним из наиболее популярных представителей которых является MS Access), дающего, несмотря на определенные сложности освоения, гораздо больше возможностей для накопления и манипулирования данными по сравнению, например, с текстовыми или табличными процессорами. Следует отметить и наличие в таких продуктах развитых средств экспорта и импорта данных взаимодействия с другими приложениями (статистическими пакетами, электронными таблицами и т.д.) для их обработки и визуализации в виде различного рода диаграмм и графиков.

Конечно, формирование машиночитаемых источников можно осуществлять и с использованием других технологий и соответствующих программных продуктов. В некоторых случаях именно комплексное применение различных средств поз-

* Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 2003. С. 118–140.

** Берлянт А.М. Геоинформатика. М., 1996. С. 6.

воляет в оптимальные сроки эффективно перевести в машиночитаемый вид данные исторических источников. Так, подготовку и первичную обработку исходных данных формулярного характера, различного рода сводок со статистическими показателями удобно производить в электронных таблицах, например в MS Excel. Это касается и формирования нового информационного массива на основе другого машиночитаемого источника, например файла в текстовом формате, отсканированного и сохраненного в графическом формате изображения и т.п. Последнее весьма актуально в настоящее время, когда исследователь может получить доступ к таким источникам, выставленным в электронных библиотеках в сети Интернет*. Тем не менее для оптимального хранения и управления во многих случаях имеет смысл импортировать результаты такой работы в формат той или иной базы данных.

Важное значение базы данных имеют и для организации информационных массивов для геоинформационных систем (ГИС). Одно из достоинств ГИС – возможность связывания данных различных видов и типов – собственно географической информации и той, которая может быть почерпнута из различных источников, в том числе из баз данных различных форматов. Атрибутивная информация, накапливаемая в таких базах, используется для изучения различных процессов, имеющих пространственно-временную локализацию.

Развитие сетевых технологий и интеграция web-технологий и технологий баз данных значительно расширили возможности построения эффективных информационных систем. В сети Интернет с огромной скоростью растет число ресурсов, функционирование которых обеспечивается различными системами управления базами данных. Все это вместе взятое позволяет значительно увеличить потенциал научных исследований, в том числе вывести информационную поддержку исторических исследований и образования на качественно новый уровень.

Начавшееся четверть века назад широкое распространение средств персональной вычислительной техники и появление доступного программного обеспечения для организации коллекций машиночитаемых источников дало толчок активному внедрению технологии баз данных в исторические исследования. В связи с этим появились вопросы, связанные не только с освоением нового инструментария, но и с эффективным его применением. Одним из ответов на них стало учебное пособие И.М. Гарсковой «Базы и банки данных в исторических исследованиях»**, которое можно считать классическим по этой проблематике. Позднее, во 2-й половине 1990-х гг., вышел ряд учебников и учебных пособий по исторической информатике, содержащих разделы по базам данных***.

* См., например: «Библиотека электронных ресурсов исторического факультета им. М.В. Ломоносова» (<http://www.hist.msu.ru/ER/index.html>), электронные ресурсы научной библиотеки Томского государственного университета (http://www.lib.tsu.ru/index_main.php?id=463) и т.д.

** Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. Геттинген, 1994. 216 с.

*** Белова Е.Б., Бородкин Л.И., Гарскова И.М., Измestьева Т.Ф., Лазарев В.В. Историческая информатика / под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1996. 269 с.; Информатика для гуманитариев. Вводный курс: учебное пособие / под ред. Л.И. Бородкина и И.М. Гарсковой. М., 1997. 220 с.; Информационные технологии для гуманитариев / под ред. В.Л. Акимова, Н.М. Арсентьева, Л.И. Бородкина, И.М. Гарсковой. М.; Саранск, 1998; Историческая информатика: Информатика для исторических специальностей: учеб. пособие / под ред. В.Н. Сидорцова, Л.И. Бородкина. Минск, 1998. 316 с.

Отметим также учебное пособие по информационным технологиям для историков, вышедшее в 2006 г., в котором рассмотрены вопросы проектирования баз данных и применение такого популярного среди историков России и стран СНГ средства для работы с базами данных, как Microsoft Access*.

Большое внимание проблематике применения баз данных в исторических исследованиях уделяется таким научным сообществом, как Ассоциация «История и компьютер». В «Информационном бюллетене» этой Ассоциации (ранее называвшимся «Информационный бюллетень Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН»), под эгидой функционировавшего с 1991 г. Консорциума по базам данных в исторических исследованиях при отделении истории АН СССР (преобразованного позднее в Банк данных по Российской истории) в течение 1990-х гг. публиковалась информация о создающихся базах и банках данных. Там также можно найти множество других структурированных описаний созданных баз данных. В другом издании Ассоциации – серии сборников «Круг Идей» – поднимаются и рассматриваются различные аспекты использования технологии баз данных, формирования баз и банков данных на основе исторических источников. Это касается общих вопросов организации и обработки информационных массивов**, создания региональных исторических банков данных***, применяемых методик создания баз данных****, при-

* Информационные технологии для историков: учебное пособие к практикуму по курсу «Информатика и математика» / отв. ред. Л.И. Бородкин. М., 2006. 236 с.

** Гарскова И.М. Архивы машиночитаемых данных и проблемы архивирования машиночитаемых исторических источников // Круг идей: новое в исторической информатике. Труды I конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1994. С. 51–70; Гарскова И.М. Некоторые тенденции и проблемы технологии баз данных в исторических исследованиях // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1995. С. 9–23; Аханчи П. Исторические базы данных как современное направление изучения массовых источников // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1995. С. 24–33; Гарскова И.М. От просопографии к статистике: Методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник. Метод. Компьютер. Традиционное и компьютерное источниковедение / ред. С.В. Цыб и В.Н. Владимиров. Барнаул, 1996. С. 123–143.

*** Славко Т.И. Научно-исследовательская программа «Банк данных по региональной истории: Урал в XX веке» данных // Круг идей: новое в исторической информатике. Труды I конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1994. С. 77–83; Носевич В.Л. Создание банка данных по генеалогии Беларуси: проблемы и перспективы // данных // Круг идей: новое в исторической информатике. Труды I конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1994. С. 84–87.

**** Канищев В.В., Кончаков Р.Б. Пути создания и обработки историко-ориентированной базы данных на материалах метрических книг // Круг идей: историческая информатика на пороге XXI века: труды VI конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин, Ю.П. Смирнов, И.Ф. Юшин. М.; Чебоксары, 1999. С. 184–197; Владимиров В.Н., Плoduнова В.В., Силина И.Г. Метрические книги как источник по истории народонаселения Алтайского края // Компьютер и историческая демография: сб. науч. ст. / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул, 2000. С. 137–164; Разинков С.В. База данных «Советские немцы – трудармейцы Тагиллага»: принципы создания, источники и методы обработки // Круг идей: историческая инфор-

менения специализированного программного обеспечения – системы Kleio* и т.д. Весьма удачным в этом отношении примером можно считать информационную систему «Города и села Среднего Урала в XX веке», разработанную исследователями Уральского государственного университета**.

Заметим, что термин «банк данных» в настоящее время хотя и признан устаревшим***, но, тем не менее, употребляется. Чаще всего под ним понимается «система, состоящая из баз данных, программных, технических, языковых, организационно-методических средств, предназначенных для обеспечения централизованного накопления и коллективного многоцелевого использования данных»****, иногда в этот список включают и обслуживающий персонал*****. По нашему мнению, термином «банк данных» имеет смысл обозначать, например, комплекс тематически связанных баз данных, разработанных для решения одной или нескольких задач.

За последние 15–20 лет на историческом факультете Алтайского государственного университета накоплен большой опыт создания исследовательских баз данных (БД). Это позволяет поставить и рассмотреть основные проблемы использования баз данных в исторических исследованиях на конкретных примерах. Базы созданы на двух кафедрах – архивоведения и исторической информатики, а также отечественной истории – и представляют собой как завершенные, так

матика в информационном обществе: труды VII конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.Ф. Юшин, М., 2001. С. 200–212; Баранов В.А., Вотинцев А.А., Гиутиков Р.М., Зуга О.В., Миронов А.Н., Никифорова С.А., Ощепков С.В., Романенко В.А., Рябова Е.В. Электронные издания древних письменных памятников и технология создания полнотекстовых баз данных // Круг идей: электронные ресурсы исторической информатики: труды VIII конференции Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л.И. Бородкин и В.Н. Владимиров. М., 2003. С. 234–288; Хабарова О.В. Информационный потенциал метрических книг Севастополя первой четверти XIX в. (характеристика базы данных) // Круг идей: алгоритмы и технологии исторической информатики: труды IX конференции Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л.И. Бородкин и В.Н. Владимиров. М., 2005. С. 165–193; Додонов Б.Ф., Котлова Т.Н., Широков В.И. База данных «Документальное наследие семьи Романовых в фондах ГА РФ»: источниковедческий аспект, состав, содержание и перспективы использования // Круг идей: Модели и технологии исторических реконструкций: труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимиров, Г.В. Можайевой. М., Барнаул; Томск, 2010. С. 288–317.

* Леверман В. Технология разработки баз данных и источник-ориентированная обработка данных // Круг идей: новое в исторической информатике: труды I конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1994. С. 15–23; Тихонов В.И. Источник-ориентированная обработка данных и противоречия источника // Круг идей: развитие исторической информатики: труды II конференции АИК / ред. Л.И. Бородкин и В.С. Тяжельникова. М., 1995. С. 294–316.

** См. Мазур Л.Н., Бродская Л.И. Эволюция сельских поселений Среднего Урала в XX веке: опыт динамического анализа. Екатеринбург, 2006. С. 168–183.

*** См., например: Коголовский М.Р. Энциклопедия технологий баз данных. М., 2002. С. 469.

**** Илюшечкин В.М. Основы использования и проектирования баз данных. М., 2009. С. 209.

***** Малыхина М.П. Базы данных: основы, проектирование, использование. СПб., 2004. С. 18–19.

и продолжающие развиваться проекты, реализованные для решения отдельных задач и вырастающие до региональных и даже более крупных масштабов. Практически все базы данных разрабатывались в среде MS Access, который пользуется заслуженной популярностью у исследователей-историков России и стран СНГ, о чем, например, свидетельствует частота упоминаний о применении этого средства разработки баз данных в публикациях изданий Ассоциации «История и компьютер».

Несмотря на то, что проектирование баз данных поставлено на научно-техническую основу, оно в определенной мере является также и искусством, поскольку здесь достаточно много зависит от опыта проектировщика. Далее на примере описания одной из баз данных остановимся на методике, позволяющей создать целый комплекс баз данных, превратив их в полноценный банк данных по истории региона.

База данных «Населенные пункты Алтайского края»

Для исследования процессов заселения и освоения территории Алтайского края в последние три столетия разработана база данных^{*****} (рис. 1), ядром которой стал список населенных пунктов Алтайского края, составленный известным краеведом и исследователем Алтая Ю.С. Булыгиным в 1997–1999 гг. В его основу положены как архивные материалы, так и сведения опубликованных источников.

Список содержит сведения обо всех населенных пунктах, существующих или существовавших на территории Алтайского края (в административных границах на начало 1990-х гг.). В нем по графам указаны: 1) порядковый номер по списку; 2) современное (для исчезнувших – последнее) название населенного пункта и его статус (вид); 3) встречающиеся в источниках более ранние названия и их варианты (также с указанием статуса населенного пункта); 4) привязка населенного пункта к гидросети; 5) выявленный по источникам период существования, представленный датами образования (или наиболее раннего достоверного свидетельства о существовании) и наиболее позднего учета или упоминания в источниках. Общий список упорядочен в алфавитном порядке по административным районам, внутри районных списков – по названию населенного пункта. Отдельный список составляют населенные пункты, месторасположение которых на территории современного Алтайского края установить не удалось.

Хорошая структурированность списка позволила перевести его в формат реляционной базы данных, которые широко используются для создания машиночитаемых источников на основе материалов, изначально имеющих четкую структуру и относящиеся к так называемым *highly structured historical sources* (высокоструктурированным историческим источникам) – материалам переписей, личным делам и карточкам, анкетам, справочникам, которые содержат разнотипную информацию (текстовую, числовую и т.д.) на уровне отдельных объектов, соединенную в одном формуляре, который представляет собой практически готовую структуру базы данных^{*****}. В первой версии БД нами была использована СУБД FoxPro.

^{*****} База данных «Населенные пункты Алтайского края» (свидетельство РФ №2007620001 от 09.01.2007 (рис. 2), авторы Д.В. Колдаков, В.Н. Владимиров, И.Г. Силина, М.Е. Чибисов). В 2009–2011 гг. эта база данных значительно расширена и пополнена новыми материалами.

^{*****} Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях... С. 95–96.

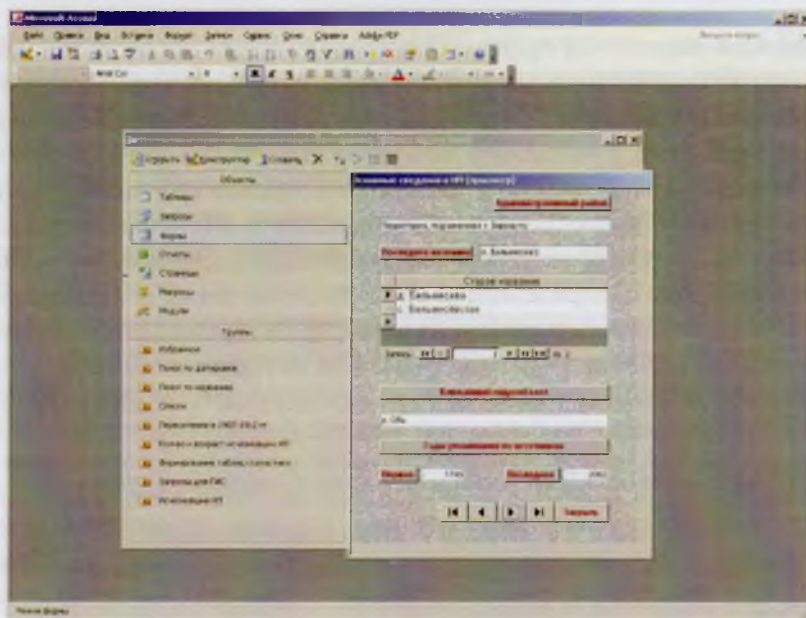

Рис. 1. База данных «Населенные пункты Алтайского края»

Разработке структуры базы данных и методов доступа к содержащейся в ней информации предшествовал длительный и кропотливый анализ предметной области объектов и процессов, подлежащих дальнейшему изучению. Предварительный анализ списка позволил выявить наличие порой совершенно идентичных фрагментов информации. Так, неоднократно встречались населенные пункты с одинаковыми названиями на территории нескольких или даже одного современного административного района. Период их существования мог различаться или совпадать. В результате наблюдалось совпадение значений отдельных атрибутов объектов. В некоторых случаях зафиксировано совпадение всех значений атрибутов, то есть полностью совпадали названия, административная принадлежность и привязка к гидрообъекту, период существования по источникам. Согласно же теории реляционных баз данных, каждая запись (кортеж) в отношении (таблице) должна быть уникальна, то есть однозначно идентифицироваться отдельным атрибутом или их набором. Поэтому уже первое, достаточно обзорное ознакомление с материалом, представленным по достаточно простой схеме: административный район – тип и название населенного пункта – варианты типов и существовавших ранее наименований населенных пунктов – гидропривязка – период существования по источникам – показало, что в дальнейшем при заполнении файлов базы данных будет необходимо особенно тщательно идентифицировать объекты. Даже на территории одного административного района встречаются населенные пункты с одинаковыми наименованиями, не говоря уже о том, что практически в каждом районе отыщется своя Ивановка, Михайловка, Березовка и т.п. Поэтому в основу группировки решено было положить современное административное деление. При этом мы учитывали, что в дальнейшем может быть определена и ранее существовавшая административная привязка, вплоть до самого последнего уровня (например, до уровня сельсоветов в советский период). Мы учитывали и то обстоятельство, что вполне возможна корректировка структуры базы

данных в связи с расширением круга решаемых задач. Практическое наполнение компонентов этой достаточно обширной структуры могло быть как параллельным, так и отдаленным друг от друга по времени.

Первой задачей, которую потребовалось решить, было переструктурирование списка (с удалением ненужной служебной информации) в табличный вид с заданием соответствующей разметки с тем, чтобы потом можно было импортировать данные в таблицы созданной базы данных. Для этого были применены средства макропрограммирования текстового процессора MS Word. Для обеспечения уникальности каждой записи в таблицу «Mainbase» («Основные сведения») был добавлено ключевое поле «id_pp» («код населенного пункта»), значение атрибутов которого было сформировано из кода административного района и названия населенного пункта.

Необходимо отметить, что и после размещения информации из списка потребовалась дальнейшая корректировка файлов базы данных, которая выполнялась исключительно вручную. Устранялись опечатки, в некоторых случаях унифицировалось написание названий населенных пунктов. Для анализа размещенной в базе данных информации был разработан комплекс процедур, осуществляющих фильтрацию данных в соответствии с задаваемыми критериями (получение списков населенных пунктов и поиск по датировке).

Сформированная база данных была рассчитана не только на выполнение справочно-информационных запросов. Она создавалась для проведения пространственного анализа материала с целью выявления основных закономерностей образования населенных пунктов на территории Алтайского края. Необходимо отметить, что географическая локализация населенных пунктов, сведения о которых имеются в базе данных – очень непростая задача. Особенно это касается тех из них, которые уже не значатся в списках существующих и не отражены на используемых оцифрованных картах. В большинстве случаев это придется делать вручную, основываясь на имеющихся описаниях их расположения.

Появление достаточно дружественных к пользователю средств разработки баз данных, таких как СУБД MS Access 97/2000, предоставляющих, в частности, удобные средства для разработки запросов, позволило перенести данные из СУБД MS FoxPro в новую среду MS Access 2000 и приступить к созданию версии 2 БД «Населенные пункты Алтайского края» (рис. 2).

Во второй версии БД все таблицы и названия полей в них стали именоваться с использованием символов кириллицы. Процедуры фильтрации были заменены параметризованными запросами. База данных подверглась дальнейшим трансформациям. В частности, стало очевидным, что хранение таких атрибутов населенных пунктов, как старые названия в виде их простого перечня не совсем целесообразно, так как, во-первых, большое число их никогда не меняло ни название, ни статус и соответствующее поле таблицы будет иметь много пропусков, а во-вторых, если пополнять базу сведениями о датировках существования этих названий, то над ними нельзя выполнять ряд операций обработки данных. В отдельную таблицу «Гидропривязка» были вынесены также сведения о ближайшем гидрообъекте, поскольку у подавляющего большинства населенных пунктов их нет.

В процессе работы над базой данных возникла необходимость уточнения круга источников, данные которых использовал при составлении своего списка Ю.С. Булыгин.

Конечно, часть источников можно определить «априори»: так, сведения о населенных пунктах, первые упоминания которых датируются 1926 г., вполне определенно взяты из «Списков населенных мест Сибирского края», датировки 1950–1980-х гг. – из справочников административного и статистического учета и т.д. Но датировка XVIII – 1-я половина XIX в. сделана по архивным документам, и наличие сведений о них в базе данных крайне желательно. В связи с этим база данных «Населенные пункты Алтайского края» была подвергнута дальнейшей реструктуризации и в ее состав были добавлены таблицы «Архивные источники о населенных пунктах» и «Опубликованные источники о населенных пунктах» (НП).

Таблица «Архивные источники о НП» была заполнена данными по материалам личного фонда Ю.С. Булыгина, а также сведениями, которые удалось обнаружить в ряде публикаций, имеющих отношение к истории районов Алтайского края и его населенных пунктов. Решено было занести не только ссылки на первичные документы, но и на те картотеки исследователя, где они были обнаружены, а также представляющие интерес пометки Ю.С. Булыгина относительно этих данных. Фиксировались и категории датировки: «первое упоминание» и «другая», если такая присутствовала и сделана по другому источнику. Таблица содержит 725 записей.

Таблица «Опубликованные источники о населенных пунктах» включает данные, также собранные по материалам картотек Ю.С. Булыгина и публикациям. В этой таблице 380 записей.

Сведения вышеуказанных таблиц позволяют уточнить основной круг источников по истории населенных пунктов Алтая. И хранение таких данных в справочно-информационных целях более чем оправдано. В перспективе возможно дальнейшее пополнение этих таблиц сведениями об обнаруженных источниках.

Включение дополнительных наборов данных в базу данных по населенным пунктам Алтая, расширяющих информационную базу исследований, например сведения о численности населения, также технически возможно, однако требует как тщательной проработки структур существующих и вновь создаваемых объек-

Рис. 2. Свидетельство о регистрации базы данных «Населенные пункты Алтайского края»

тов, так и оценки временных затрат на добавление таких данных. Ведь для занесения для каждого населенного пункта всего лишь нескольких показателей в «ручном» режиме, даже при наличии приложения с удобным пользовательским интерфейсом, потребуется выполнение множества поисковых запросов к базе данных. В случае если такие массивы данных уже существуют, их тоже нужно импортировать или внедрять определенным образом.

Одним из вариантов, позволяющим сопоставить сведения, является организация дополнительной базы данных с последующим ее связыванием (возможна автоматизация этого процесса путем выполнения ряда запрограммированных процедур) на основе общего ключа, т.е. для этого нужно создать и заполнить в соответствующей таблице присоединяемой базы столбец, содержащий, в нашем случае, идентификатор населенного пункта. Далее, в MS Access выполняется команда на организацию связи основной базы данных с таблицами подключаемой базы, и можно выполнять все необходимые запросы.

Таким образом, можно автономно разрабатывать базы данных окружения с собственными структурами, реализуя источник-ориентированный подход к созданию машиночитаемых источников. А собственно база данных «Населенные пункты Алтайского края» в таком случае становится своеобразным «каркасом», на который «накладываются» другие информационные массивы. По сути дела, это реальный путь к организации банка данных по населенным пунктам Алтая, содержащего самую разнообразную информацию. Функционирование такого банка данных, особенно при организации распределенного доступа к нему, в свою очередь, потребует переноса данных из настольной СУБД MS Access в тот или иной SQL-сервер баз данных и разработки новых клиент-серверных приложений на базе, например, той же СУБД MS Access.

Приведенная выше методика формирования «окружения» для основной базы данных была опробована нами при создании еще одного машиночитаемого массива, который получил условное название «СНМСК-Алтай». В основу его положен известный «Список населенных мест Сибирского края». Данные этого весьма представительного по объему списка могут оказаться полезными для локализации исчезнувших к настоящему времени селений, для пространственного анализа размещения их на территории региона, изучения размещения населения и т.д.

Необходимо отметить, что территория, к которой относились Барнаульский, Бийский, Каменский, Славгородский и Рубцовский округа Сибирского края, в совокупности больше территории нынешнего Алтайского края. Поэтому достаточно значительное количество населенных пунктов располагалось на территории сопредельных регионов (Новосибирской и Кемеровской областей, Республики Алтай). «Отфильтровать» такие населенные места можно, например, тщательно анализируя их административно-территориальную принадлежность, для чего понадобится использование дополнительных материалов по административно-территориальному делению более позднего времени для сопоставления данных. Однако учитывая то, что определенный задел в виде базы данных «Населенные пункты Алтайского края» уже имеется, решено было заносить сведения «Списка» по принципу «как есть», с тем чтобы в дальнейшем локализовать населенные места, зарегистрированные в 1926 г. в рамках существующего на настоящий момент административно-территориального деления.

Поскольку объем данных списка достаточно большой, решено было вводить данные «послойно», т.е. не все характеристики населенного пункта сразу, а только некоторые из них, а остальные «подключать» позднее. В первую очередь таковыми стали название населенного пункта, его статус, год возникновения, число хозяйств, учтенных при проведении переписи 1926 г., численность мужского и женского населения, данные по преобладающей национальности. Сведения о местоположении населенного пункта относительно объектов гидросети достаточно важны, но фиксировать их нет необходимости по причине того, что они уже есть в наличии в базе данных «Населенные пункты Алтайского края» и их предполагалось в дальнейшем сопоставить с записями «Списка». Кроме того, для удобства дальнейшей работы с источником вносились порядковые номера селений по округу, по району и номер страницы в издании. Такие «метки» позволяют, если понадобится, быстро и точно сослаться на данные оригинального источника.

Занесенный с использованием MS Excel список населенных пунктов, представленный в отдельных выпусках (всего 5408 строк), был подвергнут сплошной проверке и его содержимое скорректировано с учетом обнаруженных составителями сборника опечаток, представленных в сводном выпуске. Далее полученный материал был импортирован в созданную в MS Access базу данных.

Однако самым трудоемким стало сопоставление записей «Списка» с записями базы данных «Населенные пункты Алтайского края» для их однозначной идентификации и локализации в рамках существующего административно-территориального деления. Во-первых, далеко не всегда легко сразу сопоставить весьма распространенные («Ивановка», «Березовка», «Малиновка», «Покровка» и т.п.), названия населенных пунктов, особенно если они находятся в соседних районах. Даже в пределах одного района могут встречаться одноименные населенные пункты. Так, по сведениям базы данных «Населенные пункты Алтайского края» в Хабаровском районе на 1926 г. зафиксировано три поселка Васильевка. Все это требовало проверки и обращения к другим (как к более ранним, так и поздним) по происхождению источникам*, сверки с географическими картами. Во-вторых, требовалось проверять все, включая и старые, зафиксированные в базе названия населенных пунктов. В-третьих, некоторые названия населенных пунктов в обеих базах так сильно различались по написанию (особенно это касалось фамилий владельцев хуторов и заимок), что для их соотнесения приходилось очень тщательно сверять списки названий селений в пределах административных районов.

Сопоставление сведений двух баз данных позволило определить населенные пункты, как не расположенные на территории края (хотя в отношении отдельных из них все же остаются сомнения), так и находящиеся в ее пределах, но, вероятно, пропущенные при формировании материала (электронной версии списка населенных пунктов, составленного Ю.С. Булыгиным). Также были обнаружены дублирующиеся записи. Таким образом, сличение данных из базы данных «СНМСК-Алтай» позволило скорректировать созданную ранее базу данных. В результате проделанной работы имеются два взаимосвязанных набора данных, которые мож-

* Списки населенных мест 41-й районной волости Алтайской губернии. На 10-е апреля 1924 г. Барнаул, 1924. 51 с.; Административно-территориальные изменения Алтайского края за 1939–1991 гг. Барнаул, 1992. Ч. 1–2. 435 с.

но подвергнуть дальнейшей обработке и анализу. Объединяющим эти данные «стержнем» служит уникальный идентификатор населенного пункта, взятый из одной базы данных и хранящийся в другой.

Следующий этап – отбор в базе данных «СНМСК-Алтай» записей о тех селениях, которые находятся на территории края, вне зависимости от того, удалось ли их точно сопоставить с записями базы данных «Населенные пункты Алтайского края» или нет. Таковых осталось 5012, из них пока не удалось соотнести 29.

При работе со «Списком» данные о привязке населенных пунктов к гидросети не заносились, так как их после проведения сопоставления записей планировалось выбирать из соответствующей таблицы базы данных «Населенные пункты Алтайского края». Однако выяснилось, что данные в этой таблице не всегда совпадают со сведениями «Списка», а в некоторых случаях и отсутствуют, несмотря на наличие гидрообъектов вблизи селений. Найденные отличия отмечались, но, тем не менее, стало ясно, что необходима более тщательная проверка наименований гидрообъектов.

Позднее в базу были добавлены данные о наличии объектов производственной и социальной сфер, а также их количестве.

Приведенный пример наглядно показывает многочисленные проблемы, связанные с проектированием и созданием баз данных в исторических исследованиях. Однако затраченное время и силы с лихвой окупаются результатами.

База данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.»

База данных создана на основе материалов подворных обследований, проводившихся в рамках сельскохозяйственной переписи 1917 г., которые отложились в фонде Алтайской губернской земской управы (Ф. 233) КГУ «Государственный Архив Алтайского края»* (рис. 3). Анкеты переписи состоят из 165 пунктов и отражают широкий спектр демографических и хозяйственных характеристик крестьянских домохозяйств.

Рис. 3. Свидетельство о регистрации базы данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.»

* База данных «Крестьянские хозяйства Алтайской губернии в 1917 г.» (свидетельство РФ №2009620046 от 16.01.2009, авторы В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская).

В настоящее время в базе данных содержатся сведения о более 11 тыс. крестьянских домохозяйствах, отобранных на основе 5-%-ной выборки из общей совокупности крестьянских хозяйств Алтайской губернии, учтенных в ходе Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Представлена многоаспектная информация о демографическом и экономическом состоянии крестьянских хозяйств. Объем – 42 Мб.

Это богатый фактический материал с многообещающими перспективами его обработки*.

**База данных
«Переселенческие участки
Алтайского округа,
образованные в период
столыпинской реформы
(1907–1912 гг.)»**

База данных «Переселенческие участки Алтайского округа, образованные в период столыпинской реформы (1907–1912 гг.)»** (рис. 4), содержит сведения о более 3 тыс. переселенческих участках, образованных в Алтайском округе в период проведения столыпинской земельной реформы. Информация по каждому участку содержит следующие данные: название участка, местоположение (уезд, волость), тип участка

Рис. 4. Свидетельство о регистрации базы данных «Переселенческие участки Алтайского округа, образованные в период столыпинской реформы (1907–1912 гг.)»

* См., например: Разгон В.Н., Колдаков Д.В., Пожарская К.А. Демографическое и хозяйственное развитие западных волостей Алтайской губернии в начале XX в. (анализ базы данных крестьянских хозяйств по сельскохозяйственной переписи 1917 г.) // Демографическое и хозяйственное развитие алтайской деревни во второй половине XIX – начале XX в. (на материалах массовых источников): сб. ст. Барнаул, 2002. С. 22–61; Разгон В.Н. Промысловые занятия сельского населения Алтая по материалам сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Алтайская деревня в первой половине XX века: сб. науч. ст. Барнаул, 2007. С. 43–64; Кравченко Д.И. Демографическое и хозяйственное описание села Белоглазово Змеиногорского уезда по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. // Алтайская деревня в первой половине XX века: сб. науч.ст. Барнаул, 2007. С. 72–90.

** База данных «Переселенческие участки Алтайского округа, образованные в период столыпинской реформы (1907–1912 гг.)» (свидетельство РФ №2009620044 от 16.01.2009, авторы В.Н. Разгон, Д.В. Колдаков, К.А. Пожарская).

(поселок, хутор, отруб, запасной), размер участка (в десятинах), количество душевых (семейных) долей, год образования, год начала заселения, год образования крестьянского общества, расстояние до ближайшего города, транспортного узла, тип почвы. Объем – 1,2 Мб.

**База данных «Антропонимикон старожилов
Алтайского горного округа (1841–1862 гг.)»**

В настоящее время наблюдается повышенный интерес к генеалогии. Для поддержки генеалогических исследований нами была создана база данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа (1841–1862 гг.)»* (рис. 5), которая

содержит сведения из
окладных книг, храня-
щихся в КГУ ГААК.
В нее занесены сведе-

Код фамилии	Имя	Год	Лист
Васильев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Варсенов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Горбатов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Григорьев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Евдокимов (Яковлев)	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Емельянов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Зенцов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Зуев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Иванович	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Климов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Кочетков	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Козлов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Коршунов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Кослапов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Краснощев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Крылов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Невоститов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Немцов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Понкин	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Пятков	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Родников	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Рыжарев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Тимофеев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Трофимов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Федосов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Васильев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Алфимов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Антропов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Белов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Глушак	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Григорьев	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Зиринов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Колесников (Колесников)	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Кослапов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.
Локматов	Крутоберезовская	1860 Ф. 10. Оп. 1. Д. 192.	Л. 283 об.

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

СВИДЕТЕЛЬСТВО
о государственной регистрации базы данных
№ 2011620065

«Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа
(1841–1862 гг.)»

Правообладатель(ы): Государственное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Алтайский государственный университет» (RU)

Автор(ы): Ильина Елена Викторовна,
Колдаков Дмитрий Валерьевич (RU)

Заявка № 2010620677
Дата поступления 22 ноября 2010 г.
Зарегистрировано в Реестре баз данных
14 января 2011 г.

Руководитель Федеральной службы по интеллектуальной
собственности, патентам и товарным знакам

Б.Н. Сидоров

ния об 2388 фамилиях сторожилов, проживавших в 1306 населенных пунктах сорока волостей Алтайского горного округа. Объем базы данных в формате MS Access 2003 – около 1,5 Мб.

В этой базе данных представлены административно-территориальное деление Алтая середины XIX столетия, список упомянутых в архивных документах фамилий, указаны места проживания носителей фамилии (волость, название и статус селения) и сведения об источниках (год, номер фонда, описи, дело, лист).

Рис. 5. Свидетельство о регистрации базы данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа (1841–1862 гг.)»

* База данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа (1841–1862 гг.)» (свидетельство РФ №2011620065 от 14.01.2011, авторы Ильина Е.В., Колдаков Д.В.).

Применение «Антропономикона...» показывает его эффективность в качестве информационно-справочного ресурса, который существует также в виде печатного издания*.

**База данных «Население Барнаула по материалам
метрических книг г. Барнаула 1877–1886 гг.»**

При создании этой базы данных преследовалась цель – создать электронный источник, похожий по своим параметрам (полноте, структуре, языку и пр.) на оригинал – метрическую книгу (рис. 6).

На первом этапе работы предпринято исследование сохранности метрических книг по г. Барнаулу в Центре хранения архивного фонда Алтайского края. Анализ

Обряд крещения: правка

Источник: Лист: Порядковый номер по книге:

Родившийся | Отец | Мать | Крестный | Крестная |

Дата рождения: ☐ (дата неточна)

Дата крещения: ☐ (дата неточна)

Фамилия:

Имя:

Отчество:

Пол: ☐ ж ☐ м ☒ Законорожденный ☒ Подкидыш ☐

Сословие родителей:

Сведения о рукоприкладстве:

Примечания:

⏪ ⏴ ⏵ ⏩

Удалить запись

Отмена

Служители

Справочники

Новая запись

Выход

Рис. 6. База данных «Население Барнаула по материалам
метрических книг г. Барнаула 1877–1886 гг.»

показал, что сохранившийся комплекс документов за XIX в. вполне репрезентативен для применения ВИС, так как не имеет больших временных лагун.

Разрабатывая структуру базы данных «Население Барнаула», мы решили за основу взять совершенный в приходе обряд крещения, бракосочетания или отпевания.

База данных реализована в MS Access и состоит из трех основных таблиц и нескольких таблиц-справочников. В таблице «Родившиеся» содержатся даты рождения и крещения новорожденного, сведения о его законнорожденности, родителях и вос-

* Ильина Е.В. Антропономикон старожилов Алтайского горного округа. 1851–1862 гг. / под ред. Ю.М. Гончарова. Барнаул, 2010. 542 с.

приемниках, (ФИО, место приписки, сословие, социальный статус и род занятий для мужчин). Таблица «Брачующиеся» включает дату совершения обряда, информацию о сочетающихся браком (ФИО, возраст, вероисповедание, место приписки, сословие, социальный статус), кратность брака для жениха и для невесты, сведения о родственнике невесты (ФИО, социальный статус – обычно, это отец) и о поручителях жениха и невесты (ФИО, место приписки, сословие, социальный статус и род занятий). Источник содержит также подписи свидетелей и записи по желанию. В таблице «Умершие» хранятся даты смерти и погребения, данные, включающие ФИО умершего, место приписки, сословие и социальный статус, возраст, причину смерти. Также содержатся сведения о том, кто исповедовал или приобщал умершего, где совершено погребение. В данную таблицу заносятся данные и о родственнике умершего (ФИО, социальный статус и степень родства – как правило, это отец, мать, жена или муж).

В настоящее время в структуру базы данных внесены изменения: переструктурированы основные таблицы и добавлены дополнительных таблиц-справочники («Чины», «Сословия» и др.). База постоянно пополняется новыми материалами.

База данных «Население Тобольска в 1897 г.»

База данных «Население Тобольска в 1897 г.»* (рис. 7–8), созданная в MS Access 2002, включает 14 таблиц, из которых 5 основных и 9 таблиц-справочников. Общее число записей в таблицах – 39751. К основным таблицам относятся следующие:

Рис. 7. База данных «Население Тобольска в 1897 г.»

1. «Персональные сведения» (10130 записей). В данной таблице содержатся такие сведения о жителях Тобольска, как фамилия, имя, отчество, пол, возраст, семейное положение и отношение к домохозяйству, сословие или звание, вероисповедание, родной язык, грамотность. Однако нужно отметить, что нами учитывались только горожане, для которых были указаны сведения в графе «Занятие, ремесло, промысел, должность или служба».

* База данных «Население Тобольска в 1897 г.» (свидетельство РФ №2009620043 от 16.01.2009, авторы В.Н. Владимиров, Е.А. Брюханова, Д.В. Колдаков, И.Г. Силина).

2. «Домохозяйство» (3787 записей). По сути дела, это связующая таблица между таблицами с персональными данными и сведениями об источнике. В ней также указан номер переписного листа соответствующего дела.

3. «Состав семьи» (8930 записей). Здесь отражены родственные и другие отношения проживающих в домохозяйстве к его главе по категориям (супруг, сыновья, дочери и т.д.), а также число лиц, относящихся к данной категории.

4. «Образование» (4768 записей). В этой таблице сосредоточены сведения о жителях Тобольска, имеющих образование, и название учебного заведения, которое они окончили. При выделении соответствующих данных в отдельную таблицу мы исходили из того, что могло быть указано не одно, а два и более полученных образования и, соответственно, учебных учреждений. Правда, для некоторых тоболяков в источниках название их учебного заведения не указано.

5. «Занятия» (11768 записей). Таблица содержит информацию о горожанах, имевших как основное, так и побочное занятие, отнесенных к той или иной сфере (сельское хозяйство, строительство, торговля и т.д.). Дается также дословное (как в переписном листе) описание занятия. При проектировании данной таблицы, как и в случае с таблицей «Образование», мы также исходили из того, что у жителей Тобольска могла быть достаточно широкая сфера приложения их трудовых умений и навыков, и они могли иметь несколько побочных занятий.

Быстрое и корректное заполнение даже небольшого числа таблиц практически невозможно без использования таблиц-правочников. Нами были созданы и в процессе занесения данных заполнены следующие справочники:

1. «Источники» (38 записей).
2. «Сословия, звания» (18 записей).
3. «Степени родства» (55 записей).
4. «Языки» (35 записей).
5. «Вероисповедания» (10 записей).
6. «Типы учебных заведений» (25 записей).

Рис. 8. Свидетельство о регистрации базы данных «Население Тобольска в 1897 г.»

7. «Семейное положение» (5 записей).
8. «Сферы занятия» (18 записей).
9. «Профессии и занятия» (164).

Структура большинства из них очень проста: «Код»—«Название», например «Код сферы занятия»—«Занятие». Исключение составляет справочник «Профессии и занятия», имеющий более сложную структуру для хранения описания кодов классификации профессий по ISCO-68 и по HISCO, названий и определений занятий (профессий) на двух языках – русском и английском.

Как следует из структуры базы данных, основной упор сделан не на домохозяйство как структурную единицу, отраженную в переписном листе, а на конкретного человека. В рамках работы по исторической классификации профессий это вполне оправдано. Тем не менее несмотря на то, что база данных ориентирована в первую очередь на решение вышеуказанной задачи, она может быть использована и для более широкого изучения населения г. Тобольска в конце XIX в.

***База данных «Беженцы на юге Западной Сибири
(1915 – начало 1920-х гг.)»***

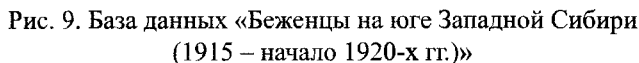
Для изучения профессионального состава беженцев Первой мировой войны на территории Томской и Алтайской губернии была создана база данных «Беженцы на юге Западной Сибири (1915 – начало 1920-х гг.)» (разработчики – А.С. Щетинина, Р.Н. Перебоев). Основой для ее создания послужили два выпуска алфавит-справочника «Беженцы в Томской губернии Список семейств беженцев и адреса их»^{*} и поволостные списки 1920–1921 гг., составлявшиеся при проведении эвакуации беженцев. В этой базе данных представлены сведения о семьях беженцев: фамилия, имя, отчество главы семьи, его возраст, национальность, род занятия; сведения о членах семьи: имя, пол, возраст, кем приходится главе семьи; информация о месте жительства до и после эвакуации. В качестве дополнительных сведений указывается подданство, вероисповедание, сословие и грамотность беженцев (рис. 9).

Список беженцев содержит сведения о свыше 6800 человек. Кроме того, база данных включает в себя ряд дополнительных таблиц справочного характера, в которых содержится вспомогательная информация: поисковые и выходные данные источников, расшифровка принятых в них сокращений и др. Всего в базе данных 20 таблиц-справочников. Объем базы данных в формате MS Access 2003 составляет 2,4 Мб.

Информация из базы данных позволяет проследить изменения не только численности и территориального размещения беженцев, но и их профессиональной занятости, социального положения в целом**.

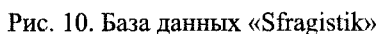
^{*} Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их. Издание Томского Губернского Отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. Вып. 1-й. Томск, 1916; Беженцы в Томской губернии. Список семейств беженцев и адреса их. Издание Томского Губернского Отделения Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны. Вып. 2-й. Томск, 1916.

^{**} Щетинина А.С. Профессиональный состав беженцев Первой мировой войны в Томской губернии // Историческое профессиональное образование: источники, методы, технологии анализа: сб. науч. тр. / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ванн Леувена. Барнаул, 2008. С. 226–245.

*База данных по сфрагистическим памятникам
Колывано-Воскресенского горного округа*

С целью создания первого электронного свода печатей Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа с использованием СУБД MS Access 2003 была создана база данных «Sfragistik» (разработчики – С.В. Неверов, Р.Н. Перембеев, О.И. Чекрыжова). Печати горного округа – исторические источники, которые до настоящего времени остаются практически неизученными.

База данных содержит сведения о печати (ее описание, датировка, принадлежность, ссылка на изображение, хранящееся в графическом файле и т.д.), данные о персоналиях, которым принадлежали эти печати, информация об источниках и ряд вспомогательных таблиц-справочников. Объем базы данных – 3,8 Мб (рис. 10).

В настоящее время эта база данных интенсивно пополняется новыми материалами. Разработанные на ее основе хронология и периодизация различных типов печатей дадут дополнительный материал для подтверждения или уточнения времени организации и функционирования различных государственных, ведомственных и местных учреждений*.

Базы данных в сети Интернет

Без использования баз данных обычно не обходится ни один интернет-портал, а возможности технологии баз данных для организации представления динамического содержимого трудно переоценить. Примерами являются многочисленные страницы сети Интернет, которые можно объединить под общим названием «Этот день в истории...»: оптимальное функционирование и поддержка таких ресурсов без применения систем управления баз данных очень затруднительна.

Одним из направлений нашей работы является организация с доступом через сеть Интернет баз данных различного профиля, предназначенных для поддержки функционирующих сервисов, а также имеющих самостоятельное значение как информационный ресурс. К ним относятся базы данных «Населенные пункты Алтая» на «Алтайском региональном историческом портале» и интернет-версия базы «RusHisco» на портале «Историческое профессиоведение».

*Web-сайт «История населенных пунктов Алтай»*** преобразован из страниц одноименного сайта, который содержал статичные порайонные списки существующих населенных пунктов Алтайского края с указанием даты первого упоминания их по источникам. Это интернет-версия описанной выше базы данных «Населенные пункты Алтайского края», со сведениями о 1655 населенных пунктах края. Она функционирует под управлением СУБД MySQL. Обсуждающее этот web-сайт приложение (написано на PHP), позволяет посредством форм осуществлять следующие запросы к базе данных: 1) выборка списка населенных пунктов указанного района; 2) поиск по названию; 3) поиск по старому названию; 4) поиск по году первого упоминания по источникам; 5) поиск по периоду первого упоминания по источникам; 6) населенные пункты-юбиляры (т.е. те, которым на текущий год исполняется 50, 100, 150, 200, 250 лет).

Данное приложение позволяет отображать только те данные, которые желает получить посетитель сайта. Так, в бланках запроса он может указать, нужно ли выводить сведения о старых названиях или о ближайшем гидрообъекте, если таковые

* Неверов С.В., Чекрыжова О.И. Применение информационных методов при анализе комплекса сфрагистических памятников Колывано-Воскресенского горного округа // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: мат. XII конференции АИК. Октябрь 2010 г. М., 2010. №36. С. 77–78.

** История населенных пунктов Алтая [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://new.hist.asu.ru/base/rindex.html>

существуют. На бланках запросов также присутствуют краткие рекомендации посетителям для корректного ввода критериев запроса к базе данных.

Информационная-справочная система «Историческое профессиоведение» создана на основе базы данных, первоначально реализованной в MS Access с применением системы управления контентом Drupal 6.

Эта система ориентирована на многоаспектный доступ к материалам. Она позволяет получать информацию о классификационной группе и коде HISCO профессии, ее названии на английском языке, а также его эквиваленты на русском, краткое описание профессии на русском языке, примеры описания или упоминания профессии в энциклопедиях, словарях, научной и художественной литературе, пословицах и поговорках, изображения и т.д. Доступна художественная галерея изображения профессий в русском и советском искусстве.

Для информационного наполнения системы был обработан достаточно широкий круг источников. Это ряд исследовательских баз данных, о которых уже упоминалось выше, а также материалы из баз данных, которые разработаны в других исследовательских центрах, справочные, энциклопедические и мультимедийные издания, иллюстративный материал (репродукции картин известных художников, рисунки и наброски к ним, фотографии и т.д.), произведения русских и советских писателей (И. Бунин, А. Герцен, М. Горький и др.). Имеются ссылки на интернет-ресурсы по профессиоведению.

Система представляет интерес не только для рядового пользователя, но и для специалистов в области исторического профессиоведения.

Таким образом, применение технологий баз данных для формирования информационной среды исторических исследований и образования представляется совершенно необходимым, а использование различных платформ и средств (СУБД настольного и серверного типа, Web-технологии) позволяет решать поставленные задачи достаточно гибко и эффективно.

В.Н. Владимиров, Д.В. Колдаков

1.2. Историческое профессиоведение*

В последнее время все больший интерес проявляется к исследованиям, посвященным профессиональной структуре населения, ее изменениям, профессиональной мобильности, истории и развитию различных видов занятий населения. Это направление мы называем *историческим профессиоведением*. Общей методологической основой его является комплексный междисциплинарный подход, синтезирующий в себе традиционные методы исторической науки, а также методы демографии, информатики, математической статистики и пр.** Широко применяются компьютерные технологии, связанные, прежде всего, с хранением и обработкой данных в системах управления базами данных и электронных таблицах.

Профессиональный состав и профессиональная мобильность населения входят в состав тех «краеугольных камней», без которых невозможно изучение общества, как современного, так и в исторической ретроспективе. Профессия человека во многом определяет его социальный статус, а смена профессии является одной из важнейших движущих сил социальной мобильности. Интерес к информации о профессиях неуклонно возрастает во всех сферах жизни и науки, среди ученых и практиков. Без представлений о профессиональном составе населения невозможно понимание экономических и хозяйственных особенностей общества, развития отдельных секторов экономики, вовлеченности населения в различные отрасли производства, сферы услуг и информации.

Осуществление и реализация обозначенного исследовательского направления представляются актуальными как в связи с усилением внимания отечественных ученых к региональной истории, так и с распространением интеграционных процессов в научно-исследовательской области, позволяющих перенимать уже имеющийся опыт и проводить широкие сравнительные исследования. О региональной истории необходимо сказать особо потому, что в такой огромной стране, как Россия, региональные особенности профессионального состава играли во все времена большую роль в развитии страны. Чрезвычайно разнообразные природные условия, неравномерность развития отдельных территорий, постоянные процессы хозяйственного освоения того или иного региона приводили к различным путям развития профессионального состава населения. Отсюда следует невозможность создания полной картины развития профессиональных номенклатур и профессионального состава населения России, замыкаясь в изучении отдельных регионов. В то же время только данные из регионов в их синтезе могут дать общую объективную картину развития профессий.

В процессе работы подтверждается наше первоначальное предположение, что в такой огромной стране, как Россия, в каждом регионе наблюдается своя специфика состава профессий, например, в горнозаводских регионах (Урал, Алтай) развита соответствующая номенклатура профессий, связанная с горным производством и металлургией, а в Санкт-Петербурге источники называют очень

* Различные аспекты нашего исследования были в разные годы поддержаны грантами РФФИ, 08-06-00119а, РГНФ, 08-01-00334а, РГНФ, 12-01-00082а и др.

** Подробнее об этом см.: Владимиров В.Н. Историческое профессиоведение: предмет и проблематика // Вестник Пермского университета. Сер.: История и политология. 2009. Вып. 3 (10). История. С. 96–99.

много профессий, связанных с обслуживанием царской фамилии. Поэтому методика работы обусловлена, с одной стороны, уже сложившимися направлениями и приемами исследований, прежде всего правилами классификации и кодификации занятий населения (профессий), выработанными в ходе создания западноевропейских национальных вариантов, с другой стороны, целым рядом соображений, касающихся российской специфики структуры профессиональной занятости населения, названий профессий и содержания соответствующей профессиональной деятельности.

Изучение международного опыта дает неоценимую пользу для профессиональных исследований. Использование новых методик и технологий в области социальной и демографической истории – метод восстановления истории семей (ВИС), изучение профессионального состава на основе Международного исторического стандарта классификации профессий (HISCO), широкое использование технологии баз данных, статистических методов и пр. – позволяет полноценно использовать информационный потенциал широкого спектра отечественных исторических источников, классифицировать и кодифицировать получаемые сведения о видах и особенностях занятости населения и, в конечном счете, дает возможность изучения социальной и профессиональной мобильности населения. «Территориальная однородность» источниковой базы позволяет применять однотипную методику работы на уровне отдельных регионов России, за счет чего гарантируется получение сравнимых результатов.

На этом пути неизбежна сложная и кропотливая источниковедческая работа, цель которой состоит в выявлении источников по профессиональному составу и профессиональной мобильности населения, определении их информационного потенциала и репрезентативности, в том числе в сравнительном аспекте, имея в виду региональные и хронологические различия. Источниковые особенности влияют и на методологические и методические основы анализа (в том числе сравнительного) состава и мобильности населения в профессиональной сфере.

Хронологические рамки исследования определяются, прежде всего, имеющимися представлениями о характере источников и содержании в них информации о видах занятий населения. Прежде всего это XIX – начало XX в. В 20–30-е гг. XX в., в связи с появлением новых учреждений и переходом функций учета населения к светской власти, полностью изменяется характер образования источников. Источники XVIII в. менее информативны в профессиональном плане, но без их использования глубина исторической ретроспективы будет недостаточной.

Исследования профессионального состава населения нашли определенное отражение в отечественной историографии, однако они нечасто были предметом специального исследования и основывались преимущественно на агрегированных источниках. Вопросы, связанные с профессиональной мобильностью, историками на системном уровне практически не ставились, привлекая наибольшее внимание представителей других наук – прежде всего психологии и социологии.

«Новая волна» исследований исторических аспектов профессиональной и социальной мобильности появилась в конце XX – начале XXI в. Фундаментом этих исследований стало создание HISCO, которое позволило систематизировать профессиональную деятельность в различных регионах земного шара в разные исто-

рические периоды на сравнимой основе. Разница между странами и регионами, проявляющаяся в наборах профессий, классифицированных по отдельным группам HISCO, позволяет говорить об экономической специализации территорий.

Среди современных исследователей можно назвать имена создателей HISCO М.Х.Д. ван Леувена, И. Маас (Нидерланды) и Э. Майлса (Великобритания), а также Я. Кока, Х. Делгера (Нидерланды), М. Хайена (Швеция) и многих других*. Ряд работ этих и других исследователей переведен нами на русский язык и опубликован**.

Отечественная историография становления рассматриваемого направления весьма незначительна. Начало было положено статьей В.А. Скубневского и Ю.М. Гончарова, вышедшей в 1998 г.*** С 2002 г. началось создание пилотной русскоязычной версии Международного исторического стандарта классификации профессий HISCO, были разработаны основные принципы создания отечественной классификации профессий, основанные на принципах и правилах создания HISCO****. В основу российской версии были положены переписные листы Первой всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Тобольску. На основе этого источника была создана база данных, содержащая 11768 записей о занятиях населения, на ее основе проводились классификация и анализ профессионального состава населения Тобольска 1897 г. Итогом работы стал первый выпуск сборника научных

* Отметим только несколько последних работ: Leeuwen M.H.D. van. *The Logic of Charity*. Fmsterdam, 1800–1850. New York: PALGRAVE, 2000. 242 p.; *Origin of the Modern Career* / Ed. D. Mitch, J. Brown, M.H.D. van Leeuwen. Burlington, 2004. 342 p.; *International Review of Social History*. Vol. 50. Supplement 13: *Marriage Choices and Class Boundaries: Social Endogamy in History* / Ed. M.H.D. van Leeuwen, I. Maas, A. Miles. Cambridge, 2005. 295 p.

** Маас И., Ван Леуен М.Х.Д. Профессии и социальные классы сельского населения Франции (1680–1820 гг.) // *Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник*. Барнаул, 2007. С. 142–163; Ван Леуен М.Х.Д., Маас И. Изучение социальной мобильности в прошлом // *Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа*. Барнаул, 2008. С. 101–148; Они же. Эндогамия и социальный класс в истории: обзор // *Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности*. Барнаул, 2009. С. 193–220; Хайен М. Без будущего. Возможности карьерного роста мужчин, принадлежащих к уменьшающимся профессиональным группам в Стокгольме, 1880–1925 // *Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа*. Барнаул, 2008. С. 213–225; Ботело Т.Р. Различные переписные категории: профессия, раса и социальная ситуация в Бразилии в XIX в. // *Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности*. Барнаул, 2009. С. 45–77; Зийдеман Р.Л., Мандемакерс К. Роль среднего образования в межпоколенном переходе профессионального статуса в Нидерландах 1865–1940 гг. // *Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности*. Барнаул, 2009. С. 221–252; Кок Й., Делгер Х. Успех или отбор? Влияние миграции на профессиональную мобильность в голландской провинции в 1840–1950 гг. // *Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности*. Барнаул, 2009. С. 253–292.

*** Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Международный проект HISCO в России: к проблеме кодификации исторических профессий // *Известия АГУ*. 1998. №3(8). С. 58–62.

**** Владимиров В.Н. К проблеме создания русскоязычной исторической классификации занятий населения (профессий) // *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»*. 2002. №30. С. 12–14.

трудов «Историческое профессиоведение»*, получивший хорошую оценку со стороны научного сообщества**.

В результате работы возникло и понимание трудностей в применении классификации HISCO по отношению к профессиональному составу российского населения – отсутствие в HISCO ряда профессий, сложности корректного перевода названий профессий с одного языка на другой и т.д. Наконец, стало ясно, что создание классификации возможно только на базе широкого круга источников различной территориальной принадлежности. При этом классификация занятий населения, будучи частью HISCO, должна в то же время учитывать российские национальные и региональные особенности.

В октябре 2006 г. в Москве состоялся Международный симпозиум «Историческое профессиоведение: профессии и труд в российской истории», который и положил начало широкой работе по изучению профессий, занятости, профессиональной мобильности. Именно здесь были заложены основы современных подходов к изучаемой проблематике. В настоящее время выявлен массив источников разнообразного происхождения, рассмотрен информационный потенциал и возможность использования их данных в рамках исторического профессиоведения и создания классификации профессий. К ним относятся как первичные материалы (метрические книги, переписи населения и пр.), так и агрегированные данные (переписей, обследований, списки профессий по отраслям и т.д.). Отработаны основные моменты классификационной процедуры.

Участниками исследований являются в настоящее время исследователи Барнаула, Москвы, Петрозаводска, Санкт-Петербурга, Тамбова, Тулы, Ярославля. Состояние профессиоведческих исследований подробно освещалось на XI и XII конференциях Ассоциации «История и компьютер», где ему были посвящены специальные сессии (14 и 10 докладов и сообщений, соответственно)***. Некоторые итоги исследований подведены во втором и третьем выпусках сборника научных трудов «Историческое профессиоведение»****. Подготовлен к печати и четвертый выпуск.

Источники профессиоведческих исследований

Среди всех проблем и трудностей, связанных с историко-профессиоведческими исследованиями, на одно из первых мест следует поставить проблему источников. Западные исследователи используют, как правило, уже готовые базы данных, созданные в результате выполнения крупных проектов. У нас это пока невозможно. Вообще, найти сравнимый первичный материал в источниках XIX – начала XX в.

* Историческое профессиоведение / под ред. В.Н. Владимирова. Барнаул, 2004. 208 с.

** Максимова Л.Н. Пимокаты, объездчики, модистки... Мир профессий в ретроспективе // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. X. №4. С. 201–205.

*** Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск: мат. XI конференции Ассоциации «История и компьютер». 2008. №35. С. 98–120; Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». Специальный выпуск: мат. XII конференции Ассоциации «История и компьютер». 2010. №36. С. 196–211.

**** Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. Барнаул, 2008. 256 с.; Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследования профессиональной и социальной мобильности / под ред. В.Н. Владимирова, М.Х.Д. ван Леувена. Барнаул, 2009. 300 с.

довольно сложно. Агрегирование же информации происходило с использованием различных методических и статистических приемов, что делает его результаты чаще всего в принципе несравнимыми.

Следует отметить и то, что профессиональная идентификация населения до конца XIX в. находилась в сохранившихся источниках далеко не на первом месте. Кроме того, большие сложности представляет отделение собственно занятий населения от различных чинов, званий, статусов и пр. Специфика российского общества привела к появлению в источниках многочисленных идентификаций, которые, не являясь профессиональными в полном смысле этого слова, находятся близко к ним и отчасти пересекаются с ними. Речь идет о таких категориях, как «чин», «статус», «звание», «должность», «квалификация» и т.д. В целом российские источники не поражают богатством свидетельств профессиональной идентификации населения. Первичных материалов переписей и обследований сохранилось немного, агрегированные же данные, как уже говорилось, часто обрабатывались по несовместимым методикам. Единственной возможностью в этом случае получить представительный для характеристики профессиональной структуры населения и ее сравнения с другими странами материал является переклассификация и перекодировка данных.

Источниковедческая стадия исследования представляется необходимой не только потому, что специальные исследования на этот счет практически не проводились, но и с учетом мнения исследователей о том, что в силу особенностей исторического развития России достаточно сложно найти комплексы представительных источников по занятиям населения. В большинстве случаев до сегодняшнего дня профессиональный состав населения изучался историками по агрегированным данным различных переписей, обследований и т.д. Эти сведения чрезвычайно полезны для получения общей картины и прослеживания тенденций развития занятий населения, но ничего не дают в плане изучения профессиональной мобильности.

Между тем несмотря на общую тенденцию уничтожения первичных материалов, характерную для России 2-й половины XIX и начала XX в., такие первичные материалы кое-где сохранились. В качестве примера укажем на сохранившиеся первичные листы Всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Тобольску.

Развитие информационных технологий, методов обработки массовых источников и других массивов данных открывает для исследователей новые возможности и перспективы. Для исторического профессиоведения математические методы и компьютерные технологии являются важнейшим инструментом.

Основной единицей изучения в историческом профессиоведении является профессия или занятие, извлечение информации о которой и получение ее социально-демографических характеристик без специальных методов обработки источников не представляется возможным. Речь идет прежде всего о технологии баз данных и различных специальных методиках обработки данных о занятиях населения.

Для исследований в области исторического профессиоведения подходят практически любые массивы данных, в которых профессиональное занятие и/или профессиональный и социальный статус являются отдельными атрибутами. В наших исследованиях мы использовали созданные в Барнауле, Санкт-Петербурге, Тамбове и Ярославле базы данных по различным регионам России, охватывающие период 1800–1920 гг. и отражающие следующие группы источников: материалы

официальной статистики – индивидуальные переписные листы переписи 1897 г. (Тобольск, Ярославль), материалы церковного учета – метрические книги (Барнаул, Санкт-Петербург), делопроизводственные материалы – формулярные списки служащих по Алтайскому горному округу, а также списки избирателей по выборам в Учредительное собрание (г. Тамбов), опубликованные списки беженцев Первой мировой войны по Томской губернии.

Классификация занятий населения (профессий)

Фундаментом историко-профессиоведческих работ являются классификации исторических профессий. Действительно, невозможно перейти к любым сравнительным исследованиям – синхронным или диахронным – не опираясь на фундамент одинакового понимания профессиональной ситуации как в отдельных отраслях экономики, так и в целом. Иными словами, для обеспечения корректного сравнения разных стран и регионов в различные исторические периоды мы должны исходить из одних и тех же оснований, базироваться на одних и тех же принципах сравнения.

Сегодня в мире существует огромное количество различных, отраслевых и универсальных, классификаций занятий населения (профессий). Однако в них зафиксирована современная ситуация. Их невозможно применить к историческим исследованиям напрямую, без соответствующей коррекции. Поэтому за последние десятки лет многие исследователи пытались создать такие классификации, которые пригодны для анализа исторического материала. Это весьма сложно, поскольку существующие в различные исторические периоды наборы профессий весьма отличались друг от друга, отражая как уровень развития экономики в целом, так и ту или иную региональную специфику.

В настоящее время в профессиоведческих исследованиях на Западе чаще всего используется международный исторический стандарт классификации профессий HISCO (Historical International Standard Classification of Occupation)*, созданный западноевропейскими исследователями во главе с сотрудником Международного института социальной истории в Амстердаме и профессором Утрехтского университета (Нидерланды) Марко Х.Д. ван Леувенем на основе классификатора ISCO68 – версии 1968 г., разработанной Международной организацией труда. Англоязычный в своем базовом варианте, HISCO существует и на других языках, при этом каждая версия имеет свою специфику в зависимости от особенностей той или иной страны. HISCO позволяет унифицировать процесс сравнения профессиональных структур населения различных времен и народов, а также исследовать динамику развития профессионального состава. На базе HISCO строятся и дальнейшие социально-классовые схемы стратификации населения (HISCLASS, HISCAM) и др., позволяющие перейти к исследованию профессиональной и социальной мобильности**.

В последнее время все возрастающей популярностью пользуется классификационная схема PST, название которой является аббревиатурой английских слов

* Leeuwen M.H.D. van, Maa I., Miles A. HISCO: Historical International Standard Classification of Occupations. Leuven University Press, 2002. 441 p.

** См., например: Маас И., ван Леувен М. Профессии и социальные классы сельского населения Франции (1680–1820 гг.) // Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник. Барнаул, 2007. С. 142–163.

primary, secondary, tertiary (имеются в виду первичный, вторичный и третичный секторы экономики). В окончательном виде эта классификация создана группой британских исследователей под руководством профессора Кембриджского университета Энтони Ригли*. Она исходит из несколько иных, нежели HISCO, принципов, в целом, правда, довольно схожих по сути.

В основу деления на первом уровне здесь положены следующие секторы экономики: первичный (сельское хозяйство и добывающая промышленность), вторичный (обрабатывающая промышленность, транспорт, строительство) и третичный (торговля и сфера обслуживания). Такое разделение построено на логике, согласно которой с развитием хозяйства первичный сектор все более уступает место вторичному, а затем первичный и вторичный – третичному. Внутри секторов выделяются группы, в своем последнем варианте эта классификация доходит до кодирования отдельных профессий.

Разумеется, делать выводы о сравнительной значимости этих двух классификаций пока очень рано, необходимо накопить соответствующий опыт исследований. Пока же представляется, что обе рассмотренные схемы весьма полезны и плодотворны. PST дает возможность дать общую оценку профессиональной структуры населения и представить на этой основе реальную картину состояния экономики. HISCO позволяет проводить более «точечные» исследования с переходом от изучения профессиональной структуры к исследованию структуры социально-классовой.

Нами за основу русскоязычной классификации исторических профессий была взята система HISCO, как наиболее широко распространенная и апробированная в многочисленных профессиоведческих исследованиях. Возможны два основных подхода к созданию такой классификации. Первый заключается в использовании материалов на персональном уровне, когда каждая запись в базе данных представляет собой сведения о конкретном человеке. На основании обработки полей о занятии (профессии) мы получаем в итоге не только материал для классификации и кодирования, но и можем определить частоту встречаемости каждой профессии, определить мужские и женские профессии и т.д. Конечно, это более плодотворный подход. Но его применение сдерживается состоянием источников. Поэтому правомерен и другой подход, который заключается в использовании для создания классификационно-кодировочных схем различных справочников с перечислением профессий в разных отраслях производства. В обоих случаях при классификации и кодификации следует исходить из девяти основных принципов HISCO – Международного стандарта классификации профессий**.

Методика работы для первого подхода уже апробирована. Она заключается в использовании готовых баз данных на уровне персоналий, где есть записи о профессиональной принадлежности индивидов. На первом этапе за счет устранения

* Leigh Shaw-Taylor and E.A. Wrigley. The Occupational Structure of England. c. 1750–1871. A Preliminary Report // <http://www.geog.cam.ac.uk/research/projects/occupations/introduction/summary.pdf>

** Подробнее см.: Киселева (Брюханова) Е.А. Кодирование профессиональных данных в целях проведения сравнительно-исторических исследований // Известия Алтайского государственного университета. Сер.: История, политология. 2008. 4/4. С. 89–94.

ошибок в написании, разночтений, поиска соответствий и т.д. производится сведение большого числа написаний названий профессий в меньшее число категорий. Затем дается определение каждой из выделенных категорий, которые по существу представляют собой названия профессий. Для этого необходимо привлекать историческую и художественную литературу, словари-справочники и т.д. Далее мы соотносим выделенное название профессии с англоязычным вариантом и при необходимости – с вариантами на других языках. После этого производится собственно кодификация, т.е. отнесение к соответствующей группе (по трем уровням классификации) и присвоение кода. Выявление в ходе исследования неизвестных или не рассмотренных ранее профессий потребует отнесения их к той или иной группе существующей классификации и присвоения соответствующего кода. Возможно и создание новых групп, поскольку классификация является открытой.

Очевидно, что при втором подходе методика в целом не будет серьезно отличаться, однако здесь мы можем опираться только на сам факт существования данной профессии без оценки частоты ее встречаемости в том или ином регионе.

Классификация и кодификация исторических видов занятий населения позволяет проводить сравнительный анализ профессионального состава населения как на уровне отдельных регионов России, так и на уровне целых стран. Углубленное изучение профессий дает возможность восстановить значение названий значительного числа утраченных профессий, выявить изменившиеся и неизменные по содержанию профессии, отметить появление принципиально новых профессий, а также показать те, которые при неизменном названии изменили свое содержание, и, наоборот, оставаясь практически неизменными по содержанию, изменили название.

Перепись 1897 г. как источник для профессиональных исследований

Обратимся для примера к результатам Первой всероссийской переписи населения 1897 г. – единственной дореволюционной переписи, охватившей все население Российской империи. Известно, что первичные переписные листы сохранились лишь в отдельных регионах (Тобольская, Архангельская и некоторые другие губернии). Об итогах переписи в целом мы можем судить только по сводным ее материалам, опубликованным уже в начале XX в. Говоря о регистрации данных о профессиональном составе населения во время переписи 1897 г., российский исследователь Б.П. Кадомцев отмечал, что эта регистрация была поставлена на задний план и затемнялась другими вопросами переписи*. В опубликованных итогах переписи все занятия населения были распределены на 65 групп с последующим их делением на 390 видов профессий. Это разделение вряд ли можно назвать удачным, поскольку представленная классификация фактически не имеет единого основания.

Мы попытались провести кодировку представленного материала в соответствии с классификациями PST и HISCO. Это оказалось весьма трудоемким делом. Оказалось, что группы PST несколько более соотносимы с группами нашей переписи, чем группы HISCO. В то же время в PST возникли определенные трудности

* Кадомцев Б.П. Профессиональный и социальный состав населения Европейской России по данным переписи 1897 года. (Критико-статистический этюд). СПб., 1909. С. 1.

с кодировкой некоторых транспортных групп. В итоге нам удалось соотнести практически все представленные в итогах переписи занятия населения как с секторами и группами PST, так и с группами HISCO.

Таким образом, имеющийся у нас опыт работы показывает, что разработанные европейскими исследователями исторические классификации профессий в целом достаточно валидны для их применения к российским источникам. Разумеется, существуют и серьезные различия в профессиональной структуре населения России и стран Западной Европы, однако при разработке русскоязычных классификаций они хорошо укладываются в имеющиеся классификационные схемы путем применения дополнительных классификационных процедур.

Метрические книги

В плане изучения первичных источников мы возлагаем наибольшие надежды на материалы церковно-приходского учета населения, прежде всего, на метрические книги, сохранившие подробные записи о крещениях, похоронах и бракосочетаниях за сравнительно длительный промежуток времени. Здесь нас в первую очередь интересуют метрические книги городских приходов. Метрики сельских приходов содержат достаточно скудные сведения о социальной и профессиональной принадлежности населения. В случаях плохой сохранности метрических книг в качестве вспомогательных источников могут выступать исповедные ведомости, ревизские сказки и другие документы церковного учета населения.

Потенциал метрических книг как историко-демографического источника уже многократно был предметом исследования историков и источниковедов, количество таких работ столь велико, что только их перечисление составит многостраничную книгу. В зарубежной исторической науке накоплен и определенный опыт использования информации метрических книг для профессиоведческих исследований*.

Основным направлением исследований в рамках рассматриваемой тематики является разработка методики обработки извлеченной из метрических книг информации о профессиях с учетом принципов международного стандарта HISCO. Работая в этом направлении, мы пришли к выводу, что профессиональная информация представлена в метрических книгах несколькими способами:

- 1) указание профессии/занятия (чина) человека. Лицо, участвующее в обряде, является «носителем» профессии («прямая» запись);
- 2) указание бывшей профессии/занятия (чина) по причине отставки, увольнения человека. Лицо, участвующее в обряде, являлось «носителем» профессии (временная связь);
- 3) указание профессии/занятия (чина) отца, либо мужа, т.е. человека, не участвующего в обряде. Лицо, участвующее в обряде, не является «носителем» профессии (семейная связь);

* Подробнее об этом см.: Владимиров В.Н., Сарафанов Д.Е., Чибисов М.Е. О возможности использования материалов церковноприходского учета населения для изучения профессиональной занятости населения // Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа: сб. ст. Барнаул, 2008. С. 28–50.

4) указание статуса человека. Сведения не содержат в формулировке указания на профессию (вдова, девица/девка, обыватель, незаконнорожденный(ая), подкидыш и пр.). Лицо, участвующее в обряде, является «носителем» статуса.

Информация о чинах и званиях людей требует отдельного самостоятельного анализа, при этом HISCO предлагает некоторые возможности для изучения и этого вида информации.

Применение различных методик выявления записей о профессиях (занятиях) населения Барнаула позволяет получить достаточно хорошие результаты. Так, нами выявлено, что почти 51% записей содержит прямое либо косвенное указание на информацию о профессиональной принадлежности населения. В то же время прямые записи дают цифру лишь немногим более 11%, однако эта цифра хорошо согласуется с международным опытом изучения метрических книг.

Далее нами проводилась классификация и кодификация занятий населения (профессий) в соответствии с правилами и принципами HISCO. В результате было выявлено 103 наименования профессии. 17 записям код не удалось присвоить. На рисунке 1 показано распределение занятий по большим группам HISCO, далее приведем более подробную их характеристику.

- 0/1 – профессиональные, технические и родственные им работники;
- 2 – административные и управленческие работники;
- 3 – конторские и родственные им работники;
- 4 – работники сферы торговли;
- 5 – работники сферы обслуживания;
- 6 – производственные и родственные им работники, операторы транспортного оборудования и чернорабочие;
- 7/8/9 – работники земледелия, животноводства, лесного хозяйства, рыболовы и охотники.

7/8/9 – работники земледелия, животноводства, лесного хозяйства, рыболовы и охотники.

Хорошо видно, что группы 0/1 и 5, являясь самыми многочисленными, насчитывают практически одинаковое количество наименований профессий (32 и 31 соответственно). Группа 0/1 включает, в своем большинстве, специалистов алтайской межевой экспедиции, работников об-

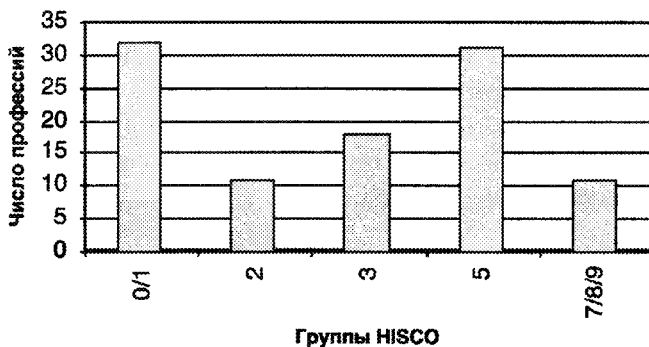

Рис. 1. Группы профессий (по материалам метрических книг Покровского прихода Барнаула)

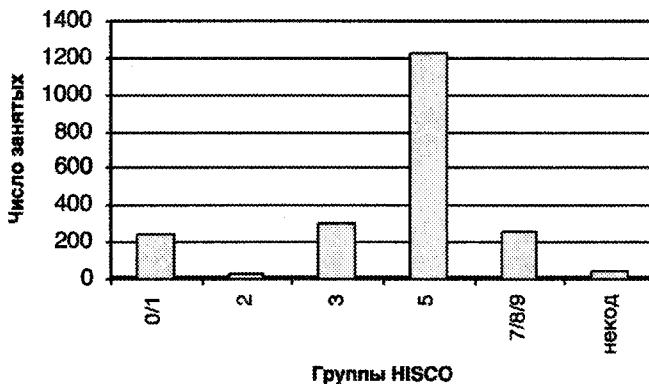

Рис. 2. Занятость населения (по материалам метрических книг Покровского прихода Барнаула)

разовательной, медицинской сфер, священно- и церковнослужителей. В группу 5 входят, главным образом, военные и полицейские чины города. Конторские и родственные им работники (группа 3) насчитывают 18 наименований профессий. Это работники почтовой, телеграфной служб, канцелярские служители.

Группы 2 и 7/8/9 представлены 11 наименованиями профессий. Первая – управленцами горной сферы, руководителями барнаульской телеграфной станции, уездным воинским начальством, остальные – горнозаводскими работниками, матросами. Работники сферы торговли, а также земледелия, животноводства, лесного хозяйства, рыболовы и охотники (группы 4 и 6, соответственно) не зафиксированы в метрических книгах.

Число занятых в конкретной сфере деятельности горожан Покровского прихода (рис. 2) составило 2115 чел.

Самой многочисленной является группа работников сферы обслуживания (группа 5) – 1231 человек. В этой группе фигурируют только военные и полицейские чины. Второй по представительности является и группа 3 – конторских и родственных им работников – 302 записи. Группы 0/1 и 7/8/9 насчитывают практически одинаковое количество записей (240 и 261 соответственно). В рамках группы профессиональных, технических и родственных им работников можно выделить несколько сфер деятельности. В частности, медицинская сфера (80 записей) представлена врачами (главным образом, фельдшерами), лекарскими и аптекарскими учениками (29 записей). Сфера образования насчитывает 20 учителей (в том числе помощников) школ, училищ (городских, духовных), женской прогимназии. В группу 0/1 входят также представители духовенства – 75 записей, межевщики Алтайской межевой экспедиции – 33 и некоторые другие.

Группа производственных и родственных им работников, операторов транспортного оборудования и чернорабочих практически во всех случаях связана с горным производством (261 запись). Наибольшее число записей в этой группе принадлежит «мастеровым» (230). Группа 2 – административных и управленческих работников – насчитывает 34 записи. В группу некодированных профессий (47 записей) вошли наименования, которым невозможно присвоить код той или иной сферы.

Рассмотренный материал показывает, что метрические книги являются весьма ценным источником для изучения профессионального состава населения*. Трудоемкость получения информации полностью окупается полезностью ее содержания.

Профессиональная и социальная мобильность

Важнейшее значение имеют исследования профессиональной мобильности населения той или иной страны. Понятие «профессиональная мобильность» представляется весьма неоднозначным и сложным по структуре. В самом общем виде это

* Владимирова В.Н., Сарафанова Д.Е., Чибисова М.Е. К изучению профессионального состава населения Барнаула во второй половине XIX – начале XX вв. // Наука – Алтайскому краю. 2008 г. Барнаул, 2008. Вып. 2. С. 120–126; Владимирова В.Н., Сарафанова Д.Е. О возможности использования метрических книг для изучения профессионального состава населения // Идеи академика И.Д. Ковальченко в XXI веке: мат. IV научных чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова. 10 ноября 2008 г. М., 2009. С. 69–79.

переход индивида из одной профессиональной позиции в другую*. Сюда же относится способность личности овладевать новыми технологиями, приобретать недостающие знания и умения. Профессиональная мобильность определяется также как форма социальной мобильности, под которой в классическом варианте понимается «...любое перемещение индивидуального или социального объекта ... из одного положения в другое»**. Она предполагает изменение трудовой позиции или роли работника, обусловленное переменой места работы или профессии. Профессиональной мобильностью активно занимаются экономисты, психологи, социологи, демографы.

В исторической сфере такое направление исследований только начинает складываться. Необходимо исследовать особенности мотивации к профессиональной мобильности в историческом прошлом, условия, способствующие активизации этого процесса и многие другие факторы. На фоне огромного числа работ на эту тему представителей других гуманитарных и социальных наук такое «белое пятно» в исторической науке выглядит довольно неоправданным. Профессиональная мобильность как одна из разновидностей социальной мобильности традиционно изучается социологами, а такое направление, как историческая социология, со стороны исторической науки только начинает складываться***.

Поскольку профессиональная принадлежность человека является одним из важнейших индикаторов, определяющих его социальный статус, исследования профессиональной структуры и профессиональной мобильности от исследования социальной мобильности отделяет лишь один шаг. Для изучения мобильности используется методика, которая заключается в создании и использовании баз данных на уровне персональных, где есть записи о занятиях (профессиях) отдельных индивидов. Для восстановления межпоколенных связей используется известный в научно-исследовательской практике метод ВИС.

Путем использования методики связывания записей, создается массив данных, содержащий по каждой семье имена, места жительства, даты рождения, вступления в брак и смерти супругов, а также их детей. Здесь же содержится информация о профессиональной принадлежности членов семьи, которая содержится в части записей метрических книг. Для дополнения этого раздела могут использоваться данные о профессиональной принадлежности людей, содержащиеся, например, в исповедных ведомостях.

После этого возможен переход к более укрупненным схемам, таким, например, как HISCLASS****, цель которой – редуцировать большое число профессий до меньшего числа групп, называемых классами, что дает возможность перейти к изучению межпоколенного движения между такими профессиональными классами. В ее основе лежат различия между умственным и физическим трудом, выделение руководящего труда, отнесение к первичному сектору экономики и пр.

* Социология: Энциклопедия. Минск, 2003. С. 813.

** Сорокин П. Социальная мобильность. М., 2005. С. 119.

*** В последнее время на это активно указывает Б.Н. Миронов: Миронов Б.Н. Социология и историческая социология: взгляд историка // Социологические исследования. 2004. №10. С. 55–63; Он же. Историческая социология России: учебное пособие. СПб., 2009. 536 с.

**** Van Leeuwen M.H.D., Maas I. HISCLASS. A Historical International Social Class Scheme. Leuven University Press, 2011. 181 p.

Существуют и иные инструменты дальнейшего исследования, такие как SOCPPO*. Далее возможно рассмотрение различных видов мобильности («притоковой» и «оттоковой», «вертикальной» и «горизонтальной»). Возможности анализа будут зависеть от количества и качества данных, оценить которые представляется возможным только после создания баз данных.

Для изучения профессиональной/социальной мобильности западные исследователи берут, как правило, большие массивы данных с разницей в одно поколение, чтобы проследить изменения по линии «отец – сын»**. В настоящее время мы такими данными не располагаем. Однако можно воспользоваться синхронными данными по разным поколениям одних и тех же семей для прослеживания профессиональной мобильности по той же линии «отец – сын». Понимая все недостатки подобного подхода, дающего весьма специфическую картину, будем в данном конкретном случае исходить из принципа «лучше что-то, чем ничего».

Для изучения профессиональной мобильности нами были взяты в качестве источника переписные листы Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. по г. Тобольску, на основе которых в свое время была создана база данных для разработки пилотной версии русскоязычного HISCO***. Более 11 тыс. записей в базе содержат информацию о профессиях жителей г. Тобольска****. Для того чтобы иметь возможность проследить смену профессиональной занятости в рамках двух поколений, из всех вышеназванных записей были выделены связки «отцы – сыновья».

Априори представляется, что престижность и статусность профессии зависит от принадлежности к той или иной группе HISCO и уменьшается от первых групп (0/1) к последним (7/8/9). Поэтому смену группы на более высокую можно рассматривать как восходящую профессиональную мобильность, а на более низкую – как нисходящую.

Всего было выявлено 227 семей, в которых сыновья проживали вместе с отцами, и достоверно было известно о занятиях тех и других. В них было выявлено 285 сыновей, имеющих запись о профессии. Следует отметить, что в 120 (42,1%) случаях из 285 наблюдается смена поколением сыновей профессиональной группы отцов (табл. 1).

При анализе данных о повышении и понижении статуса профессии, выразившемся в переходе в более высокую или более низкую группы HISCO, выясняется, что определяющим фактором здесь остается принадлежность к группам отцов.

* Van de Putte B., Miles A. A Social Classification Scheme for Historical Occupational Data Partner Selection and Industrialism in Belgium and England, 1800–1918 // *Historical Methods*. Spring 2005. Vol. 38. №2. P. 61–92.

** Укажем только две последние работы, переведенные на русский язык: Маас И., ван Леувен М. Профессии и социальные классы сельского населения Франции (1680–1829 гг.) // *Материалы церковно-приходского учета населения как историко-демографический источник*. Барнаул, 2007. С. 142–163; Они же. Изучение социальной мобильности в прошлом // *Историческое профессиоведение: источники, методы, технологии анализа*. Барнаул, 2008. С. 101–148.

*** «Население Тобольска в 1897 г.», свидетельство РФ №2009620043 от 16.01.2009, авторы Владимиров В.Н., Брюханова Е.А., Колдаков Д.В., Силина И.Г.

**** Владимиров В.Н., Дёмкин А.В., Киселева Е.А., Колдаков Д.В., Перебоев Р.Н., Силина И.Г. Историческая классификация профессий: первый русскоязычный вариант HISCO // *Историческое профессиоведение*. Барнаул, 2004. С. 63.

57,9% всех сыновей остались «немобильными» в профессиональной плане. 22,8% сыновей поменяли работу на более квалифицированную, а 19,3% – понизили уровень своей профессии.

Таблица 1

Движение сыновей относительно «отцовских» групп

Группы HISCO	Кол-во отцов/сыновей	Кол-во сыновей, оставшихся в группе	Кол-во сыновей, выбравших другие группы
0/1	9/10	1 (10,0%)	9 (90,0%)
2	11/12	3 (25,0%)	9 (75,0%)
3	12/13	6 (46,2%)	7 (53,8%)
4	36/49	13 (26,5%)	36 (73,5%)
5	23/29	3 (10,3%)	26 (89,7%)
6	6/9	7 (77,8%)	2 (22,2%)
7/8/9	130/163	132 (81,0%)	31 (19,0%)
Всего	227/285	165 (57,9%)	120 (42,1%)

На следующем этапе исследования рассмотрим мобильность между укрупненными группами. Исходя из общих представлений о престижности труда, объединим группы профессионалов (0/1) и администрации (2) в первую, наиболее престижную укрупненную группу. Во вторую укрупненную группу мы включаем конторских работников (3), работников сфер торговли (4) и обслуживания (5). В третью укрупненную группу, наименее престижную, включим работников сельского хозяйства (6) и рабочих всех категорий (7/8/9).

Анализ распределения сыновей по таким большим группам (табл. 2) показывает прежде всего, что из 285 сыновей сохранили свой профессиональный статус 184, или 64,6%. Понизили его 53 человека (18,6%), а повысили – 48 (16,8%).

Таблица 2

Распределение сыновей по приходу в сферы деятельности

Группы отцов ----- Группы сыновей	0/1; 2	3; 4; 5	6; 7/8/9
0/1; 2		18	3
3; 4; 5	9		27
6; 7/8/9	8	36	
Всего	22	91	172

Исходя из общего анализа, можно сделать общий осторожный вывод о незначительной, но все-таки существующей мобильности населения Тобольска в конце XIX в. в социально-производственной сфере*. Наиболее востребованные в плане престижности или по требованиям квалификации сферы или группы профессий в основном воспроизводили сами себя. Некоторые подвижки были заметны в группе канцеляристов, работников торговли и обслуживания. Причем если опираться на классификацию HISCO, то в пределах этой сферы наиболее моби-

* Подробнее об этом: Владимиров В.Н., Неженцева Н.В., Щетинина А.С. О возможностях изучения профессиональной мобильности по материалам переписи 1897 г. в Тобольске // Историческое профессиоведение: создание HISCO и исследование профессиональной и социальной мобильности. Барнаул, 2009. С. 148–159.

ными в профессиональном плане были сыновья торговцев. Скорее всего, это было связано с финансовыми возможностями их отцов, которые могли дать своим детям необходимое образование и тем самым повысить их статус. Самая престижная в обществе сфера административных работников, работников сферы управления, а также группа высококвалифицированных работников оказалась, видимо, менее доступной для большинства сыновей в силу необходимости наличия специального образования, профессиональных навыков и положения в обществе. Хорошо заметно, что гораздо легче было перейти в «соседнюю» социально-профессиональную сферу, нежели «перепрыгнуть» через нее. В любом случае необходимы массивы сравнимых данных по территории через 20–25 лет для получения объективной картины профессиональной и социальной мобильности.

Информационная система «Историческое профессиоведение»

Наконец, остановимся на еще одном направлении работы – создании информационной системы по историческому профессиоведению*. Система позволяет получать информацию о классификационной группе и коде HISCO профессии, ее названии на английском языке, а также его эквиваленты на русском, краткое описание профессии на русском языке, примеры описания или упоминания профессии в энциклопедиях, словарях, научной и художественной литературе, пословицах и поговорках, изображения и т.д.

Информационная система ориентирована на многоаспектный доступ к материалам. Так, изобразительный материал можно будет получить не только в результате осуществления поисковых операций в базе данных профессий/занятий, но и, например, открыв галерею изображений профессий.

Ряд материалов, несомненно, привлечет внимание специалистов в области исторического профессиоведения. Это страницы, содержащие информацию о собственном проекте HISCO, о проведенных научных мероприятиях, ссылки на электронные ресурсы по профессиоведению, в том числе, историческому, электронные версии опубликованных ранее сборников научных статей и т.д.

Для информационного наполнения системы был обработан достаточно широкий круг источников. К ним относятся исследовательские базы данных; справочные, мультимедийные и энциклопедические издания; иллюстративный материал, представляющий собой главным образом воспроизведения картин русских и советских художников, художественные и документальные фотографии; произведения русских и советских писателей; интернет-ресурсы по профессиоведению.

Доступ к материалам информационной системы возможен как напрямую, путем выбора тех или иных страниц с помощью пунктов меню разделов «Информационная система» и «Информационные ресурсы», так и с использованием поискового механизма сайта. По умолчанию поиск проводится по материалам сайта. В связи с этим, если в результате запроса ничего не было найдено, например, в материалах сайта, то можно попробовать переадресовать запрос к базе данных профессий/занятий. Для этого нужно перейти на страницу задания критериев поиска, выбрав в панели навигации в разделе «Информационная система» пункт «Поиск по базе данных», а затем на странице поиска пункт меню «База данных/профессий занятий».

* Доступ к системе: <http://occupations.asu.ru>

Реализовано несколько способов найти сведения об отдельной профессии:

а) с помощью итеративного древа HISCO, благодаря наличию которого, даже не зная точного названия, описание нужной профессии можно найти по сфере деятельности;

б) воспользовавшись поиском по названию профессии (на русском языке);

в) поиском по ключевому слову в словарных статьях, литературных фрагментах и определениях профессий. Данный метод полезен для поиска профессий, связанных с определенным предметом, животным и т.д.

Информационная система носит открытый характер и будет совершенствоваться по мере достижения новых результатов в профессиональных исследованиях.

Заключение

Последние исследования зарубежных коллег показали, что названия профессий занимают важнейшее место среди инструментария историков для реконструкции трудовой жизни, структуры рабочей силы, социального статуса и заработка. Названиями профессий, их эволюцией занимаются представители социальной истории, историки, изучающие экономические и демографические проблемы, а также историки культуры, изучающие, например, как появились различные разделы в переписных документах и в том, как представлены профессиональные группы в печатных источниках. Названия профессий для этих целей могут быть найдены в материалах переписей, метрических книгах и многих других источниках с XVI столетия до наших дней. Они почти универсальны и покрывают значительную часть земного шара, включая Россию.

Предлагаемые методы и подходы в области создания отечественной классификации профессий дают возможность извлекать, систематизировать, классифицировать и кодифицировать информацию о профессиональной занятости населения посредством изучения и разработки широкого круга отечественных исторических источников.

Современное состояние исследований исторических профессий находится в России на уровне, требующем создания универсального стандарта профессий, учитывая при этом опыт зарубежных коллег и специфику отечественных источников, исторические реалии России. Создание универсальной российской исторической классификации занятий населения (профессий) как составной части международного исторического стандарта кодирования профессий позволяет отечественной исторической науке выйти на мировой уровень как в сравнительном изучении занятости населения в различные исторические периоды, так и в исследованиях по социальной и профессиональной мобильности населения. Без российских материалов трудно представить себе полноценную картину развития системы занятий населения в Европе и в мире в целом.

В.Н. Владимиров

1.3. Базы данных в изучении городской семьи Сибири 2-й половины XIX – начала XX в.

Источниками особого типа можно признать электронные базы данных (БД) по народонаселению сибирских городов, которые создавались для решения конкретных исследовательских задач на основе широкого массива архивных и опубликованных источников. Применение информационных технологий компьютерного источниковедения представляет в данной области значительные перспективы. Как уже отмечалось: «... сложность проблемы моделирования истории семьи и многообразие аспектов ее функционирования диктует необходимость создания интегральной системы, в которой источник-ориентированные базы данных взаимосвязаны... что обеспечивает комплексный подход и многоаспектность воспроизведения истории семьи»*.

Анализ сохранившихся источников по истории городской семьи Сибири второй половины XIX – начала XX в. позволил выявить специфику источниковой базы, заключающуюся в обширности и разнородности существующих источников, многие из которых до сих пор не были введены в научный оборот. Выявление комплекса документов, выяснение степени сохранности и полноты информации, содержащейся в источниках, а также установление достоверности источниковой информации и выявление взаимосвязи источников (преемственности и сопоставимости информации), создали условия для построения ряда электронных баз данных по истории городских семей Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в., являющихся комплексными источниками для анализа демографических процессов, протекавших в городских семьях Сибири.

В результате работы было создано несколько баз данных, в частности, база данных купеческих семей Западной Сибири 2-й половины XIX – начала XX в. (разработчики – Ю.М. Гончаров, Д.В. Колдаков, АлтГУ)**.

Всего при создании базы данных купеческих семей было использовано более 600 архивных единиц хранения и 60 опубликованных источников, при этом практически все материалы относятся к группе номинативных исторических источников, т.е. источников, содержащих определенный набор сведений о конкретных (поименованных) лицах.

Использование столь разнообразных исторических источников определяется тем, что для изучения истории семей в нашей стране не существует какого бы то ни было «базового» источника, в отличие, например, от западноевропейских метрик, которые, по сравнению с отечественными метрическими книгами, значительно более репрезентативны в демографическом, генеалогическом и историко-биографическом отношениях***. Таким образом, отсутствие достаточно репрезен-

* Русина Ю.А., Мазур Л.Н. История семьи: перспективы исследования // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 1997. №21. М., 1997. С. 90.

** Гончаров Ю.М., Колдаков Д.В. База данных купеческих семей Томской губернии второй половины XIX – начала XX в. // Предприниматели и предпринимательство в Сибири. Барнаул, 1997. Вып. 2. XVIII в. – 1920-е гг. С. 20–44.

*** Антонов Д.Н. Восстановление истории семей (родов). Возможности идентификации информации по данным метрических книг и ревизских сказок // Информационный Бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1994. №10, апрель 1994. С. 62; Антонов Д.Н., Антонова И.А. Метрические книги: время собирать камни // Отечественные архивы. 1996. №4–5.

тативных однотипных источников диктуют применение метода контаминации, т.е. свода данных основных и вспомогательных источников, дающих сходную, хронологически преемственную информацию.

База данных купеческих семей Западной Сибири представляет собой особым образом организованное и хранящееся в электронном виде в памяти компьютера описание семей гильдейцев региона по строго определенным формальным признакам – структурно-количественным характеристикам и некоторым биографическим данным.

Данная БД по типу использованных объектов относится к просопографическим. Под просопографией в специальной литературе понимается область исторической науки, которая занимается изучением характерных черт определенных групп людей на основе их индивидуальных биографических данных. Предметом просопографических исследований является изучение одного или нескольких аспектов «коллективных биографий» различных социальных, профессиональных или иных групп людей*. Таким образом, просопография занимается исследованием динамических аспектов избранного социума в целом, а не биографий отдельных личностей. К просопографическим задачам относятся изучение динамики обобщенных характеристик выделенного социума, выявление закономерностей его формирования, построение динамических рядов по основным показателям анализируемой совокупности персоналий и др. Решение просопографических задач требует рассмотрения множества характеристик сотен, а то и тысяч биографий при широком пространственно-временном охвате и в информационном плане сопряжено с огромными объемами данных, которые необходимо упорядоченно хранить и которыми необходимо эффективно оперировать.

В силу этого при просопографических исследованиях актуален отказ от «карандашно-бумажной» технологии обработки информации и внедрение в процесс исторического исследования современных компьютерных технологий. В данном подходе сведения представляют наибольший аналитический интерес именно в агрегированном виде как основа определенных динамических группировок, т.е. для нас представляют интерес именно статистические результаты, обобщенные на уровне конкретной социальной группы персоналий в изучаемой совокупности, их структуры и динамики. Для подобного подхода в отечественной литературе было предложено название «от просопографии к статистике»**.

Для создания БД необходимо отобрать из всего комплекса информации, которую дают существующие источники, те характеристики, описывающие объект изучения, которые необходимы для данного исследования и организовать их таким образом, который наиболее подходит для решения проблемы. Такая БД будет уже являться новым, агрегированным источником со своей собственной структурой, не связанной со структурой исходных документов. Ценность такого интегрального источника заключается как раз в том, что характер, структура и организация

* Перевертень В.А. Разработка информационной системы для просопографических исследований: Автореф. дис... к.т.н. М., 1996. С. 1.

** Гарскова И.М. От просопографии к статистике: Методика анализа баз данных по источникам, содержащим динамическую информацию // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул, 1996. С. 123–124.

информации в нем подчинены конкретной исследовательской задаче. Таким образом, созданная БД – проблемно-ориентированная, исследовательская и не является простым переводом источника в машиночитаемый вид*.

Сложность проблемы организации историко-исследовательской информации заключается в большом ее объеме и нестандартности. Круг использованных источников очень широк. При создании интегрированного источника на основе этих документов большое значение имеют чисто источниковедческие проблемы полноты, достоверности и сопоставимости сведений из различных источников. Важным этапом работы является определение степени структурированности и формализованности используемых источников, поскольку структуризация информации источников – это необходимый момент при создании проблемно-ориентированной базы данных. Поэтому при создании базы данных важное место занимали источниковедческие и технические проблемы**.

По степени структурированности среди использованных источников выделяются две основные группы. Первая группа получила в зарубежной литературе название *highly structured historical sources* (высокоструктурированные исторические источники)***. В традиционном источниковедении эти источники обычно называются формулярными. Это, как правило, массовые источники, имеющие стандартизованную, единообразную форму (формуляр). Именно такие источники уже изначально имеют четкую структуру, что делает их наиболее удобными для перевода в машиночитаемый вид в формате базы данных****. К структурированным источникам относится часть делопроизводственной документации: формулярные списки, анкеты, личные дела; большинство материалов учета населения: метрические книги, исповедные росписи, брачные обыски, первичные материалы переписей. При этом не вид описания, а наличие структуры описания отличает структурированные источники от остальных. Можно выделить две основные особенности этой группы документов: это отсутствие агрегирования информации и соединение разнотипной информации (текстовой, числовой, логической) в одном формуляре*****.

Другой тип источников, который выделяется по уровню структурированности, получил название «документы, включающие данные»*****. Эти документы имеют, как правило, административное или юридическое происхождение. К этой группе относятся завещания, описи имущества, судебно-следственные материалы

* Гарскова И.М. Исследовательские базы данных: Специфика создания, архивирования и каталогизирования // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1996. №17, март 1996. С. 34.

** Соколов А.К., Бонюшкин Л.Е., Мякушев С.Д. База данных как путь к историческому синтезу // Информационный Бюллетень Ассоциации «История и компьютер». М., 1996. №17, март 1996. С. 18.

*** Edén or Babylon? On Future Software for Highly Structured Historical Sources / J. Oldervoll (ed.). Scripta Mercaturae Verlag, St.Katharinen. 1992.

**** Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., Goettingen, 1994. С. 95–96.

***** Историческая информатика. М., 1996. С. 59–60.

***** Брере Л. Реляционные базы данных и свободный текст: *Contradictio in terminis* ? // История и компьютер: новые информационные технологии в исторических исследованиях. Scripta Mercaturae Verlag, St. Katharinen, 1993. С. 40–41.

и другая документация с нестандартизованным содержанием. Данные документы содержат много чисто фактических сведений о различных людях и событиях, в них присутствует некая нечеткая структура (дата создания документа, архивные реквизиты, тип документа, имена людей и т.д.). Все эти элементы включены в текст, из которого их можно выделить, однако они не имеют достаточно четкой структурной связи друг с другом. Сведения, содержащиеся в этих источниках, можно формализовать для использования в просопографической базе данных, однако если при работе со структурированными историческими источниками элементы их структуры можно использовать при создании комплексного источника, то структура базы данных никак не может быть связана с информацией, извлеченной из документов, включающих в себя данные.

Проблема формализованности источников также связана с проблемой стандартизации информации, которая возникает при создании БД, основанной на комплексе разнотипных источников. В частности, при создании просопографической БД одной из главных является проблема идентификации имен. Например, в источниках встречается пять вариантов написания фамилии барнаульского купца Ельдештейна*. При решении проблем идентификации персоналий необходимо привлекать весь комплекс известной информации – даты жизни, место жительства, сфера предпринимательства, родственные связи купца и т.д.

Кроме того, источник часто может содержать ошибки, описки, разночтения и другие неточности. Это ставит проблемы, связанные с возможностью последующего анализа, поскольку цели анализа требуют стандартизации данных, кодирования и последующего агрегирования для получения некоторых обобщений**.

Важную роль при создании БД играет степень сопоставимости и взаимодополняемости сведений источников, а также проблема преемственности информации различных видов источников за разные промежутки времени. Информационный потенциал использованных источников достаточно большой. Сохранившиеся документы позволяют характеризовать с той или иной степенью полноты значительную часть купеческих семей Западной Сибири 2-й половины XIX – начала XX в. Наиболее полную информацию мы имеем о купечестве крупных городов – Тобольска, Тюмени, Томска, Барнаула, а также такого торгового города как Бийск. Так, сохранилась информация обо всех купеческих семьях Томска за 1854, 1865, 1868, 1873, 1877, 1887, 1899–1904 гг. При этом полнота информации о купечестве отличается за разные годы. По Бийску мы располагаем сведениями о всех купеческих семьях за 1867, 1884, 1910 и 1916 гг. Полные по охвату сословия данные о барнаульских купцах имеются за 1867 и 1909–1917 гг. Кроме того, данные материалов церковного учета населения позволяют восстановить состав около 60% купеческих семей Барнаула за весь исследуемый период. Хорошо сохранились также сведения о купечестве такого значительного торгового центра, как Мариинск. Архивные документы, отложившиеся в ГАКО, дают представление о всех купеческих семьях Мариинска за 1860–1868, 1871, 1876, 1888, 1892, 1897, 1904 и 1908 гг. Сведения о купечестве других городов Западной Сибири сохранились значительно

* ГААК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 767–771.

** Гарскова И.М. Указ. соч. С. 99–100.

хуже. Так, в нашем распоряжении находятся данные о составе купеческих семей Колывани, Тары, Ялуторовска, Тюкалинска только за отдельные годы. По городам Новониколаевску, Нарыму, Сургуту можно пользоваться информацией только об отдельных семьях купцов за разные годы, а по Березову, Кузнецку и Каинску практически не сохранилось сведений, которые бы представляли интерес для данной работы.

Неоднородно распределение данных и по структуре информации. Наиболее полно сохранились сведения о составе семей: количестве членов семьи, мужчин и женщин, именах и возрасте глав семей. Несколько менее полно представлены сведения о именах и возрасте других членов семей, особенно женщин. Далеко не всегда можно восстановить национальность (вероисповедание) сибирских купцов. Сложности возникают также при характеристике имущественного положения отдельных купцов (размера капиталов и кредитов, стоимости недвижимого имущества, нормы прибылей).

БД с точки зрения информатики представляет собой информационное отображение (информационную модель) некоторой предметной области, совокупности объектов – сущностей реального мира. Эти объекты могут обладать довольно большим набором признаков – атрибутов. Далеко не все из возможных атрибутов исследуемых объектов могут быть восстановлены по данным исторических источников. Поэтому создание базы данных начинается с этапа инфологического проектирования, т.е. с определения предметной области, круга объектов и описывающих их атрибутов*. В нашем случае в качестве сущностей – объектов реального мира выступают семьи купцов Тобольской и Томской губ. 2-й половины XIX – начала XX в. В исторической информатике исследователь вынужден строить, собственно, не модель исторической реальности, а модель источника или группы источников, некоторым образом свидетельствующих об этой реальности. Поэтому этап концептуального моделирования БД в данном случае связан с выявлением и оценкой информационного потенциала тех источников, которые привлекаются для создания физической базы данных в памяти компьютера.

В данном случае концептуальная модель не может опираться на какой-то один источник или группу источников – ни один из использованных источников не дает всего набора интересующих нас атрибутов. Поэтому созданная БД купеческих семей фактически является новым комплексным источником – «метаясточником», структура которого практически не связана со структурой исходных документов.

В основе любой модели данных лежит определенная структура. При создании БД купеческих семей Западной Сибири было признано, что наиболее подходящей для поставленных целей исследования, несомненно, является реляционная структура. Реляционная модель данных состоит из таблиц. Таблица данных представляют собой двумерный массив типа «объекты – признаки», удовлетворяющий некоторым специальным требованиям**. Реляционная база данных, как правило, состоит из нескольких таблиц. Каждой таблице соответствует отдельный файл базы данных.

* Историческая информатика. М., 1996. С. 147.

** Гарскова И.М. Указ. соч. С. 69.

Просопографические БД имеют свою специфику. По определению Л. Стоуна, «просопографией называется изучение характерных черт определенных групп людей на основе их индивидуальных биографических данных»*. В силу этого просопографические данные содержат динамическую информацию, связанную с различными моментами в жизни человека. Все это относится к изучению семьи, поскольку семья не остается статичной даже в рамках жизни одного индивида. Работа с динамической информацией требует специального подхода к организации базы данных, цель которого – нормализация информации. Действительно, поскольку БД является динамической информационной моделью предметной области исследования и отдельная семья может отражаться в источниках и в базе данных неоднократно, то некоторые характеристики этой семьи (фамилия, имя, отчество, год рождения главы семьи и т.п.) могут также неоднократно повторяться. Выйти из этого положения можно, если вынести все в принципе неизменяемые данные о семье в отдельную таблицу. Динамические данные (количество членов семьи, возраст и т.п.) группируются в одну или несколько других таблиц. В таблице, содержащей статичные данные, каждой семье соответствует только одна запись. В остальных таблицах может содержаться несколько разновременных записей, посвященных одной и той же семье. Тип связи, когда одному объекту может соответствовать несколько записей, называется в специальной литературе отношением «один ко многим»**. Для оптимизации данных в этом случае прибегают к отделению «одного» от «многих», т.е. данных, которые необходимо записать всего лишь один раз для каждого главы семьи, от данных, которые изменяются с течением времени. Поэтому необходимо разместить эти данные в разных таблицах. Для того, чтобы разделить данные об одной и той же семье на несколько таблиц, необходим способ, позволяющий связать записи одной таблицы с записями другой. Таблицы связываются путем использования общего ключевого поля, которое присутствует в обеих таблицах. Именно принцип связанности таблиц и дал название этому типу БД – реляционные базы.

Поскольку все записи в таблицах неотличимы друг от друга по структуре описывающих их атрибутов, различаясь лишь конкретными значениями, необходимо ввести в набор атрибутов один уникальный, который однозначно определял бы объект, поскольку в противном случае при совпадении всех значений атрибутов может происходить «сливание» тех объектов, все значения атрибутов у которых совпадает. Этот уникальный атрибут называется идентификатором.

При определении идентификатора перед нами встает проблема отличия одной купеческой семьи от другой. Этот вопрос не так прост, как кажется. С течением времени каждая семья может изменяться как количественно, так и качественно. Кроме того, семьи могут распадаться, дробиться, сливаться и т.п. Поэтому необходимо выбрать критерий, при изменении которого можно говорить об образовании новой семьи, которой будет соответствовать уже другая запись в базе данных. На наш взгляд, наиболее подходящим критерием является личность главы семьи. Поэтому будем считать, что семья существует до тех пор, пока ее возглавляет один

* Stone L. Prosopography // Daedalus. 1974. V. 100. P. 46.

** Сигель Ч. Paradox – это очень просто. М., 1993. С. 246.

и тот же человек, вне зависимости от каких-либо количественных или качественных изменениях в ее составе. В то же время при смене главы семьи, даже если изменения в составе и структуре семьи, происшедшие при этом, незначительны, мы будем говорить об образовании новой семейной ячейки. Преемственность капиталов и генеалогические связи между семьями в данном случае необходимо выражать специальными способами.

Тем не менее уникальным идентификатором в нашем случае не может быть ни фамилия главы семьи, ни даже фамилия вместе с именем и отчеством, так как у разных людей все они могут совпадать. Поэтому для отличия объектов – купеческих семей – друг от друга необходимо ввести специальный личный номер для каждого главы семьи. Этот личный номер – код, внесенный в число атрибутов, и будет являться в нашем случае идентификатором. Для удобства работы был принят буквенно-цифровой код, состоящий из двух латинских букв, обозначающих город, в купечестве которого впервые отмечен нами данный купец (Br – Барнаул, Bs – Бийск, Is – Ишим, Kl – Колывань, Kг – Курган, Kz – Кузнецк, Mr – Мариинск, Nп – Новониколаевск, Nm – Нарым, Tb – Тобольск, Tk – Тюкалинск, Tм – Тюмень, Tг – Тара, Ts – Томск, Yl – Ялуторовск) и трехзначного цифрового номера.

При создании многотабличной БД удобнее всего принять за ключевое поле, посредством которого связываются таблицы, именно то поле, в котором записано значение кода-идентификатора. Таким образом, в таблице, содержащей статическую информацию, каждой семье будет соответствовать одна запись. В других же таблицах записей, отмеченных кодом одной семьи, может быть несколько. Количество записей в первой таблице будет соответствовать количеству персоналий в базе данных.

Весь набор атрибутов, по которым характеризуются исследуемые объекты, в БД принято называть матрицей базы данных. Понятно, что при использовании многотабличной БД весь набор атрибутов будет разделен между несколькими таблицами. Для удобства работы, а также по техническим причинам, было принято решение разделить атрибуты, описывающие купеческие семьи на 5 таблиц. Эти таблицы получили названия «Анкета», «Семья», «Глава», «Социал» и «Дело». Центральной (основной) таблицей в структуре БД является таблица содержащая, статическую информацию о главах купеческих семей. Эта таблица получила наименование «Анкета» (файл «Form.db» базы данных). Она содержит 16 полей: 1) код анкеты (идентификатор); 2) фамилия; 3) имя; 4) отчество; 5) пол главы семьи; 6) год рождения; 7) место рождения; 8) код места рождения; 9) социальное происхождение; 10) социальная судьба; 11) кратность купеческого поколения; 12) год причисления в сословие; 13) год отчисления из сословия; 14) время пребывания в гильдиях; 15) генеалогия и 16) справка.

Необходимо дать некоторые комментарии полям. Разделение фамилии имени и отчества по разным полям диктовалось необходимостью сортировки и группировки купцов по значениям их личных имен. Поле «Пол главы семьи» необходимо потому, что далеко не всегда «начальником купеческого семейства» выступал мужчина. Поле «Код места рождения» необходимо для того, чтобы машина смогла группировать купцов по их географическому происхождению, в то время как поле «Место рождения» является текстовым информационным полем, кото-

рое выполняет справочные функции. Выяснение социального происхождения купцов является традиционным в литературе, в то время как под социальной судьбой в данном случае подразумевается явление, обратное социальному происхождению*. Поле «Кратность купеческого поколения» введено для исследования доли потомственного купечества и факторов генеалогической устойчивости купеческих фамилий. Соответственно поля «Год причисления в сословие» и «Год отчисления из сословия», «Время пребывания в гильдиях» нужны для анализа времени пребывания в купечестве, возраста вступления в сословие и некоторых других моментов. При этом если нет возможности точно выяснить эти даты жизненного пути купцов, то в качестве значений этих полей принимались первое и последнее упоминание человека в источниках в качестве купца. Поле «Генеалогия» введено для установления генеалогических связей между купеческими семьями, отраженными в базе данных. В поле «Справка» записывается дополнительная информация о купцах, не отраженная в других полях. Это поле важно при использовании базы данных в качестве информационно-поисковой системы.

Таблица «Глава» (файл «Head.db» базы данных) содержит динамическую информацию о главах купеческих семей. В эту таблицу, так же как и в другие таблицы базы данных, содержащие динамическую информацию, обязательно включены поля, в которые записываются код анкеты для связи с таблицей «Анкета» и год, которому соответствует запись изменяемой информации. Таблица «Глава» имеет 12 полей: 1) код анкеты; 2) год; 3) город; 4) губерния; 5) возраст; 6) место жительства; 7) год поселения; 8) вероисповедание; 9) образование; 10) уровень образования; 11) наличие родственных связей с купцами; 12) родственные связи.

В полях «Город» и «Губерния» указываются город и губерния причисления в купеческое сословие. Поле «Место жительства» необходимо, потому что далеко не все купцы проживали в тех городах, в купечестве которых они числились. Соответственно, в поле «Год поселения» указывается время, с которого тот или иной купец проживает в данной местности. Поле «Вероисповедание» включено в таблицу, содержащую динамическую информацию, поскольку вероисповедание глав купеческих семей могло меняться. Причины изменения вероисповедания могли быть различными. Например, старообрядцев не возводили в потомственное почетное гражданство. Поэтому для того чтобы претендовать на это звание, купец должен был обязательно перейти в православие. В то же время, будучи возведенным в потомственное почетное гражданство, купец мог по прошествии некоторого срока вновь перейти в старообрядчество. Подобную религиозную «эволюцию» прошел, например, барнаульский купец Пешков. Кроме того, известно довольно много случаев перехода в православие иудеев, мусульман, католиков или протестантов, а также их обратное «выкрещивание».

Поле «Уровень образования» введено для группировки купцов по соответствующему признаку, а текстовое поле «Образование» играет справочно-информационную роль. Подобным образом введены и поля «Наличие родственных связей с купечеством» (для выяснения роли этого фактора в генеалогической

* Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. (из истории формирования русской буржуазии). М., 1988. С. 13.

устойчивости купеческих родов и некоторых других моментов) и «Родственные связи» (выполняющее справочные функции).

Структурно-количественные характеристики семьи сгруппированы в таблицу «Семья» (файл «Kinsfolk.db» (используемая программа Paradox не позволяет присваивать файлам БД имя «Family»). Эта таблица состоит из 17 полей: 1) код анкеты; 2) год; 3) семейное положение; 4) людность; 5) количество мужчин; 6) количество женщин; 7) количество детей; 8) количество внуков; 9) число поколений; 10) тип семьи; 11) кратность брака; 12) сословное происхождение супруга; 13) возраст супруги главы семьи; 14) возраст вступления в брак главы семьи; 15) возраст вступления в брак супруги главы семьи; 16) количество брачных пар в семье; 17) разница в возрасте супругов.

Поле «Семейное положение» может принимать четыре значения: «холост» (холостая), «женат» (замужем), «вдовец» (вдова) или «разведен» (разведена). В поле «Людность» записывается количественный состав семьи. Также для фиксации количественных характеристик купеческих семей введены поля 5–8. Поле «Число поколений» предназначено для изучения поколенной структуры купеческих семей. В поле 10 записывается тип семьи, который определяется по методике, использованной В.А. Зверевым*. Поля 11–17 введены для исследования семейно-брачных отношений в купеческой среде: доли кратных браков, межсословных и внутрисословных брачных связей, возраста вступления в брак и т.д. Возраст вступления в брак супругов далеко не всегда можно точно установить. О нем дают информацию только метрические книги и брачные обыски, которые далеко не всегда находятся в нашем распоряжении. Тем не менее возраст вступления в брак часто можно довольно точно восстановить, отнимая от возраста супруги возраст старшего ребенка и единицу. О том, что подобные вычисления довольно точны, говорит то обстоятельство, что вычисленный возраст вступления в брак часто совпадает с фактическим, в том случае когда о последнем есть сведения в источниках. В пользу применимости такого метода оценки свидетельствуют также достаточно ранние даты вступления в брак женщин, получаемые методом расчета: 16–18 лет.

Две последние таблицы – «Социал» и «Дело» играют вспомогательную роль. Таблица «Социал» (файл «Social.db») отражает социальное положение и общественную деятельность купечества. Она содержит 10 полей, большинство из которых являются текстовыми и выполняют справочно-информационные функции: 1) код анкеты; 2) год; 3) гильдия; 4) почетное гражданство; 5) год возведения в почетное гражданство; 6) суд; 7) общественные должности; 8) самоуправление; 9) благотворительность; 10) награды.

Таблица «Дело» (файл «Business.db»), включающая семь полей, содержит информацию о предпринимательской деятельности купечества: 1) код анкеты; 2) год; 3) сфера предпринимательства; 4) размер капитала; 5) размер кредитов; 6) недвижимость и 7) форма организации капитала. Эта таблица создана с целью попы-

* Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический очерк). Новосибирск, 1991. С. 40–41. Об опыте создания автоматической системы определения типа семьи см.: Кончаков Р.Б. Опыт создания и применения экспертных систем в исследованиях по истории семьи // ИБ АИК. М., 2002. №30. С. 207–208.

таться установить существование и характер взаимосвязи предпринимательской деятельности купечества и демографических характеристик купеческой семьи, а также выяснить факторы генеалогической устойчивости купеческих фамилий.

Таким образом, созданная БД состоит из пяти основных таблиц-файлов, кроме того, она содержит более 50 файлов, содержащих агрегированную информацию. Общий объем БД в электронном виде – 1,5 МВ. Всего в базе данных купеческих семей содержатся сведения о более чем более чем 1300 купеческих семьях Томской и Тобольской губ., (преимущественно по Томску, Барнаулу, Бийску, Мариинску и Тобольску). При этом количество описаний семей (записей в динамических таблицах) составляет более 2200.

Главной особенностью данной БД как источника является ее динамический характер, поскольку она содержит данные о каждом купце и его семье в различные моменты времени, позволяющие изучать изменения, касающиеся не только отдельных персоналий, но и основных национальных, географических, возрастных иных групп в структуре личного состава купечества Западной Сибири.

Важную роль при создании БД играет выбор программного обеспечения или, по терминологии информатики, системы управления базой данных (далее – СУБД). Выбор конкретной СУБД из большого множества разработанных программных продуктов определяется, прежде всего, характером организации данных и потребностями работы с базой данных. Важными для пользователя характеристиками СУБД являются: дружественный интерфейс, уровень реляционности, возможность обмена данными с другими системами, средства создания прикладных систем*.

Для базы данных купеческих семей первоначально было принято решение воспользоваться стандартной коммерческой СУБД Paradox. Данная СУБД имеет целый ряд преимуществ: принятое в пакете представление базы в виде привычной всем таблицы, наглядность операции формирования запроса, легкость вызывания таблиц, система защиты данных. Сильными сторонами пакета являются также экранные формы ввода и вывода данных и возможность строить самые разнообразные графики**. СУБД Paradox заслужила популярность среди историков и достаточно активно ими использовалась***. В настоящее время в связи с малой распространенностью СУБД Paradox база данных переведена в стандартную коммерческую СУБД Microsoft Office Access.

Кроме того, в ходе работы были созданы несколько вспомогательных баз данных, в частности, база данных городских семей Западной Сибири 1857–1915 гг., построенная на материалах исповедных росписей, ревизских сказок X ревизии и переписных листов переписи 1897 г. Информация о составе семей, содержащаяся в этих источниках хорошо сопоставима, что и определило возможность создания такой базы данных.

База данных создана в оболочке MS Access. Выбор данной СУБД определялся следующими обстоятельствами. Во-первых, информация по большинст-

* Гарскова И.М. Указ. соч. С. 78–82.

** Андерсон Л.В., Ключкин И.В. Применение систем управления реляционными базами данных в области исторического знания // ИБ АИК. М., 1996. №17, март 1996. С. 26–27.

*** Гарскова И.М. Указ. соч. С. 83.

ву городских сословий информации сохранилось меньше, чем по купечеству, привлекавшему пристальное внимание государства, в силу чего нет возможности описывать семьи горожан по такому большому числу показателей, как это сделано в описанной выше базе данных. Во-вторых, большое число материала также диктовало ограничение описываемых признаков до разумного предела. База данных городских семей Западной Сибири 1857–1915 гг. является в большей степени источник-ориентированной, поскольку основана всего на трех видах источников, из которых берется однотипная информация*. В силу этого для простоты работы с базой данных было решено воспользоваться СУБД из стандартного набора Microsoft Office, что, кроме того позволило оперативно и удобно обрабатывать данные с использованием программы электронных таблиц MS Excel из того же набора. В отечественной науке уже есть успешный опыт применения баз данных созданных в формате СУБД Access для изучения истории семьи**.

База данных содержит описание семей горожан по 16 признакам: 1) код; 2) ФИО главы семьи; 3) пол главы семьи; 4) возраст главы семьи; 5) сословие; 6) семейное состояние; 7) общая людность семьи; 8) людность мужчин; 9) людность женщин; 10) людность детей; 11) людность внуков; 12) число поколений; 13) кратность брака; 14) число брачных пар; 15) разница в возрасте супругов; 16) тип семьи. На основе каждого используемого источника создавалась отдельная таблица, содержащая описания семей конкретного города за конкретный год. Так, по Барнаулу БД содержит описания семей Одигитриевского прихода за 1857, 1867, 1875, 1885, 1897, 1907, 1913 гг., содержащиеся в исповедных росписях по этому приходу.

База данных городских семей содержит описания более 6500 семей горожан Тобольска (1787 записей), Барнаула (1753), Бийска (578), Тюмени (478), Тары (337), Ялуторовска (323 записи) и других городов региона.

Для изучения межсословных и внутрисословных брачных связей горожан, а также брачно-возрастных особенностей на основе метрических книг православных церквей и католического костела была создана база данных о браках, заключенных горожанами Тюмени, Тобольска и Барнаула в 1871–1912 гг.

База содержит описания браков по следующим параметрам: 1) код; 2) сословие жениха; 3) возраст жениха; 4) кратность брака жениха; 5) сословие невесты; 6) возраст невесты; 7) кратность брака невесты; 8) разница в возрасте. Организована данная база аналогичным образом с предыдущей, т.е. на основе каждого источника, в данном случае – на основе метрических книг одного города за отдельный год, создавалась отдельная таблица в оболочке MS Access.

База данных браков содержит более 2000 записей о браках, заключенных горожанами Тобольска (608 записей православных, 203 записи католиков), Тюмени (333 записи), Барнаула (321 запись), Бийска (287 записей) и других городов.

* Об опыте соединения сведений ревизских сказок и исповедных росписей см.: Морозова Э.А. Изучение истории крестьянских семей первой половины XIX в. на основе сводной базы данных по ревизским сказкам и исповедальным ведомостям // ИБ АИК. 2002. №30. М., 2002. С. 189–191.

** Канищев В.В., Кончаков Р.Б., Носевич В.Л. Два подхода к применению компьютерных технологий при восстановлении истории семьи // ИБ АИК. М., 2002. №30. С. 188–189.

Создание компьютерных баз данных городских семей периода капитализма, основанных на большом комплексе разнообразных материалов, ориентированных на историко-демографическое изучение городской семьи, позволило исследовать широкий спектр структурно-количественных характеристик семей: людность, внутреннюю, поколенную и половозрастную структуру в географических и национальных различиях и в исторической динамике, а также решить другие задачи исследования.

Базы данных фактически являются новыми, агрегированными источниками. Ценность таких интегральных источников заключается как раз в том, что характер, структура и организация информации в них подчинены конкретной исследовательской задаче. Созданные базы данных – проблемно-ориентированные, исследовательские и не являются простым переводом источника в машиночитаемый вид*. Организация БД позволяет постоянно пополнять их новыми сведениями, расширять географически и исторически.

Ю.М. Гончаров

* Гарскова И.М. Исследовательские базы данных: Специфика создания, архивирования и каталогизирования // ИБ АИК. М., 1996. №17. С. 34.

1.4. База данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» и особенности ее применения в генеалогических, антропонимических и топонимических исследованиях Алтайского горного округа

Попытки составить Антропонимикон (реестр антропонимов, т.е. личных имен) старожилов Алтайского горного округа уже предпринимались некоторыми сибирскими учеными. В частности, И.Ю. Усков в своей монографии «Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – 1-й половине XIX в.» представил фамильный состав приписных крестьян Среднего Притомья, составленный по материалам Восьмой ревизской сказки 1834 г. В данном списке были представлены: фамилия, сословие (не для всех), место выхода представителя данной фамилии, места поселений*. Еще одним автором, частично представившим Антропонимикон старожилов округа, является Т.С. Мамсик, которая в своем труде, посвященном изучению Бердской волости составила пофамильный список дворохозяев Бердской волости, на основе окладной книги 1822 г. В списке представлены: № п/п в окладной книге; название селения в Бердской волости; фамилия, имя и отчество (указано не у всех); другие экономические показатели**. Однако до настоящего времени ни в одном из трудов Сибирских ученых не был представлен полный фамильный состав старожилов Алтайского горного округа. Совершенно очевидно, что единый статус территории округа требует рассмотрения данного вопроса не по частям, соответствующим современным территориям Алтайского края, Новосибирской и Кемеровской областей, которые ранее располагалась на территории округа, а всей территории округа в целом как единой неделимой административной единицы, имеющей свои исторические особенности.

Потребность в создании Антропонимикона старожилов округа была продиктована особенностью генеалогических исследований. В генеалогических исследованиях старожильского населения есть своя специфика. Заключается она в первую очередь в сохранности источниковой базы. Период 1860–1890 гг. характеризуется пробелом источниковой базы для генеалогических исследований крестьянских родов Алтайского горного округа. Ревизские сказки и окладные книги уже не составлялись в связи с отменой крепостного права и ликвидацией зависимости крестьян. Церквей на территории округа было еще немного, а метрические книги функционировавших в то время церквей сохранились фрагментарно. Между тем отсутствие источников в промежутке, равному 30 годам может негативно сказываться на выявлении генеалогических связей внутри рода. Из поля исследования может выпасть одно колено, при этом установить родственную связь между предками и потомками будет очень сложно***.

* Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – 1-й половине XIX в. Кемерово, 2005. С. 111–128.

** Мамсик Т.С. Бердская волость: По материалам массовой статистики 20-х гг. XIX в. Новосибирск, 2004. С. 164–181.

*** Ильина Е.В. Особенности изучения генеалогии крестьянских родов Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. №4/1. С. 116.

Еще одним негативным фактором, оказывающим влияние на генеалогические исследования старожилов Алтайского горного округа, является самовольные переселения крестьян внутри округа. При этом самовольные переселения крестьянских семей в источниках нигде не фиксировались. На фоне же пробела источниковой базы 1860–1890 гг. ситуация еще больше усугубляется. Внутренние миграции алтайского крестьянства начались еще с момента первоначального заселения крестьянами территорий округа. Однако заводские власти не были заинтересованы в частых миграциях крестьянства. Напротив, довольно часто встречаются факты запрещения переселений. Охотней местная администрация разрешала внутриведомственные переселения. Переселяясь в другие слободские ведомства, крестьянин менял и ведомственную подчиненность. Администрации приходилось оформлять причисление крестьянина по новой слободе, вносить коррективы в раскладные книги, основанные на ревизских данных. Внутриведомственные переселения не вызывали таких трудностей. Крестьяне по-прежнему оставались под наблюдением и в подчинении тех же земских и судебных изб*.

Однако проследить процесс внутренних миграций крестьянства горного округа до отмены крепостного права не так сложно. Эти изменения, связанные со сменой места жительства фиксировались в официальных источниках – таких как окладные книги и ревизские сказки. При этом администрация фиксировала крестьянские семьи во вновь заведенном после переселения источнике не только по месту нового жительства, но и по месту старого причисления. В ревизских сказках и окладных книгах встречаются записи как о переводе крестьянина по указу канцелярии, так и записи о самовольных переселениях крестьянских семей. При этом администрация не учитывала родственные связи внутри семьи и разделяя семьи, переселяла крестьян по своему усмотрению. Так, к примеру, была разделена семья Теплухиных. По данным пятой ревизии 1795 г., Теплухины проживали в д. Екатерининской Убинской слободы**. По указу канцелярии 25 октября 1801 г. за №11032 часть семьи были числены Колыванской волости в д. Ново-Шипунову, из них были отчислены: Алексей Теплухин (93 года по последней ревизии), Алексеевы дети Матвей (28 лет по последней ревизии), Евдоким (17 лет по последней ревизии), Матвеев сын Федор (полгода по последней ревизии). В деревне же Екатерининской остались: Алексеевы дети Василей (45 лет по последней ревизии; 61 на лицо), Иван (43 года по последней ревизии; 59 на лицо), Васильев сын Калина (14 лет по последней ревизии; 30 на лицо), Иванов сын Максим (1 год по последней ревизии; 17 на лицо)***.

Пример самовольного переселения крестьян внутри горного округа можно видеть в материалах четвертой ревизии 1782 г. по Малышевской слободе Бурлинского уезда. В деревне Гонохово числился Степан Буторов, о котором в примечании было сказано «переехал в новую деревню Гонохову сам собою в 1765 году той же слободы из деревни Алацкой, а по минувшей ревизии написан в Алацкой деревне». Вместе с ним переселились члены его семьи, а также еще несколько семей Буторовых, и все переселились самовольно****. Таких примеров можно при-

* Булыгин Ю.С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 81, 84.

** ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 813. Л. 166–166 об.

*** ГААК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1404. Л. 53–53 об.

**** ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 227а. Л. 109–110.

вести достаточно много. Однако независимо от того, каким образом переселялся крестьянин – самовольно или по указу Канцелярии, все переселения фиксировались в источниках.

Однако после отмены крепостного права и освобождения крестьянства от заводской зависимости, ситуация начинает меняться. Окладные книги и ревизские сказки, как фискальные документы, фиксирующие податное население округа, перестают существовать. Таким образом, установить миграции крестьянства внутри округа становится достаточно сложно. Вместе с тем в 1865 г. появляется официальное разрешение селиться на землях округа. У крестьян появляется большая свобода действий и в том числе в плане передвижений. Крестьяне выбирали себе более благоприятные условия для проживания. Дополнительным фактором, влияющим на внутренние миграции, послужили и переселенческие семьи, причисляющиеся к селениям старожилов. Ввиду отсутствия прежних источников, в которых фиксировалась информация о передвижении крестьянских семей, установить прежнее место жительства крестьянской семьи во 2-й половине XIX в. становится достаточно сложно. В метрических книгах подобная информация фиксировалась не всегда, и к тому же сохранность метрик второй половины XIX в. не очень высока. Таким образом, при восстановлении восходящей родословной от потомков к предкам, т.е. от 1917 г. к середине XIX в. можно столкнуться с ситуацией, когда старожильская крестьянская семья на момент 1917 г. проживала в одном населенном пункте, а ранее на несколько десятков лет – в другом населенном пункте. При этом место ее прежнего жительства нигде не было зафиксировано. И это явление достаточно часто встречалось.

Например, по переписи 1917 г. семья крестьян-старожилов Елуниных проживала в с. Ворониха Боровской волости. Состав семьи: хозяин Елунин Андриан Вареевич (48 лет), сын Илларион (5 лет), жена Мария (38 лет), дочери Парасковья (18 лет), Марья (15 лет), Агафья (9 лет), Марина (4 года), Евфимия (2 года)*. После просмотра окладной книги Касмалинской волости за 1860 г., в состав которой раньше входило с. Ворониха, было установлено, что Елунины на тот момент времени в с. Воронихе еще не проживали**.

Таким образом, перед нами встала задача – создать особый вид источника, содержащий информацию о полном пофамильном составе крестьянства Алтайского горного округа с привязкой к населенным пунктам, позволяющий установить полную картину расселения старожильского населения округа, и проследить миграционные процессы крестьянства внутри округа. Имея полную пофамильную картину расселения, мы с помощью дедуктивного метода могли бы устанавливать место жительства крестьянских семей, переселившихся в новые для них населенные пункты округа в промежутке 1860–1917 гг. Вслед за этим встал вопрос о хронологических рамках подобного источника. К 1861 г. старожильское население округа полностью сформировалось: крестьяне расселились по населенным пунктам. А в 1861 г. произошла отмена крепостного права, что повлекло за собой раскрепощение крестьянства, в том числе и упразднение зависимости приписных крестьян. Приписное крестьянство перестало существовать, а вместе с ним пере-

* ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 248. Л. 146.

** ГААК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 50. Л. 60 об. – 80 об.

стали составляться окладные книги. Также, после разрешения в 1865 г. селиться на территории округа произошли демографические изменения в составе крестьянского населения и изменения в Антропонимиконе крестьянства Алтайского горного округа. Таким образом, исходя из вышеперечисленных фактов, естественной датировкой подобного источника должен был стать период 1861–1865 гг.

Далее, встает вопрос о выборе источниковой базы, с помощью которой можно составить полный пофамильный список старожилов округа с привязкой к местам расселения. На момент середины XIX в. можно выделить 3 массовых источника, которые теоретически могли стать основой для нового источника: метрические книги, ревизские сказки, окладные книги. Первый из источников – метрические книги – для данной цели не подходил по нескольким причинам. Во-первых, метрические книги середины XIX в. сохранились фрагментарно. Во-вторых, в них не учитывалось старообрядческое население округа, которое также входило в состав приписного крестьянства и имело сравнительно большой удельный вес. К тому же метрические книги относятся к группе источников, фиксирующих персональные демографические события. Для данного исследования более подходят источники семейной структуры, такие как ревизские сказки и окладные книги. Ревизские сказки, учитывавшие все податное население округа, являются наиболее подходящим источником для создания Антропонимикона округа. Однако самые поздние ревизские сказки 1850 и 1858 гг. по Алтайскому горному округу не сохранились. Самая поздняя ревизия, имеющаяся в наличии, датируется 1834 г. Таким образом, с 1834 г. и до отмены крепостного права и открытия границ округа для переселений проходит достаточный период времени, на протяжении которого могли произойти изменения, как в фамильном составе округа, так и в местах расселения крестьян. Соответственно, ревизские сказки в силу плохой сохранности не подходят для данного исследования.

Мы попытались разрешить поставленную задачу с помощью окладных книг. Сохранность окладных книг по волостям округа различная. Но в основном самые поздние экземпляры датируются 1840–1860 гг. Таким образом, нами были отобраны самые поздние окладные книги по каждой волости. Всего было проработано 40 окладных книг по 40 волостям округа за период 1841–1862 гг.* Выбранные нами

* Алтайская волость (1844 г., Ф. 17 Оп. 1. Д. 71), Барнаульская волость (1845 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 108), Белоярская волость (1859 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 171), Берская волость (1844 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 162), Бийская волость (1859 г., Ф. 12. Оп. 1. Д. 34), Боровлянская волость (1859 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 109), Бочатская волость (1861 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 55), Бурлинская волость (1845 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 29), Бухтарминская волость (1858 г., Ф. 14. Оп. 1. Д. 73), Верхо-Томская волость (1845 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 32), Верх-Чумышская волость (1859 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 170), Енисейская волость (1857 г., Ф. 17. Оп. 1. Д. 65), Ильинская волость (1860 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 54), Кайминская волость (1861 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 41), Карасукская волость (1859 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 35), Касмалинская волость (1860 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 50), Касьминская волость (1843 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 27), Колыванская волость (1845 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 22), Кривошековская волость (1843 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 150), Крутоберезовская волость (1860 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 192), Кузнецкая волость (1845 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 42), Кулундинская волость (1862 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 111), Легостаевская волость (1859 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 36), Малышевская волость (1844 г., Ф. 2. Оп. 1. Д. 8612), Мунгатская волость (1861 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 42), Нижне-Кулундинская волость (1845 г., Ф. 21. Оп. 1. Д. 11), Ординская

книги охватывают всю территорию Алтайского горного округа, за исключением Смоленской волости, где проживали государственные крестьяне, которые не были в подчинении заводского ведомства. В целом же нами была охвачена самая многочисленная группа населения округа – приписное крестьянство.

Первоначальный пофамильный список крестьян был составлен согласно территориальному принципу. Каждая единица хранения соответствовала одной волости. Волость же в свою очередь состояла из нескольких населенных пунктов. Нами выбиралась следующая информация в каждой волости: название населенного пункта, все фамилии, представленные в данном пункте, архивные данные источника (номер фонда, описи, дела, номер листа, соответствующий листу населенного пункта). Выборка фамилий осложнялась не всегда разборчивым почерком переписчика. Поэтому для исключения ошибок в написании фамилий нами привлекались более ранние окладные книги по каждой волости*, данные из которых сравнивались с выбранными нами в качестве основы более поздними книгами. Таким образом, был составлен список населенных пунктов Алтайского горного округа с указанием фамилий крестьян, населяющих данные пункты. На основе обработанного материала была создана электронная База данных (далее – БД).

волость (1861 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 37), Ояшинская волость (1861 г., Ф. 13. Оп. 1. Д. 37), Пачинская волость (1857 г., Ф. 13. Оп. 1. Д. 30), Тальменская волость (1844 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 136), Тарсминская волость (1860 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 39), Тутальская волость (1843 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 148), Убинская волость (1844 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 19), Уксунайская волость (1860 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 53), Усть-Каменогорская волость (1860 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 27), Чарышская волость (1841 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 13), Чаусская волость (1845 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 166), Чингинская волость (1859 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 34), Чумышская волость (1845 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 145), Шадринская волость (1845 г., Ф. 21. Оп. 1. Д. 12).

* Алтайская волость (1838 г., Ф. 12. Оп. 1. Д. 37), Барнаульская волость (1843 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 103), Белоярская волость (1845 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 147), Берская волость (1843 г., Ф. 12. Оп. 1. Д. 30), Бийская волость (1845 г., Ф. 17. Оп. 1. Д. 59), Боровлянская волость (1845 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 106), Бочатская волость (1860 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 52), Бурлинская волость (1843 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 27), Бухтарминская волость (1857 г., Ф. 14. Оп. 1. Д. 72), Верхотомская волость (1845 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 32), Верх-Чумышская волость (1845 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 146), Енисейская волость (1845 г., Ф. 17. Оп. 1. Д. 58), Ильинская волость (1845 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 43), Кайминская волость (1860 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 193), Карасукская волость (1845 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 30), Касмалинская волость (1852 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 48), Колыванская волость (1845 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 22), Кривошековская волость (1842 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 143), Крутоберезовская волость (1859 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 37), Кузнецкая волость (1844 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 41), Кулундинская волость (1844 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 104), Легостаевская волость (1845 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 165), Малышевская волость (1843 г., Ф. 2. Оп. 1. Д. 8583), Мунгатская волость (1859 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 40), Нижне-Кулундинская волость (1843 г., Ф. 14. Оп. 1. Д. 57), Ординская волость (1859 г., Ф. 11. Оп. 1. Д. 33), Ояшинская волость (1859 г., Ф. 13. Оп. 1. Д. 36), Пачинская волость (1845 г., Ф. 13. Оп. 1. Д. 40), Тальменская волость (1841 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 175), Тарсминская волость (1845 г., Ф. 20. Оп. 1. Д. 31), Тутальская волость (1841 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 135), Убинская волость (1843 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 18), Уксунайская волость (1845 г., Ф. 18. Оп. 1. Д. 44), Усть-Каменогорская волость (1845 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 21), Чарышская волость (1836 г., Ф. 15. Оп. 1. Д. 11), Чаусская волость (1844 г., Ф. 10. Оп. 1. Д. 159), Чингинская волость (1845 г., Ф. 16. Оп. 1. Д. 107), Чумышская волость (1844 г., Ф. 19. Оп. 1. Д. 136), Шадринская волость (1844 г., Ф. 21. Оп. 1. Д. 10).

В качестве структуры по созданию БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» была выбрана реляционная модель данных, которая состоит из нескольких таблиц. Выбор именно реляционной модели данных был сделан благодаря ее достоинствам: это и простота представления данных, пополнения и развития базы, удобство контроля секретности и другие преимущества.

Значительное удобство при создании БД внесла структура окладных книг, которые использовались для создания БД. Данный вид источников относится к так называемым высокоструктурированным историческим источникам. Данный термин принят в зарубежной историографии, тогда как в традиционном источниковедении подобные источники принято называть формулярными. Основная особенность данных источников состоит в том, что в одном формуляре соединена разнотипная информация и зачастую формуляр источника представляет собой практически готовую структуру базы данных. К данному типу источников можно отнести материалы переписей, книг церковной или гражданской регистрации рождения, крещения, брака и смерти, личные дела и личные карточки, анкеты, справочники. Это, как правило, массовые источники, имеющие стандартную, единообразную форму записи информации (или формуляр)*.

Было создано пять таблиц: «Волости», «Источники», «Населенные пункты», «Список фамилий», «Фамилии». Таблица «Волости» состоит из 2 столбцов: «код волости» и «название волости». Таблица «Источники» содержит столбцы: «код источника», «код волости», «год источника», «единица хранения» (включает № фонда, описи, дела). Таблица «Населенные пункты» включает в себя: «код населенного пункта», «код волости», «статус населенного пункта», «название населенного пункта». Для указания статуса населенного пункта были приняты сокращения: самый распространенный статус это «д.» – деревня, также были использованы обозначения «с.» – село, «стан.» – станица, «завод» – соответственно, обозначающее завод. Таблица «Список фамилий» состоит из столбцов: «код фамилии» и «фамилия». Последняя таблица «Фамилии» содержит следующие столбцы: «код фамилии», «населенный пункт», «год», «источник», «лист». Фамилии были представлены в БД во всей многовариантности их использования и написания в исторических источниках. Некоторые фамилии имели несколько вариантов написания, в основном это касается изменение окончаний, например окончание ов- чередовалось с окончанием -ой, окончание -ий с -их и т.д. В тех фамилиях, где встречался единственный вариант написания фамилии, в БД были представлен только один вариант, в тех же фамилиях, где было зафиксировано несколько вариантов, соответственно, было внесено несколько вариантов написания.

В качестве СУБД была использована программа MS Access из стандартного набора Microsoft Office. Кроме этого, при создании вышеперечисленных таблиц была использована программа MS Excel из того же набора. Таблицы, создаваемые с помощью MS Excel, потом были перенесены в MS Access и объединены в единую таблицу, в которой были удалены лишние столбцы, что позволило сделать БД более компактной. Общий объем БД составил 1,46 МВ.

* Гарскова И.М. Базы и банки данных в исторических исследованиях. М., Goettingen, 1994. С. 95–96.

По сути, БД являются новыми, агрегированными источниками. Ценность таких интегральных источников заключается как раз в том, что характер, структура и организация информации в них подчинены конкретной исследовательской задаче. Созданные БД – проблемно-ориентированные, исследовательские и не являются простым переводом источника в машиночитаемый вид*.

При создании БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» нами было составлено несколько поисковых запросов. Запрос «Выборка по населенным пунктам» позволяет увидеть пофамильный состав того или иного населенного пункта. Для этого нужно ввести полностью или частично название населенного пункта. Запрос «Выборка по фамилии» позволяет проследить ареал расселения представителей той или иной фамилии – установить места жительства.

Запрос «Населенные пункты с одинаковыми названиями», соответственно, помогает установить одинаковые название в населенных пунктах, находящихся в различных областях округа. Всего в округе было 238 населенных пункта, среди которых населенные пункты с одинаковыми названиями. Самыми распространенными названиями среди населенных пунктов, повторяющимися пять раз, являются названия: Красноярская (встречается в Касьминской, Колыванской, Ординской, Убинской, Уксунайской волостях), название населенного пункта Соколово (встречается в Бийской, Ильинской, Тутаьской, Чаусской и Чингинской волостях) и Плотниково (встречается в Верхо-Томской, Верх-Чумышской, Кривошековской, Кулудиндинской, Ординской волостях). Если не считать название, связанное со словом «береза», среди которых встречалось четыре деревни с названием Березовая и три деревни с названием Березовка.

Запрос «Подсчет количества фамилий в населенном пункте» позволяет посчитать наличие фамилий в каждом населенном пункте и получить статистику пофамильной заселенности населенных пунктов. Запрос «Подсчет распространенности фамилий» позволяет посчитать количество упоминаний о той или иной фамилии, выявить наиболее распространенные фамилии и редко встречающиеся фамилии. Также еще один запрос позволяет выявить количество населенных пунктов в каждой конкретной волости. Так, самой населенной волостью являлась Боровлянская, в которой насчитывалось 54 населенных пункта. А самой маленькой была Усть-Каменогорская волость, в которой присутствовало лишь 5 населенных пунктов. Помимо перечисленных запросов с помощью БД было подсчитано общее количество фамилий в Алтайском горном округе – 2396 фамилий и общее количество населенных пунктов – 1306.

Назначение разработанной БД многофункционально. Первоначальной ее функцией являлось установление мест расселения крестьянских семей с целью установления нужного населенного пункта, где могли проживать представители искомой фамилии, переселившиеся в другое место после середины XIX в.

Принцип данного поиска можно описать следующим образом. Первоначально необходимо проверить данные переписи 1917 г. и установить, были ли крестьяне старожилами или переселенцами. Если же в анкетах переписи будет указано,

* Гарскова И.М. Исследовательские базы данных: Специфика создания, архивирования и каталогизирования // ИБ АИК. М., 1996. №17. С. 34.

что представители данной семьи были старожилами, но в более ранний период они не проживали в указанном населенном пункте, значит, они переселились туда из другого селения Алтайского горного округа.

Можно привести пример семьи Елуниных, на момент 1917 г. проживающих в с. Ворониha Боровской волости. Согласно окладной книге, в середине XIX в. они там еще не проживали. Нам было необходимо установить, из какого населенного пункта они переселились в Ворониху. Согласно сведениям из БД, представители фамилии Елуниных на момент середины XIX в. проживали лишь в двух населенных пунктах – в деревне Красноярской при Чарыше Барнаульской волости и в деревне Пещаной (она же Урывская) Касмалинской волости. Главе семейства Елуниных – Андриану Варвареевичу в 1917 г. было 48 лет. Соответственно, в окладных книгах нам нужно было искать не самого Андриана, а его отца Варварея. В силу того, что это очень редкое имя, то ошибки в поиске не должно быть. В результате проверки окладных книг выяснилось, что в деревне Красноярской при Чарыше на момент 1845 г. проживало всего лишь два человека по фамилии Елунин: это Алексей Иванов и его сын Исай*. В деревне же Пещаной (она же Урывская) Касмалинской волости на момент 1859 г. проживало 17 семей Елуниных, среди которых числился и Варварей Иванов Елунин 23 лет от роду**. Было выявлено, что деревня Пещаная являлась большим родовым гнездом Елуниных, из которого представители фамилии Елуниных в большей степени после 1861 г. начали расселяться в другие населенные пункты округа.

Для установления прежнего места жительства был применен дедуктивный метод – то есть переход от общего к частному. Сущность используемого нами метода проста – из всех возможных вариантов мы выбираем один методом исключения неверных вариантов. Выбрав конкретную семью либо группу родственников мужского пола, мы, воспользовавшись БД, составляем список населенных пунктов, где проживали представители искомой фамилии. Далее нам необходимо просмотреть все выбранные окладные книги и выбрать искомые персоны.

Предлагаемый поиск строится на сравнении задаваемых параметров поиска – антропонимов. Существует два варианта поиска: 1) когда известно полностью трехсоставное имя человека (фамилия, имя, отчество); 2) когда известны только фамилия и имя. Задаваемые параметры поиска (т.е. антропонимы крестьян) зависят от нескольких факторов. Но по большому счету, параметры поиска зависят от информации, которую мы получили в более поздних источниках (метрических книгах, анкетах Всероссийской переписи населения 1917 г. и т.д.). В этих источниках мы ищем самого старшего представителя поколения. И если возраст данного представителя будет недостаточным, то скорее всего в задаваемых параметрах поиска будут значиться только фамилия и имя. Например, нам известно, что искомый человек родился в 1870 г., в каком селении – неизвестно, отчество его отца тоже неизвестно (имя отца мы вычислили по отчеству сына). Поэтому мы будем искать информацию в окладных книгах только по имени и фамилии, предположив, что отец родился в промежутке 1830–1850 гг. Искать сына по окладным книгам мы не можем, так как он родился в 1870 г., а составленная нами БД представлена оклад-

* ГААК. Ф. 16. Оп. 1. Д. 108. Л. 27 об.

** ГААК. Ф. 20. Оп. 1. Д. 48. Л. 31 об. – 35 об.

ными книгами 1841–1862 гг. Подобный вид поиска был рассмотрен нами на примере семьи Елуниных. Соответственно, чем старше искомая персона, тем больше вероятность ее найти. Следует признать, что поиск, осуществляемый по трехсоставному имени (фамилии, имени, отчеству), является более эффективным и достоверным по сравнению с поиском, когда нам известны только фамилия и имя.

Рассмотрим применение Базы данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа 1841–1862 гг.» на примере крестьянской старожильской семьи Оленевых. Согласно данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 1917 г., семья Оленевых проживала в с. Крутиха Бурлинской волости Барнаульского уезда. Состав семьи: хозяин Оленев Анатолий Павлович (24 года), брат Дмитрий (16 лет), мать Ирина (57 лет). Оленевы являлись старожилами, приписными к селению крестьянами*. Далее при просмотре метрических книг мы устанавливаем информацию о рождении Оленева Анатолия Павловича 18 ноября 1892 г. В графе «родители» было записано: «...с. Крутихи крестьянин Павел Михайлов Оленев и законная жена его Ирина Васильева, оба православные»**. Их бракосочетание состоялось 17 февраля 1879 г. Жених с. Крутихи крестьянин Павел Михайлов Оленев (24 года), невеста Ирина Васильева Нечунаева (19 лет)***. Вычисляем дату рождения Павла Михайлова Оленева – ориентировочно 1855 г. Далее в метрических книгах находим запись о смерти крестьянина с. Крутихи Михаила Леонтьева Оленева 25 июня 1881 г. в возрасте 57 лет, который предположительно являлся отцом Павла Михайлова Оленева****.

При просмотре окладной книги Бурлинской волости 1845 г. было установлено, что Оленевы не проживали ни в селе Крутиха Бурлинской волости, ни в одном из населенных пунктов данной волости****. Согласно БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» представители фамилии Оленевых проживали в д. Черно-Курьинской Карасукской волости, с. Касмалинское Шадринской волости, д. Чернопятава Шадринской волости, а также в с. Красноярское Усть-Каменогорской. В с. Касмалинское, д. Чернопятава, а также в с. Красноярское ни предков Павла Михайлова Оленева, ни его самого зафиксировано не было*****. Нужная ветка Оленевых проживала в д. Черно-Курьинской. В окладной книге Карасукской волости за 1859 г. в д. Черно-Курьинской значились: Михайло Леонтьев Оленев (30 лет по последней ревизии; 31 год на лицо), его сын Павел (2 года по последней ревизии; 3 года на лицо), его братья Иван (29 лет по последней ревизии; 30 лет на лицо), Афанасий (26 лет по последней ревизии; 27 лет на лицо)*****.

Все приведенные примеры подтверждают, что БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа 1841–1862 гг.» является эффективным инструментом по восстановлению родословных крестьянских родов Алтайского горно-

* ГААК. Ф. 233. Оп. 1. Д. 283. Л. 127.

** ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 66. Л. 73 об.

*** ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 18. Л. 127 об.

**** ГААК. Ф. 144. Оп. 6. Д. 23. Л. 17 об.

***** ГААК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 29. Л. 1 об. – 18 об.

***** ГААК. Ф. 21. Оп. 1. Д. 12. Л. 1 об. – 11 об., 109 об. – 117 об.; Ф. 15. Оп. 1. Д. 27. Л. 106 об. – 163 об.

***** ГААК. Ф. 11. Оп. 1. Д. 35. Л. 101 об.

го округа. Однако несмотря на масштабность БД и многочисленные достоинства в поисковом плане, существуют и определенные недостатки, присущие поиску с помощью БД. Во-первых, работа с источниками часто затруднялась не всегда разборчивым почерком переписчика и это не могло не повлиять на качество собранного материала. Написание большинства собранных фамилий проверялось с помощью источников за более ранний период, что позволило исключить многочисленные ошибки в фамилиях. Однако в незначительной части фамилий все же могут присутствовать искажения, связанные с плохим написанием их в источнике.

Еще одним из недостатков БД является то, что она не подходит для поиска наиболее распространенных фамилий, например, таких как Кузнецов, Попов, Иванов, которые встречались более чем в 100 населенных пунктах округа. Даже если фамилия встречается более чем 20 раз, эффективность поиска снижается, поскольку существует большая вероятность встретить крестьян не только с одинаковыми именами, но и с одинаковыми отчествами. Таким образом, могут полностью совпасть параметры поиска. На данную ситуацию может накладываться еще фактор распространенности имени. Если мы, к примеру, задаем параметр поиска – Кузнецов Иван, то вероятность найти нужного единственного человека сокращается. Если же мы ищем Кузнецова Поликарпа, то, соответственно, шансы найти конкретного человека увеличиваются. При поиске Агаркова Ферапонта шансы на успех очень высоки. Таким образом, БД не подходит в качестве поискового механизма для очень распространенных фамилий и имен. Однако для большей части фамилий является весьма пригодной и эффективной.

Еще одним из существенных недостатков БД является то, что она охватывает период 1841–1862 гг. Для более высокой достоверности следовало сделать срез по всем волостям за один и тот же год. Но в силу разнородной сохранности источников и плохой физической сохранности некоторых сохранившихся источников сделать это было невозможно.

Между тем несмотря на все перечисленные недостатки, разработанная БД отличается высокой эффективностью и дает положительные результаты при поиске крестьянских родословных Алтая. Помимо описанного выше механизма восстановления родословных с помощью Базы данных можно отметить и еще несколько ее функций. Одной из таких функций является определение старожильского населения перед началом генеалогического исследования. Так, перед началом исследования определенного рода в конкретном селении мы можем установить, являлись ли искомые крестьяне старожилами и проживали ли в данном селении на момент середины XIX в. Однако крестьяне могли быть старожилами, однако в середине XIX в. проживали в другом населенном пункте. Тогда мы тоже будем располагать данной информацией и хотя бы примерно предполагать, что искомая семья является старожильской. Большое значение подобные сведения имеют при отсутствии материалов переписи 1917 г. по искомому селению, с помощью которого мы и устанавливаем принадлежность крестьян к старожильскому либо к переселенческому населению.

Информация, представленная в нашей базе данных, охватывает все приписное крестьянское население округа в период 1841–1862 гг. Однако в БД учтены только фамилии крестьян. Несомненно, что База данных имеет большие перспек-

тивы в плане доработки и представления в ней дополнительного материала. Так, при работе с окладными книгами нами были зафиксированы только фамилии, тогда как окладные книги содержат еще обширную информацию генеалогического и экономического характера, которой можно дополнить Базу данных: полный состав мужских членов семьи с указанием возраста и родства внутри семьи, общая численность населения по волостям, по конкретным населенным пунктам, по представителям конкретных фамилий; экономические данные о количестве домов, лошадей, крупного рогатого скота, десятин хлебопашества. Естественно, что дополнение базы данных подобными материалами потребует немалых трудозатрат, но в то же время откроет новые перспективы исследований по социально-экономической, демографической и генеалогической истории Алтайского горного округа середины XIX в.

База данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа 1841–1862 гг.» совместно с другими генеалогическими источниками может дать новые сведения об антропонимике старожилов округа, истории заселения округа, о содержании в составе приписных крестьян потомков различных категорий населения, играющих важную роль в заселении округа, о миграционных процессах внутри округа, об образовании топонимов и т.д.

С момента основания Томского и Кузнецкого острогов начался процесс формирования старожильского населения округа. Исследователи отмечают следующее: «Старожилы не помнят европейского прошлого своих предков, считают себя исконно живущими на этой земле» и называют себя «чалдонами». Они православного вероисповедания в отличие от старожилов-старообрядцев, известных здесь как «кержаки»*.

Территория Колывано-Воскресенского горного округа представляла собой своеобразный котел, в котором в разных пропорциях «варились» разные по социальному составу, происхождению, национальности категории людей, которые в итоге потом превратились в однородную массу приписного крестьянства. Категории населения округа можно разделить по сословному принципу (крестьяне, служилые, мастеровые, дворяне, дети боярские), по национальности (русские, украинцы, белорусы, поляки, местные инородцы), по вероисповеданию (православные, старообрядцы, язычники).

Для XVII в. был характерен сложный состав населения сибирских деревень. Такая картина просуществовала практически до конца XVIII в., о чем можно судить из сведений ревизских переписей населения, где указывался социальный состав населения. Так, в материалах второй ревизии 1748 г. все население Алтая было разделено на три группы: крестьяне, разночинцы и мастеровые, переведенные с уральских заводов Демидова**. В последующей третьей ревизии 1763 г. социальный состав не был указан. В четвертой 1782 г. и пятой 1795 г. ревизиях были указаны различные категории населения. Большая часть населения была представлена государственными крестьянами. Также делались пометки о бывших служилых лю-

* Фурсова Е.Ф. Новогодние праздники и обряды чалдонов в Чаусской волости Томского округа (с. Середино, Кандаурово) // Населенные пункты Сибири: опыт исторического развития (XVII – н. XX вв.). Новосибирск, 1992. С. 103–104.

** ГААК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 28.

дах, ушедших в отставку «по болезни и старости», об экономических крестьянах, о записных раскольниках, о «беглораскольниках» (польские поселыщики) и других категориях.

О пестроте в составе населения на конец XVIII в. можно судить по краткой записи, идущей в начале 5-й ревизии 1795 г. по деревне Бобровской Устькаменогорской слободы. «1795 года февраля 1 дня Колыванского наместничества Семипалатинского уезда Устькаменогорской слободы деревни Бобровкой государственные крестьяне выбранный ими сотник Иван Прохоров сын Прохоров после состоявшегося 1794 года июня 23 дня Ея Императорского величества и в народ публикованного указа дал сию скаску в том что поме... той деревни вновь заведена минувшей в 1763 году ревизии заселена по силе вышней правительств по велению означений в Сибири в разных местах имевшихся в порожних местах и угодные к хлебопашеству земель для размножения в пользу хлебопашества отдаваемыми в зачет рекрут на поселение государственными экономическими и помещичьими крестьянами, разночинцами, и посланными, за преступления на поселение и освобожденными из тюремного острогу катаржными колодниками, и выведенными из Польши беглораскольниками, и оставшемуся от выбора для уформирования в Сибири пехотного Томского Селенгинского и карабинерных полков неспособных к службе за старостью и болезнями людей, и по прошествии с причисленного помянутых людей на поселения у казны от платежа подушных денег льгот, положены они в подушный оклад по последней 1782 года ревизии...»^{*} Данный фрагмент показывает состав лишь одного населенного пункта, где выделяется семь категорий населения. Естественно, что были и населенные пункты с более однородным составом, представленные двумя-тремя категориями. Но существовали и такие, где был совершенно пестрый состав населения.

Служилые люди играли ведущую роль в колонизации Сибири в XVII в.^{**} Они подразделялись на ряд «чинов»: беломестных казаков, воротников, пушкарей, затинщиков, стрельцов, конных и пеших казаков, «литовский список», служилых татар (поступившее на службу местное население), детей боярских и сибирских дворян. В 1701 г. именным указом стрельцов во всех сибирских городах повелели писать пешими казаками^{***}. За службу служилые люди получали государственное довольствие, из которого полагалось три вида жалования – деньги, хлеб и соль. Часть служилых людей переводилась на частичную или полную замену хлебного жалования земельными участками, с которых они и несли службу. В Томском уезде в 1638 г. служило с пашни лишь 8% служилых людей, а в 1705 г. из 1053 служилых людей – 297, т.е. 28%. Общий же вес служилых людей, занимающихся земледелием, к концу века достиг 40% вместо 20% в его начале, т.е. удвоился^{****}.

Большое количество пустующих земель было захвачено служилыми самовольно. «Старина» владения в случае необходимости подтверждалась либо дозорными и переписными книгами и выписями из них, либо опросом соседей. «Право

^{*} ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 831. Л. 113.

^{**} Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск, 1988. С. 13.

^{***} Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996. С. 13.

^{****} Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири (XVII в.). М., 1956. С. 78.

на перемещение и право владения освоенным участком, как отмечается в работе В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, были важнейшими элементами самосознания сибирских переселенцев»*. Вследствие этого возникло множество сибирских деревень. Так, по переписи 1720 г. в Сосновском стане из 95 населенных пунктов – 55 (57,9%) были основаны служилыми людьми**.

Таким образом, становится совершенно очевидным, что достаточно большую часть в Антропонимиконе округа занимает доля потомков служилых людей. Однако проследить сословные корни приписных крестьян, проживающих в середине XIX в., опираясь только на их фамилии, достаточно трудно. Еще И.Ю. Усковым было отмечено, что среди представителей одной и той же фамилии встречаются однофамильцы. При этом ученый отмечает, что такие случаи единичны***. Однако, на наш взгляд, подобные случаи не так уж и редки. В данной ситуации можно выделить следующую тенденцию: чем более распространена фамилия, тем выше вероятность, что среди носителей данной фамилии встретятся однофамильцы, а не просто родственники. То же самое касается фамилий, произошедших от мужских имен, являющихся самой распространенной группой фамилий в русском языке, например, таких фамилий как Иванов, Петров, Федоров, Семенов и многие другие. Так, фамилия Герасимов встречалась в 23 населенных пунктах. Среди предков представителей данной фамилии встречались как служилые, так и крестьяне. Фамилию Черепанов, встречающуюся в 74 населенных пунктах, носили служилые, крестьяне и посадские. Всего же Антропонимикон Алтайского горного округа был представлен 2388 фамилиями. Довольно сложно проследить сословное происхождение каждой фамилии, тем более что среди предков носителей одной фамилии могли встретиться однофамильцы. Однако нами был составлен и проанализирован список 103 самых распространенных фамилий****. Из этого списка 23 фамилии принадлежали представителям двух и более сословий, сословное происхождение 26 фамилий выявлено не было, а оставшиеся 54 фамилии принадлежали представителям одного сословия. Для более достоверных результатов необходимо проводить генеалогические исследования. Однако это очень трудоемкая и кропотливая работа. Фактически придется составлять родословные всех крестьян округа.

* Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск, 1991. С. 54.

** Усков И.Ю. Формирование крестьянского населения Среднего Притомья в XVII – I-й половине XIX вв. Кемерово, 2005. С. 51.

*** Там же. С. 90.

**** Кузнецов, Казанцев (Казанцов, Козанцов), Плотников, Попов, Черепанов, Быков, Иванов, Зырянов, Шмаков, Карпов, Усольцев (Усолцов, Усольцов), Соколов, Чупин, Ильиных, Коновалов, Третьяков, Некрасов, Овчинников, Титов, Шабалин (Шебалин), Кайгародов (Кайгородов, Каигородов), Гуляев, Романов, Волков, Макаров, Шестаков (Шестоков), Березовский (Березовской, Березовсков), Черданцев (Черданцов), Морозов, Сергеев, Белаусов (Белоусов), Вяткин, Гилев, Ударцов, Осипов, Исаков, Тиханов (Тихонов), Лебедев, Петров, Кунгурцов, Шадрин, Жуков, Останин, Ушаков, Горбунов, Безсонов, Климов, Калмагоров (Колмагоров, Колмогоров, Комнагоров), Черных, Захаров, Ащеулов, Воробьев, Кротов, Кунгуров, Бедарев (Бедорев), Паршуков (Поршуков), Ощепков (Ощепков), Кашкаров (Кокшаров, Какшеров, Кошкараров), Бахарев, Сизиков, Тузовский (Тузовсков, Тузовской), Федоров, Протопопов.

С помощью разработанной БД также можно проследить степень распространенности той или иной фамилии. Приведем ниже некоторые выводы, полученные с помощью БД. Наименее распространенные фамилии, которые встречаются в единичном населенном пункте, составляют 879 фамилий; дважды встречаются 366 фамилий; трижды – 238 фамилий; четыре раза – 169 фамилий; пять раз – 124 фамилии; шесть раз – 83 фамилии; семь раз – 70 фамилий; восемь раз – 53 фамилии; девять раз – 55 фамилий; 10 раз – 53 фамилии; 11 раз – 31 фамилия; 12 раз – 38 фамилий; 13 раз – 26 фамилий; 14 раз – 18 фамилий; 15 раз – 22 фамилии; 16 раз – 20 фамилий; и дальше число уже значительно снижается: 17 раз – 11 фамилий; 18 раз – 13 фамилий; 19 раз – девять фамилий; 20 раз – девять фамилий; 21 раз – восемь фамилий; 22 раза – девять фамилий; 23 раза – 12 фамилий; 24 раза – восемь фамилий; 25–26 раз – девять фамилий; 27 раз – семь фамилий; 28–30 раз – девять фамилий; 31–33 раза – девять фамилий; 35, 36, 38–43 раз – 15 фамилий; оставшиеся восемь фамилий являются самыми распространенными среди старожильческого населения Алтайского горного округа. В порядке распространенности они располагаются следующим образом:

- 1 – Кузнецов – встречается в 135 населенных пунктах;
- 2 – Казанцев (Казанцов, Козанцов) – в 113 населенных пунктах;
- 3 – Плотников – встречается в 89 населенных пунктах;
- 4 – Попов – в 87 населенных пунктах;
- 5 – Черепанов – в 74 населенных пунктах;
- 6 – Быков – в 66 населенных пунктах;
- 7 – Иванов – в 53 населенных пунктах;
- 8 – Зырянов – в 50 населенных пунктах.

Приведенные данные распространенности фамилий на территории всего Алтайского горного округа отличаются от аналогичных сведений о фамилиях на отдельных территориях округа. В частности, для территории Среднего Притомья (Кемеровская область) И.Ю. Усков предложил следующий состав наиболее распространенных фамилий для данного региона, который был подсчитан на основе материалов восьмой ревизии 1834 г. Так, самой распространенной фамилией в регионе являлись Червевы, представители которых встречались в 23 населенных пунктах, на втором месте – Прокудины – в 19 населенных пунктах, далее следуют Ащеуловы, Гутовы, Коневы, Тихановы – представители которых жили в 18 населенных пунктах, и Поповы и Сизевы – в 17 населенных пунктах*. Как следует из приведенных данных, единственная фамилия, которая входит в семь самых распространенных как по всей территории округа, так и на отдельной ее территории – Попов. Остальные же фамилии разнятся.

В середине XIX в. подсчет распространенности фамилий в России не производился. Самые ранние данные о распространенности фамилий приводит Б.Г. Унбегаун, который на основании Петербургской адресной книги за 1910 г. сформировал список 100 самых распространенных фамилий в России. Первые восемь мест в нем распределяются следующим образом: 1 – Иванов; 2 – Васильев; 3 – Петров; 4 – Смирнов; 5 – Михайлов; 6 – Федоров; 7 – Соколов; 8 – Яковлев**. В этом спи-

* Усков И.Ю. Указ. соч. С. 83.

** Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М., 1995.

ске есть только одна фамилия (Иванов), одна из самых распространенных среди старожилов Алтайского горного округа. Естественно, что список Унбегауна характерен именно для жителей г. Санкт-Петербурга, в целом же динамика по всей территории России несомненно была другой. Еще один список самых популярных русских фамилий (500 фамилий) составил в начале XXI в. коллектив сотрудников отдела этимологии и ономастики Института русского языка РАН под руководством А.Ф. Журавлева: 1 – Иванов; 2 – Смирнов; 3 – Кузнецов; 4 – Попов; 5 – Васильев; 6 – Петров; 7 – Соколов; 8 – Михайлов. Интересно, что из этого списка три фамилии входили в состав самых распространенных в округе, причем фамилия Попов занимает четвертое место среди распространенности в обоих списках.

На основании полученных данных можно сделать вывод о том, что чем менее распространена фамилия, тем больше вероятность, что среди ее представителей будут все родственники, и наоборот. То же самое относится к необычным и непривычным формам фамилий. Среди них нами были выделены фамилии ссыльных поляков, отличающихся особым окончанием (-ий).

Военно-политическая обстановка на западных границах Московского государства служила источником для появления поляков в России, а в дальнейшем и в Сибири*. Иноземцы попадали в Сибирь тремя путями: 1) как военнопленные; 2) как переведенцы; 3) как ссыльные за преступления**.

В XVII столетии в каждом сибирском городе в числе служилых людей встречались поляки, но численность их разнилась. Источники показывают, и это подтверждается исследованиями А.А. Люцидарской и И.Р. Соколовского, что наибольшее количество поляков было сосредоточено в Томске и Кузнецке***. В Томске дети боярские (высшие служилые чины) польского происхождения густо населяли уезд, имея в отдельных случаях по несколько пашенных заимок и обрастая родственниками. В переписной книге угодий Томского уезда зафиксировано много поляков, детей и внуков ссыльных начала XVII столетия****.

По нашим подсчетам, в составе Антропонимикона Алтайского горного округа на момент середины XIX в. в составе приписных крестьян были представители 62 польских фамилий*****, что составляет 2,6% от общего количества фамилий в регионе. В процессе функционирования на сибирских землях в русскоязычной культуре в течение двух веков, первоначальное звучание и написание фамилии лишь

* Соколовский И.Р. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века. Новосибирск, 2004 С. 73.

** Там же. С. 86.

*** Люцидарская А.А. Поляки в Западной Сибири в XVII веке (на основе томских источников) // Ссыльные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Новосибирск, 2007. С. 39.

**** Там же. С. 43.

***** Барковский, Барсуковский, Березовский, Бжицкий, Бобровский, Болтовский, Боровской, Боровский, Бояновский, Брынский, Бутровский, Будницкий, Валишевский, Велюковский, Вишневский, Вороненский, Годлевский, Голубицкий, Гурский, Добринский, Донский, Дубровский, Дубский, Дуленский, Егловский, Жуковский, Заблоцкий, Кандинский, Козловский, Крещеновский, Крутчиков, Кулаковский, Кленовицкий, Костеевский, Кривошудский, Крымский, Кузенский, Ладженский, Мархлинский, Машинский, Митковский, Мченский, Отчитский, Палецкий, Первушинский, Прогоровский, Прозоровский, Рылский, Самаковский, Свидаевский, Своровский, Соболевский, Сосновский, Стафеевский, Суховольский, Таловский, Тетский, Тузовский, Фоминский, Хлыновский, Черновский, Чусовский.

в одном варианте, заканчивающимся на -ский, удалось сохранить достаточно многим, среди них такие фамилии, как: Барковский, Будницкий, Вишневицкий, Голубицкий, Добринский, Егловский, Еловидский, Крещеновский, Кленовицкий, Костеевский, Ладыженский, Ларицкий, Первушинский, Прогоровский. В большинстве же случаев польские фамилии преобразовывались на русский манер. Очень часто окончание -ий, указывающие на польское происхождение, заменялось на более понятное для русских людей окончание -ой, -ов, и даже -их. Очень часто у одной и той же фамилии фиксировалось несколько вариантов написания. Самые многочисленные варианты написания были зафиксированы у фамилии Своровский: Сваровский, Сваровской, Саворовсков, Соворовской, где можно проследить не только изменение окончаний, но и появление дополнительных гласных в корне слова. Однако подобная тенденция была присуща не только польским фамилиям – в русских фамилиях можно встретить также изменения в написании, чередование гласных и разные варианты написания одной и той же фамилии.

Однако польские фамилии оказались более устойчивыми под воздействием инородной культуры и языка, чего нельзя сказать о польских именах. В окладных книгах середины XIX в. у представителей польских фамилий не встретилось ни одного польского имени. Кроме того, уже в середине XVIII в. в первой и второй ревизии не встречаются польские имена, не говоря уже о более поздних ревизиях. Связано это было во многом с тем, что ссыльные поляки по прибытии в Сибирь принимали православную веру и часто женились на русских девушках. Под влиянием местной культуры русские имена вытесняли польские, да и сами поляки через несколько поколений «обрусевали» и полностью вливались в местную культуру. А потом и вовсе из разряда служилых людей переходили в сословие крестьян, далее – приписных.

Как следует из материалов БД, потомки польских военнослужащих выходили за границы городов Томска и Кузнецка, за границы прилегающих к ним территорий и впоследствии расселялись по всей территории Алтайского горного округа. Это можно проследить по населенным пунктам, в которых проживали представители польских фамилий. Вероятно, что широкое расселение потомков польских служащих произошло уже в период их окрестняничества и в дальнейшем при приписке к заводам. Так же как и в случае с остальной массой населения, поляки могли самовольно переселяться в различные места, либо по указу Канцелярии Колывано-Воскресенского горного округа.

При расселении на новые места польские фамилии оставили след и в топонимике округа. Часть населенных пунктов, была названа по фамилии их первопоселенцев – поляков, которые и до середины XIX в. проживали в данных селениях. Среди них можно назвать: д. Бжицкова Кайминской волости, д. Болтовская д. Кулаковское Тутальской волости, д. Новодупленская Уксунайской волости, д. Болтовская Чингинской волости.

Выделить различные группы старообрядчества и тем более его семейный состав в Антропонимиконе в ходе генеалогических исследований достаточно сложно. Один из основных источников, с помощью которого можно определить фамилии старообрядцев – это четвертая ревизия 1782 г. и пятая ревизия 1795 г. Именно в этих источниках можно встретить упоминание о принадлеж-

ности крестьянина к старообрядчеству: «записной раскольник», «беглораскольник», «польский поселятник». Именно такими терминами официальные власти называли ревнителей старой веры. Однако в ходе генеалогических исследований нами был отмечен тот факт, что группа старообрядчества была не очень устойчивой. Довольно часто встречались случаи перехода старообрядцев в православие и наоборот – переход из православной веры в старообрядчество. При этом представители одной и той же фамилии могли состоять как в православном вероисповедании, так и в старообрядчестве, а также переходить из одного вероисповедания в другое несколько раз. Из-за того, что эта группа населения оказалась не особо устойчивой и довольно подвижной, то выделение антропонимов старообрядцев представляется достаточно сложным. Однако одно из направлений старообрядчества – группа так называемых польских поселятников имела большую устойчивость. Нами был составлен пофамильный список представителей данного направления старообрядчества.

История этой ветки начинается после раскола русской православной церкви. Небольшая часть сторонников старых обрядов и старой веры вынуждена была бежать к западным границам российского государства (Стародубье), а затем под напором властей перешла на земли польских панов Халецких и Красинских в районе Гомеля и в районе Халчи и Ветки на реке Сож. Вынужденные русские переселенцы были хорошо встречены польскими вельможами стали осваивать болотистые места. К тому же им была дана свобода вероисповедания. Там они прожили около ста лет. По некоторым данным, в Польше в XVIII в. русских беглых людей проживало около 1 млн. Выгонки русских беглых людей из-за границы, в значительной мере старообрядцев произошли: первая – в 1735 г., вторая – в 1764–1765 гг.*

Отчасти это было вызвано изменением в российской политике по освоению Сибири. «В 1760 году, по настояниям иностранной коллегии, вызванным претензиями Китая на пограничные территории было начато заселение ссылными местностей по рекам Убе, Глубокой и Иртышу. Одновременно с тем приступлено было, под надзором сибирского губернатора Чичерина к водворению ссыльных в Барабинской степи для облегчения сухопутного через него сообщения. Опыт этот продолжался четыре года (с 1761 по 1765 г.) и дорого обошелся тем, над кем он производился. Тысячами умирали переселенцы и крестьяне, усеивая своими костями болотистую барабу: среди сибирских старожилов и до сих пор сохранились мрачные предания о тех поселениях»**.

Правительство Екатерины II усмотрело в старообрядцах прекрасных колонистов, которые смогут производить хлеб и другие сельскохозяйственные продукты там, где их не хватает. Они исконные земледельцы, предприимчивы, трезвы, трудолюбивы, отличные общинники, да и на западных границах без них спокойнее. Поэтому возложить на них задачу развития земледелия на Алтае, а Барабе и Забайкалье было просто необходимо. Власти законодательными мерами старались стимулировать возвращение старообрядцев из-за рубежа. Особую роль в этом сы-

* Болонев Ф.Ф. Поляки и старообрядцы в Польше и России // Ссылные поляки в Сибири: XVII, XIX вв. Новосибирск, 2007. С. 23–26.

** Саломон А.П. Доклад // Ссылка в Сибирь. Очерк ее истории и современного положения. СПб., 1900. С. 15.

грали царские и синодальные манифесты и указы от 16 октября, 4 и 14 декабря 1762 г., в которых предписывалось защищать раскольников от всяческих утеснений, не настаивать на ношении специального платья и бритье бород. Все эти предшествовавшие переселению законодательные акты царского правительства рассмотрены и проанализированы в работах М. Швецовы и Н.Н. Покровского*.

В литературе и в источниках можно встретить несколько вариантов названия старообрядцев, бежавших в Польшу, и водворенных оттуда на Алтай. В отечественном источниковедении широкое распространение получил термин «поляки» либо «польские поселщики». Официальные же власти времени переселения поляков на Алтай и первые десятилетия их проживания на новой территории употребляли несколько другие термины по отношению к этой группе населения. Данный факт можно проследить через такой источник как ревизские сказки. В пятой ревизии 1795 г. – официальном документе, мы встречаем два названия, применяемые официальными властями по отношению к старообрядцам, выведенным из Польши – это «беглораскольники» и «польские поселщики». Термин «беглораскольники» состоял из двух частей. Во-первых, он указывал на вероисповедание, не признаваемое официальной главенствующей православной церковью и носил негативный унижительный оттенок. Термин «раскольник» применялся официальной властью и церковью по отношению ко всему старообрядчеству. Приставка «бегло-» имеет еще более уничижительный оттенок и указывает на то, что эта категория людей уже проживала до поселения на Алтае в другом месте, куда они совершали побег. Надо полагать, что термин «беглораскольники» со временем перестал применяться, тем более он носил негативный оттенок. Термин же «польские поселщики», указывающий на прежнее место жительства, прижился потом и в исторической литературе.

В соответствии с материалами пятой ревизии 1795 г.** на Алтае выделяется несколько населенных пунктов, в составе которых проживали выведенные из Польши «беглораскольники»: деревни Екатерининская, Шемонаиха Убинской слободы; деревня Бобровская Устькаменогорской слободы; деревни Секисовская, Малая Убинка Семипалатинской слободы.

По материалам ревизий было выявлено, что в составе данных населенных пунктов проживали представители не только «польских поселщиков», но и «великоросских поселщиков», природа возникновения на Алтае которых не была выявлена нами. Также население было представлено потомками государственных, экономических, помещичьих крестьян, бывших каторжников, отставных солдат, уволенных в отставку в связи со старостью. Всего же в означенных селениях было выявлено 223 фамилии, которые носили представители польских поселщиков, что составляет 9,3% от общего Антропонимикона Алтайского горного округа. Однако некоторые фамилии «польских поселщиков» перекликаются с фамилиями других старожилов. Например, фамилия Федоров встречалась в 24 населенных пунктах, ее носили старообрядцы, польские поселщики, служилые. Фамилию Борисов, встречающуюся в 20 населенных пунктах округа, носили представи-

* Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Алтая и Забайкалья: опыт сравнительной характеристики. Барнаул, 2000. С. 11.

** ГААК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 813, Д. 824, Д. 831.

тели старообрядцев, польских посельщиков, крестьян и служилых. Самую распространенную фамилию Кузнецов, встречающуюся в 135 населенных пунктах, носили представители польских посельщиков, крестьян, служилых и посадских. И это всего лишь некоторые примеры, подтверждающие случаи однофамильцев в Антропонимиконе Алтайского горного округа.

Таблица 1

Фамильный состав польских посельщиков

Название населенного пункта	Фамилии
д. Екатерининская Убинской слободы	Анисимов, Анофриев, Бондырев, Виллов, Воложенин, Голов, Голованов, Данилов, Девятков, Дружинин, Емельянов, Емщиков, Журавлев, Залуцкой, Заицов, Иванин, Иванов, Казаков, Крабаев, Кровцов, Лебедев, Лопатин, Лобов, Лопаткин, Москатулин, Миронов, Мартынов, Моторин, Немчинов, Павлов, Партухов, Подлещиков, Поцелуев, Раченков, Родионов, Савастьянов, Степанов, Семенов, Селов, Скорняков, Столков, Сергеев, Турцов, Теплухин, Трофимов, Унгалов, Федоров, Фомин, Хрусталева, Шаншин, Шишагев, Яковлев
д. Шемонаиха Убинской слободы	Агафонов, Андронов, Артамонов, Борисов, Васильев, Вяткин, Гаврилов, Данилов, Дементьев, Другов, Елизаров, Еловицков, Емельянов, Иванов, Исаев, Киселев, Козмии, Коробов, Кулаков, Макаров, Матвеев, Миронов, Осипов, Парамонов, Павлов, Петров, Семенов, Сидоров, Силин, Степанов, Сысоев, Талыскин, Трещеткин, Сухарев, Феденев, Федоров, Филимонов, Филипов, Цекунов, Шилкин, Яковлев
д. Бобровская Устькаменогорской слободы	Ануфриев, Батенков, Булыгин, Васильев, Гаврилов, Григорьев, Губанков, Дементьев, Дняков, Дмитриев, Евдокимов, Еремеев, Иванов, Каверин, Карпов, Картаков, Климов, Корелов, Коробов, Коротков, Корчешной, Косой, Кошкин, Кушнерев, Ларионов, Лукьянов, Лютовской, Мазницын, Макарьев, Мехков, Минеев, Моторин, Нечасев, Никитин, Панов, Полубородов, Смолеженков, Семенов, Самуилов (Самойлов), Сергеев, Савельев, Степанов, Созонов, Спиридонов, Сухоруков, Тарасов, Тимофеев, Тузаков, Трегубов, Федоров, Фомин, Цекунов, Чеботков, Чечура, Шешенюков, Шматов, Яковлев
д. Секисовская Семипалатинской слободы	Абакумов, Абрамов, Агафонов, Акинфиев, Алексеев, Ананьин, Андреев, Анофриев, Антропов, Анфиногенов, Артамонов, Артемьев, Бабин, Белов, Блинов, Богомоллов, Бородулин, Бояркин, Бояринов, Васильев, В...оков, Гаврилов, Герасимов, Глухих, Голованов, Гольцов, Горбатой, Гордеев, Григорьев, Губушкин, Гусев, Гусляков, Дамевич, Денисов, Деривавдов, Дороднов, Ермолаев, Ефремов, Звонцов, Зимовьев, Зуев, Иванов, Калинин, Каменев, Киреев, Киселев, Кленовицкой, Климов, Кожевников, Кожемякин, Козлов, Козмин, Козьяков, Колесников, Кондратьев, Коротин, Косолапов, Костяной, Краснобаев, Краснощеков, Криворотов, Кривых, Кузнецов, Куропкин, Курочкин, Кучкин, Ларецкой, Ларионов, Лопатин, Лохматов, Лукьянов, Максимов, Мал...ев, Мартынов, Михайлов, Настасьин, Недобитков, Никифоров, Одлицов, Отпахарев, Павлов, Пестунов, Пименов, Поляков, Портнов, Почелин, Прохоров, Прозоровской, Путинцов, Рагушной, Ратягин, Родионов, Романов, Рудин, Рывской, Рылев, Рымарев, Свахин, Синельников, Серов, Слесарев, Смедреев, Сухоруков, Сыкоев, Тетюнников, Тиханов, Троеглазов, Те...ведев, Федоров, Феклистов, Филатов, Филимонов, Филипов, Халамов, Худяков, Чернов, Черной, Чесноков, Чувилин, Шаповалов
д. Малая Убинка Семипалатинской слободы	Рымарев, Кожевников, Родионов, Иванов, Краснощеков

При работе с ревизскими сказками было замечено, что часть имен польских посельщиков состояла из трех частей, часть – из двух, кое-где в записях были отмечены только имена. Имена, состоящие из двух частей, состояли из имени и вто-

рой части, которая явно была не фамилией, а отчеством, поскольку во всех записях была образована от имени. Таким образом, процесс фамилеобразования у польских посельщиков ко времени их выведения из Польши еще не закончился. Данный процесс продолжался на территории округа и вероятнее всего завершился в конце XVIII – начале XIX в. При этом часть фамилий польских посельщиков прошла патронимическую стадию и была образована от отчеств. Этим объясняется довольно большое количество фамилий польских посельщиков, образованных от мужских имен.

В целом же фамилии польских посельщиков можно встретить на достаточно ограниченной территории: Усть-Каменогорской волости, Семипалатинской волости, Бухтарминской волости, Убинской волости, Колыванской волости. Администрация округа занималась расселением посельщиков только в ближайшие места, не выходя за пределы означенной выше территории.

БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» может быть использована не только как источник по антропонимике старожилов округа, но и дать новые сведения о топонимике, истории заселения и образования населенных пунктов в пределах округа.

Примечательно, что в 56 населенных пунктах проживали представители лишь одной фамилии на весь населенный пункт*. Рекордной в этом плане является Тутальская волость, в составе которой находилось 13 населенных пунктов, имеющих однофамильные гнезда: Литвинова, Усть-Искитимская, Тарабыкина, Романова, Милкова, Мальцова, Литосова, Куженкина, Корчуганова, Елгина на Кондерепе, Елгина, Балахнина, Лязгина. 14 из населенных пунктов носили фамилию первопоселенцев, которые и проживали в данных населенных пунктах, среди них: д. Конево Бочатской волости; д. Медынина Верхо-Томской волости; д. Смакотнино Ояшинской волости; д. Литвинова, д. Тарабыкина, д. Романова, д. Милкова, д. Мальцова, д. Литосова, д. Елгина, д. Елгина на Кондерепе, д. Балахнина, д. Лязгина Тутальской волости; д. Протопопова, д. Бажина Чумышской волости. Совершенно очевидно, что первенство в данном случае снова принадлежит Тутальской волости, в составе которой 10 населенных пунктов, носивших название первопоселенцев. Всего же в составе Тутальской волости было 50 насе-

* Клюева Белоярская волость; Березовка, Верх-Коенская, Хлопунова Берская волость; Ганошкино Зимовье. Коренева Боровлянская волость; Конево Бочатская волость; Недорезово Бухтарминская волость; Медынина Мозжухина Верхо-Томская волость; Ачакова Верх-Чумышская волость; Яминская Енисейская волость; Татаринова, Черепанова Кайминская волость; Угловая, Бутырская Касмалинская волость; Пританаев Исток Касминская волость; завод Приколыванский Колыванская волость; Беспалова Кулундинская волость; Атынакова Мунгатская волость; Ново-Кузминская, Рогалева Ординская волость; Смакотнина, Верх-Болтинская, Кондинская, Суранова, Умревинское Поселье, Кунгурова Ояшинская волость; Мало-Ямская Пачинская волость; Серебренникова Тальменская волость; Осиновая Грива, Селезнева, Черемичнина, Юртошная Тарминская волость; Литвинова, Усть-Искитимская, Тарабыкина, Романова, Милкова, Мальцова, Литосова, Куженкина, Корчуганова, Елгина на Кондерепе, Елгина, Балахнина, Лязгина Тутальская волость; Верх-Ненинская, Пуштылимская, Тогульское Зимовье Уксунайская волость; Мыльников Чаясская волость; Белопухова Чингинская волость; Протопопова, Бажина Чумышская волость.

ленных пунктов – и она является одной из самых больших волостей по количеству состоящих в ней деревень. Вероятнее всего, появление множества однофамильных гнезд было связано с разделом крестьянских семей. За 1-ю треть XIX в. размер семьи приписных крестьян региона уменьшился в 1,38 раза и составил 2,21 души мужского пола*.

Фамилии крестьян, заселявших территорию округа, повлияли и на образование названий населенных пунктов. 258 из 1306 населенных пунктов округа, что составляет 19,75% от общего количества населенных пунктов, были образованы от фамилий первопоселенцев, имевших устойчивую степень проживания на одном и том же месте с момента поселения и до середины XIX в. Дело в том, что топонимы округа были вторичны по отношению к антропонимам, в отличие от территории Центральной России, где более проявлялся обратный процесс. Отсюда такое количество населенных пунктов, образованных от фамилий. Однако следует признать, что топонимов образованных от фамилий первопоселенцев было больше. Часть основателей населенных пунктов, давших названия населенным пунктам, со временем могли переселиться в другие места, название при этом сохранялось прежнее. Примечательно, что 258 населенных пунктов образовалось от 208 фамилий. Дело в том, что представители некоторых фамилий были основателями сразу нескольких населенных пунктов. Например, Казанцевы образовали три деревни Казанцевой в Касмалинской, Тальменской, Чумышской волостях, а Плотниковы образовали четыре деревни Плотниковой в Верх-Чумышской, Кривошековской, Кулундинской, Ординской волостях. При этом числилась еще одна деревня Плотникова в Верхо-Томской волости, в середине XIX в. в которой не проживали Плотниковы. И таких примеров можно привести достаточно много.

Применение дополнительных источников и методов исследования крестьянской генеалогии, в частности генеалогии крестьян Алтайского (Колывано-Воскресенского) горного округа позволяет расширить возможности и границы поиска и решить проблемные ситуации. Генеалогические поиски, проводимые на базе нескольких Западносибирских архивов, являются необходимым условием для качественного и полноценного восстановления крестьянских родословных Алтайского (Колывано-Воскресенского) горного округа.

Искусственно созданные генеалогические источники (в нашем случае БД «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа») позволяют заполнить пробел в источниковой базе по крестьянской генеалогии, решить ряд вопросов, например, установление места жительства старожильческих семей при внутренней миграции в пределах территории округа. Также эти базы открывают дополнительные источники для изучения различных аспектов крестьянской генеалогии: антропонимики, топонимики, территории расселения крестьянских семей и т.д.

Е.В. Ильина

* Усков И.Ю. Указ. соч. С. 83.

1.5. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья

Целенаправленные исследования археологических памятников Западной и Южной Сибири позволили получить значительное количество костных останков, которые отражают специфику разведения и использования скотоводами лошадей в древности и средневековье. Особенно важными в этом плане стали материалы поселения ранней бронзы Березовая Лука* и других комплексов елунинской культуры. Накоплены существенные свидетельства о лошадях развитой и поздней бронзы. Обобщение их является ближайшей перспективой.

Задача уже осуществленной научно-исследовательской работы заключалась в сборе и всестороннем анализе имеющихся сведений о лошадях кочевников, которые с аржано-майэмирского до монгольского времени поэтапно осваивали горные и лесостепные районы Западной и Южной Сибири. Полученные находки фиксировались путем создания специальной базы данных. Для этого была разработана в электронном виде система представления материалов из раскопанных объектов.

К настоящему времени в фондах Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ накоплено значительное количество костных останков лошадей, которые отражают специфику разведения и использования скотоводами коней в древности и средневековье**. Выявленный массив находок был обобщен и упорядочен путем создания базы данных BONES. Любая база данных важна не только сама по себе. Она рассматривается как инструмент для дальнейшей работы: поиск тех или иных содержащихся в ней сведений, введение дополнений и ранее неучтенных фактов, определений или аналитическая работа по сопоставлению хранимой информации.

База данных была разработана на основе компьютерной программы MS Access. Версия Access-2007 – это реляционная система управления базами данных (СУБД) корпорации Microsoft, входящая в пакет Office 2007. Благодаря своим возможностям этот программный продукт позволяет включать материалы количественного и качественного плана, заносить любой объем текстовой информации при помощи поля типа MEMO, а также присоединять объекты, поддерживающие протокол OLE. Имеется возможность создавать списки фиксированных значений признаков, подставляемых в поля базы данных. Программа имеет огромный список функций, включая связанные запросы, сортировку по разным полям, связь с внешними таблицами и базами данных. Кроме того, в данном программном продукте можно осуществлять связь записей базы данных с графической информацией при помощи гиперссылок.

* Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. Т. I; Косинцев П.А. Животноводство и охота населения Березовой Луки // Кирюшин Ю.Ф., Малолетко А.М., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2005. С. 151–152, 154–155; Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Березовая Лука – поселение эпохи бронзы в Алейской степи. Барнаул, 2011. Т. II; и др.

** Тишкин А.А., Косинцев П.А. Древние и средневековые лошади Алтая: результаты и перспективы исследования // Культуры и народы Северной Азии и сопредельных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Томск, 2008. Вып. 2. С. 216–222.

Основу базу данных BONES составляют два тематических блока («Памятники» и «Лошади»). Первая таблица «Памятники» состоит из семи полей (рис. 1). Она содержит наиболее общие данные об археологических комплексах. Имеется возможность корректировки и дополнения накапливаемых сведений*.

Код	Памятники	Автор раскопок	Культурная принадлежность	Датировка	Номер отчета	Библиографические указатели
16	Хмаринский дол. в. №011	П.И. Дашковский	Скифское время, пазырыкская культура, скифский этап	IV - начало III вв. до н.э.	16	Дашковский П.И., Тишкин А.А., Тур С.С. Раскопки курганов на памятнике

Рис. 1. Таблица «Памятники» в режиме макета

Первое поле – «Код», является первичным ключом (специальное поле, используемое для уникальной идентификации записей таблицы), его тип – счетчик (оно содержит число, которое автоматически увеличивается на единицу, когда в таблицу добавляется новая запись) (рис. 2).

Имя поля	Тип данных	Описание
Код	Счетчик	
Памятники	Текстовый	
Автор раскопок	Текстовый	
Культурная принадлежность	Текстовый	
Датировка	Текстовый	
Номер отчета	Текстовый	
Библиографические указатели	Текстовый	

Рис. 2. Таблица «Памятники» в режиме конструктора

Второе поле – «Памятники», куда заносятся названия археологических памятников, а также нумерация курганов, расположенных в хронологическом порядке (см. прил.). Это поле, как и все последующие, с текстовым типом данных пред-

* Лукерина Я.Е. База данных «Лошади из археологических памятников Алтая поздней древности, раннего и развитого средневековья»: структура и научный потенциал // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2013. №5 (17). С. 111–117.

ставляет собой строку, состоящую из букв, цифр, специальных символов (ширина текстового поля ограничена 255 позициями).

Третье поле – «Автор раскопок». Оно, соответственно, содержит ФИО руководителя раскопок каждого из учтенных памятников.

Четвертое поле – «Культурная принадлежность» – включает в себя название исторического времени и археологической культуры по каждому объекту.

Пятое поле – «Датировка» – отражает хронологические показатели.

Шестое поле – «Номер отчета» – указывает источник, хранящийся в архиве Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ или другого учреждения.

Седьмое поле – «Библиографические указатели». В данный раздел заносятся данные, где опубликованы сведения о памятнике. Это поле также является текстовым, но в случае добавления информации его нужно будет перевести в МЕМО (этот тип поля может содержать до 65 535 символов).

Следующий раздел – «Лошади». В нем представлены данные о копытных, позволяющие в определенной степени реконструировать внешний вид животного и его особенности. Список из 11 полей по таблице «Лошади» представлен на рисунке 3, а таблица в режиме макета изображена на рисунке 4.

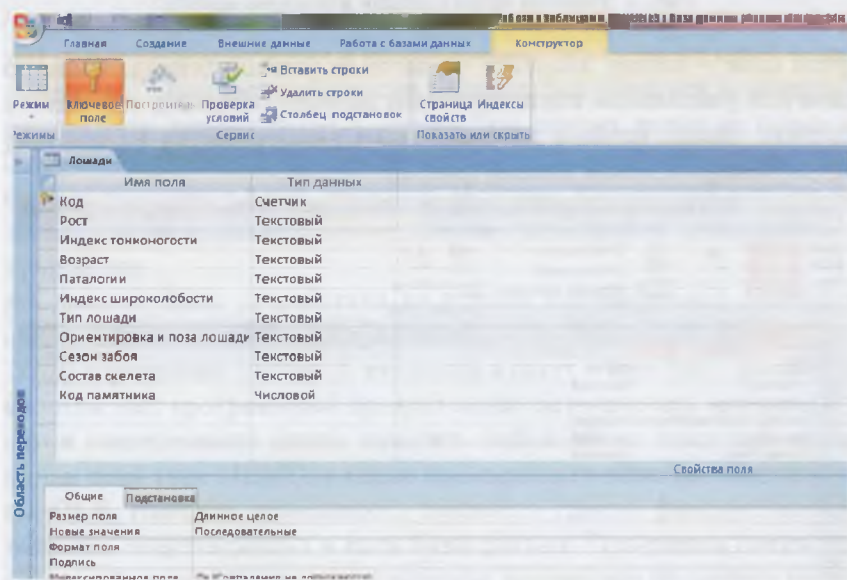

Рис. 3. Таблица «Лошади» в режиме конструктора

Первое поле – «Код» – является первичным ключом с типом данных (счетчик).

Второе поле – «Рост лошади» (высота в холке высчитывалась согласно методике В.О. Витта: по черепу и длине метаподий).

Третье поле – «Индекс тонконогости» (отношение длины пясти к ее ширине).

Четвертое поле – «Возраст» (определение возраста проводилось по степени срастания эпифизов с диафизом, а также по состоянию зубной системы согласно специальным таблицам).

Пятое поле отражает зафиксированные паталогии на костях скелета.

Код	Рост	Индекс тонколобости	Возраст	Паталогии	Индекс шир	Тип лошади	Ориентиро	Сезон забоя	Состав ск
26	ниже среднего	тонколобый	3	нет	узколобые	степные	В. На правом бoku с подогнутыми ногами.	-	полный
27	мелкого	полутонколоб	3	нет	-	-	На животе, ше	-	полный
28	ниже среднего	среднелобый	-	нет	-	-	СЗ. На левом	-	постризан
29	ниже среднего	полутонколоб	15-20	нет	узколобые	-	ЮВ. На спине	-	полный
30	ниже среднего	среднелобый	18-20	нет	узколобые	-	ЮВ. На животе	-	полный
31	мелкого	полутонколоб	-	нет	узколобые	-	ЮВ. На левом	-	полный
32	мелкого	тонколобый	10-15	нет	среднелобые	-	На левом боку	-	полный
33	мелкого	среднелобый	10-12	нет	среднелобые	-	В. На животе	-	полный
34	мелкого	полутонколоб	3	нет	-	-	В. На правом бoku	-	полный

Рис. 4. Таблица «Лошади» в режиме макета

Шестое поле – «Индекс широколобости» (высчитывается по отношению основной длины черепа к ширине).

Седьмое поле – «Тип лошади» (в разных экологических нишах выделены породы, которые названы по типу местности: степные, лесные, плоскогорные; эти типы были определены по показателям относительной ширины лба).

Восьмое поле – «Ориентировка и поза лошади в захоронении» (данные берутся из отчетов или публикаций).

Девятое поле – «Сезон забоя» (определения проводятся по регистрирующим структурам (ткани зуба и кости)*.

Десятое поле – «Состав скелета» (для неполных скелетов перечисляются имеющиеся кости).

Поле со второго по десятое – с текстовым типом данных. Одиннадцатое – код памятника – с числовым типом данных. Оно является вторичным ключом и используется для установки отношений между таблицами «Памятники» и «Лошади» (рис. 5).

Было установлено отношение «один ко многим». Оно связывает одну запись первой таблицы со многими записями второй таблицы.

В качестве родительской таблицы была выбрана таблица «Памятник» с первичным ключом («Код»). Таблица «Лошади» была сделана дочерней с вторичным ключом (код памятника). Значение этого поля совпадает с первичным ключом таблицы «Памятник».

Для поиска необходимой информации используются фильтрация, сортировка, поиск и запросы (специально не создавались).

Для облегчения работы с созданной базой данных помимо макетов создались отчеты по каждой таблице (рис. 6). Есть возможность создания отчетов с данными двух таблиц одновременно.

* Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя лошадей по регистрирующим структурам из памятников поздней древности Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 120–122.

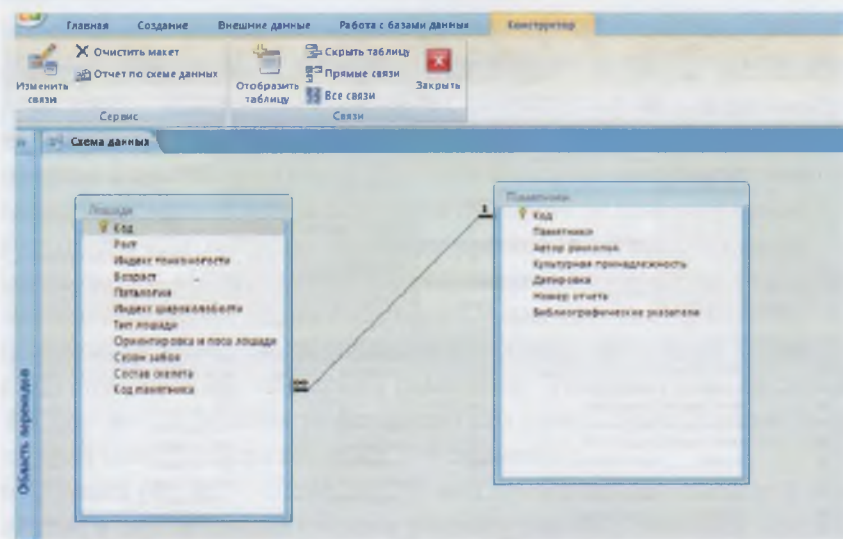

Рис. 5. Связь между таблицами «Памятники» и «Лошади»

Код	Пол	Индекс памятника	Возраст	Период	Индекс археологической культуры	Тип лошади	Ориентировка и пося лошади	Страна забор	Страна скелета	Код памятника
1	средний	+	35-45	нет						
2	средний	тонкостволый	25-35	нет						
3	средний	среднестволый	6.0	нет						
4	мелкий	среднестволый	6.0	нет						
5	мелкий	среднестволый	6.0	нет						
6	мелкий	среднестволый	6.0	нет						
7	средний	крайне тонкостволый	3	нет						
8	средний	валутистостволый	8	нет						

Рис. 6. Отчет по таблице «Лошади»

Поскольку база данных BONES – первый опыт авторов в области зооархеологии, то было бы неверно утверждать, что она закончена, лишена каких-либо недостатков или были сформированы наиболее удачные макеты и отчеты. Напротив, мы видим главную задачу в дальнейшей корректировке и дополнении базы данных. А открытость системы, ее структура и универсальность позволяют, основываясь на сделанном, расширять созданную базу данных в рамках заявленной темы. Главную же задачу работы – по созданию действующей базы данных – можно считать выполненной (рис. 7).

Эта БД может наполняться многими имеющимися сведениями, которые отражены в публикациях, научных отчетах или содержатся в музейных коллекциях. Пока одним из самых ранних памятников Алтая, где было зафиксировано захоронение человека с лошадью, является курганный могильник Курту-II, раскопанный С.С. Сорокиным* и датированный по найденным трехдырчатым псалям не позже VIII в. до н.э. Наиболее близко к нему в территориальном и хронологическом отношении

* Сорокин С.С. Памятники ранних кочевников в верховьях Бухтармы // АСГЭ. Л., 1966. Вып. 8.

располагался погребальный комплекс Ак-Алаха-П, где обнаружены «... захоронения останков людей и коней»*. На памятнике Семисарт-I Л.С. Марсадоловым** раскопан характерный курган аржано-майэмирского времени, где найдена «шкура» лошади, от которой сохранились только челюсти и кости конечностей. В урочище Семисарт (Центральный Алтай) исследовались и другие объекты. Зафиксированные там костные останки интересующих животных изучались зоологом А.В. Гальченко и опубликованы***. На памятнике Бийке в курганах «раннескифского» времени обнаружены останки захороненных лошадей или их частей****. В настоящее время подобные находки отмечены на многих погребально-поминальных комплексах бийкенской археологической культуры, которая датируется концом IX – 2–3-й четвертью VI в. до н.э.***** На территории западных и северо-западных предгорий Алтая изучены памятники майэмирской культуры*****. В них также найдены кости лошадей и конское снаряжение*****. Кроме могильников, исследованы поселения, святилища,

* Полосьмак Н.В. Исследование памятников скифского времени на Укоке // ALTAICA. 1993. №3. С. 21.

** Марсадолов Л.С. Исследования в Онгудайском и Улаганском районах Горного Алтая // Археологические открытия 1980 года. М., 1981; Он же. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001.

*** Гальченко А.В., Тишкин А.А. Перспективы научного использования в археологии методик анализа костных остатков лошадей // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 249; Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997. С. 101–102; Гальченко А.В., Марсадолов Л.С. Osteологические материалы из Семисарта // Марсадолов Л.С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб., 2001. С. 62–65.

**** Тишкин А.А. Погребальные сооружения курганного могильника Бийке в Горном Алтае и культура населения, оставившего их // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул, 1996.

***** Кирюшин Ю.Ф., Тишкин А.А. Скифская эпоха Горного Алтая. Ч. I: Культура населения в раннескифское время. Барнаул, 1997; Суразаков А.С., Тишкин А.А. Археологический комплекс Кызык-Телань-I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул, 2007; Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007; Он же. Этапы развития бийкенской культуры Алтая // Теория и практика археологических исследований. Барнаул, 2007. Вып. 3.

***** Шульга П.И. О содержании понятия «майэмирская культура» и этнокультурной ситуации в северо-западных предгорьях Алтая в раннескифское время // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2000; Он же. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I: Раннескифское время. Барнаул, 2008; Тишкин А.А. О соотношении бийкенской и майэмирской археологических культур Алтая раннескифского времени // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2; и др.

***** Шульга П.И. Раннескифская упряжь в VII – начале VI в. до н.э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. Барнаул, 1998; Он же. Могильник Гилево-10 как памятник финала раннескифского времени // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I; Он же. Новая находка сбруйного набора в Гилево-10 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. и др.

Фото 7. Свидетельство о государственной регистрации базы данных

ганов»***. Методические решения и полученные результаты, представленные в ней, являлись новаторскими и актуальны до сегодняшнего дня. В том же 1952 г. появилась работа классика археозоологии В.И. Цалкина «К изучению лошадей из курганов Алтая»****. В ней рассматривались материалы более широкого хронологического диапазона. Оба ученых использовали метод морфометрического анализа черепов, но пришли к разным выводам. В.О. Витт считал, что в древний период на Алтае существовали разные группы лошадей: породистые (приведенные с равнины), местные «захудалые» и метисы между ними. В.И. Цалкин полагал, что все разнообразие коней скифского времени являлось выражением

петроглифы и другие объекты «раннескифского» периода. Этот краткий обзор демонстрирует наличие достаточного количества источников, позволяющих приступить к комплексному изучению лошадей аржано-майэмирского времени. Необходимым моментом такой деятельности станет привлечение материалов, полученных при раскопках памятников на сопредельных с Алтаем территориях. Особенно это касается «царских» курганов Аржан-1* и Аржан-2** в Туве.

Наибольшее количество имеющихся данных о лошадях связано с исследованием комплексов пазырыкской культуры скифо-сакского времени. Процесс накопления такой информации насчитывает уже более 145 лет. Начало специальных иппологических исследований положила ставшая классической статья В.О. Витта «Лошади Пазырыкских курганов»***.

* Грязнов М.П. Аржан – царский курган раннескифского времени. Л., 1980.

** Чугунов К.В. Аржан – источник // Аржан: Источник в Долине царей. Археологические открытия в Туве. СПб., 2004; Çugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstengraban Aržan 2 in Tuva. Mainz, 2010 (Archäologie in Eurasien. Band 26; Steppenvölker Eurasiens. Band 3).

*** Витт В.О. Лошади Пазырыкских курганов // СА. 1952. №16.

**** Цалкин В.И. К изучению лошадей из курганов Алтая // МИА. 1952. №24.

внутри- и межпопуляционной изменчивости. Обозначенная проблема происхождения лошадей, которые использовались древними кочевниками Алтая, не решена до сих пор. Сведения по данной теме нашли отражение в монографиях С.И. Руденко*, а позже в работах других археологов**. В этих публикациях расширился круг вопросов, необходимых для рассмотрения. На решение их были направлены усилия современных специалистов.

Следующий этап в изучении лошадей пазырыкской культуры связан с раскопками курганов на плоскогорье Укок***. Новосибирскими исследователями даны описания археозоологических особенностей животных, обнаруженных в ряде «элитных» и «рядовых» захоронений. Для анализа конских метаподиальных костей, кроме стандартных методов биометрии, ими впервые использовался эффективный подход, разработанный и апробированный за рубежом****. Полученные результаты не были однозначными и не позволили выделить породные группы. Предпринималась попытка описания патологических изменений на костях при изучении пяти скелетов коней скифского времени, обнаруженных на памятниках Башадар и Ак-Алаха-5*****.

Материалы из раскопок пазырыкских курганов на комплексе Берель***** позволили провести сравнительный анализ большой группы лошадей из серии за-

* Руденко С.И. Горноалтайские находки и скифы. М.; Л., 1952; Он же. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953; Он же. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.

** Кубарев В.Д. Конь в сакральной атрибуции ранних кочевников Горного Алтая // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа. Новосибирск, 1981; Он же. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991. С. 140–146; Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994; Тишкин А.А., Дашковский П.К. Значение лошади в культуре населения Горного Алтая скифской эпохи // Сибирь в панораме тысячелетий. Новосибирск, 1998. Т. 1; и др.

*** Васильев С.К., Гребнев И.Е. Остеологическая характеристика лошадей из курганов Бертекской долины // Древние культуры Бертекской долины (горный Алтай, плоскогорье Укок) / А.П. Деревянко, В.И. Молодин, Д.Г. Савинов и др. Новосибирск, 1994; Гребнев И.Е., Васильев С.К. Лошади из памятников пазырыкской культуры Южного Алтая // Полосьмак Н.В. «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск, 1994; Васильев С.К. Лошади из погребений скифского времени Горного Алтая // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000.

**** Eisenmann V. Les metapodes d'Equus sensu lato (Mammalia Berissodactula) // Geobios. 1979. Vol. 12(6); Eisenmann V., Karchound A. Analyses multidimensionnelles des metapodes d'Equus // Bull. Mus. natn. Hist. nat. P., 1982. T. 4 (1–2); Eisenmann V., Beckouche S. Identification and discrimination of metapodials of modern and Pleistocene Equus, wild and domestic // Meadow R.H., Verpmann H.P. Equids in Ancient World. Beihefte zum Tubinger Atlas des Vorderen Orients. Wiesbaden, 1986; и др.

***** Левин М. Особенности палеопатологий лошадей эпохи раннего железа // Феномен алтайских мумий / В.И. Молодин, Н.В. Полосьмак, Т.А. Чикишева и др. Новосибирск, 2000.

***** Самашев З.С., Жумабекова Г.С., Сунгатай С. Новые исследования на могильнике Берель в Восточном Казахстане // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул, 1999; Самашев З.С., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунгатай С. BEREL-БЕРЕЛ. Алматы, 2000; Самашев З.С. Берел. Алматы, 2011.

хоронений скифо-сакского времени по высоте в холке и другим показателям*. В результате оказалось, что изменения этих породных характеристик не связаны с продолжительностью существования на Алтае конкретной популяции лошадей. На материалах памятника Берель выполнена первая работа, посвященная описанию следов от орудий на костях изученных животных**.

Процесс накопления данных о лошадях пазырыкской культуры продолжается. За последние годы сотрудниками АлтГУ получены конские костяки из курганов памятника Ханкаринский дол***, а также из комплексов, которые раскапывались в зоне строительства Алтайской ГЭС****. Поэтому существует необходимость продолжения многопланового исследования имеющегося массива данных.

К настоящему времени в фондах музея АлтГУ находится серия скелетов лошадей хуннского времени. Остатки более 10 животных зафиксированы при раскопках курганов на могильнике Яломан-II в Горном Алтае****. Исследованные объекты датируются II в. до н.э. – I в. н.э. и относятся к усть-эдиганскому этапу булан-кобинской культуры*****. Следует отметить, что специальное и всестороннее

* Косинцев П.А., Самашев З.С. Лошади из могильников скифского времени Казахского Алтая // Международное (XVI Уральское) археологическое совещание. Пермь, 2003; Они же. Лошади Алтая в скифо-сакское время // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008; Косинцев П.А. Лошади Горного Алтая в скифское время // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004; Кашкинбаев К.А., Самашев З. Лошади древних кочевников Казахского Алтая. Алматы, 2005; Макарова Л.А. Биометрия лошадей двух берельских курганов. Астана, 2007.

** Самашев З.С., Косинцев П.А. Погребальный обряд лошадей в могильнике Берел // Комплексные исследования древних и традиционных обществ Евразии. Барнаул, 2004.

*** Дашковский П.К., Тишкин А.А., Тур С.С. Исследования объектов раннего железного века и средневековья на Чинетинском археологическом комплексе (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I; Они же. Раскопки курганов на памятнике Ханкаринский дол в Краснощековском районе Алтайского края // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. Барнаул, 2007. Вып. XVI; и др.

**** Кирюшин Ю.Ф., Кунгуров А.Л., Тишкин А.А., Матренин С.С. Завершение работ на погребально-поминальном комплексе Тыткескень-VI // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I; Кирюшин Ю.Ф., Семибратов В.П., Матренин С.С., Грушин С.П., Кирюшин К.Ю., Шмидт А.В. Исследования погребальных и поминальных комплексов в зоне строительства Алтайской ГЭС в 2007 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007. Т. XIII; и др.

***** Тишкин А.А., Горбунов В.В. Исследование погребально-поминальных памятников кочевников в Центральном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX, ч. I; Тишкин А.А. Обзор исследований в Западной Монголии и на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2007в. Т. XIII.

***** Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 175, 180–181, 264–276.

изучение лошадей Алтая этого периода формирует хорошую перспективу сравнительного анализа пазырыкских и булан-кобинских коней. В настоящее время в АлтГУ поступили костные останки из памятника Царам, исследованного С.С. Миняевым в Бурятии.

После раскопок памятников Степушка-I и II* коллекция скелетов лошадей Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ существенным образом увеличилась. Важность данного факта заключается и в том, что заполняется имевшийся пробел по изучению лошадей Сибири сянбийского времени (II – 1-я половина IV в. н.э.). Указанные памятники составляют единый комплекс, расположенный в черте бывшего с. Степушка Онгудайского района Республики Алтай и занимающий мысовидную часть надпойменной террасы р. Урсул, в 150 м к югу от нынешнего русла. Географические координаты объекта по GPS-приемнику такие: N – 50° 45.267'; E – 86° 24.453''.

В нашем распоряжении имеется группа целых и неполных скелетов от лошадей предтюркского времени (верх-уймонский этап булан-кобинской культуры) (раскопки А.А. Тишкина). Они получены также на памятнике Яломан-II и датируются 2-й половиной IV – 1-й половиной V в. н.э.*** Материалы указанного периода требуют всестороннего изучения, что наряду с другими данными обеспечит широкие возможности для понимания процессов формирования тюркской культуры.

Сведений о средневековых лошадях Горного и Лесостепного Алтая пока зафиксировано немного. Среди имеющихся в АлтГУ материалов внимание заслуживает скелет лошади, обнаруженный в кургане №5 памятника Усть-Бийке-III****. Исследованный объект относится к раннему (кызыл-ташскому) этапу тюркской культуры и датируется 2-й половиной V – 1-й половиной VI в. н.э., что в определенной мере подтверждается радиоуглеродным датированием****. Наиболее представительными материалами можно считать находки костей лошадей из памятников раннего средневековья, относящихся к сросткинской культуре и расположенных на юге Западной Сибири. Изучение некоторых из них уже предприни-

* Соенов В.И. Полевые археологические исследования научно-исследовательской лаборатории по изучению древностей Сибири и Центральной Азии ГОУ ВПО ГАГУ в 2010 г. // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск, 2010. №3 (15). С. 3–6; Тишкин А.А., Матренин С.С., Шмидт А.В. Женские металлические украшения из погребения сянбийского времени на Алтае (по материалам исследований памятника Степушка-I) // Вопросы археологии Казахстана. Алматы, 2011. Вып. 3. С. 420–431.

** Кирюшин Ю.Ф., Шмидт А.В., Тишкин А.А., Матренин С.С. Исследование погребальных комплексов эпохи «великого переселения народов» в Центральном Алтае (могилище Степушка-I) // Полевые исследования в Верхнем Приобье и на Алтае. 2010 г.: Археология, этнография, устная история. Барнаул, 2011. Вып. 7. С. 92–98.

*** Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007а. С. 176, 179–181, 264–276.

**** Тишкин А.А., Горбунов В.В. Комплекс археологических памятников в долине р. Бийке (Горный Алтай). Барнаул, 2005.

***** Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007. С. 279.

малось*. Эта работа показала перспективность реализованной исследовательской практики. Ее необходимо продолжить. За последние десятилетия количество раскопанных курганов разных этапов сrostкинской культуры значительно увеличилось**. В этих комплексах обнаружены как целые скелеты лошадей, так и их части. Собранные остеологические коллекции позволяют получить существенные результаты при их изучении.

Останки лошадей монгольского времени найдены в небольшом количестве. Это связано со слабой изученностью данного периода и со спецификой погребального обряда. На территории Лесостепного Алтая пока не найдено ни одного захоронения человека в сопровождении целой туши лошади. Встречены только отдельные кости, чаще всего черепов и конечностей. Они относятся к памятникам Телеутский Взвоз-I*** и Кармацкий****, а также отмечены и на некоторых других объектах.

Таким образом, на Алтае и сопредельных территориях накоплен материал, позволяющий провести сравнительный анализ лошадей от аржано-майэмирского до монгольского времени. Для дальнейших исследований необходимо привлечение письменных свидетельств и изобразительных источников. Существенным вкладом станет увеличение количества методов, применяемых для изучения древних и средневековых животных. Внедрение многомерной статистики для анализа морфометрических признаков (факторного, кластерного, геометрической морфометрии) позволяет оценить степень морфологической и, возможно, генетической близости лошадей выделенных исторических периодов разных регионов Сибири. Изучение регистрирующих структур в конских зубах дает возможность определить точный возраст и сезон забоя животных, что, в свою очередь, обеспечивает реконструкцию элементов годового жизненного цикла конкретных групп населения и многое другое. В обозначенном направлении работа уже проводилась.

* Гальченко А.В., Тишкин А.А. Перспективы научного использования в археологии методик анализа костных остатков лошадей // Культура народов евразийских степей в древности. Барнаул, 1993. С. 249.

** Тишкин А.А., Горбунов В.В. Результаты исследования курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2000. Т. VI; Они же. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. №9; Они же. Исследования памятников раннего железного века и средневековья в Лесостепном и Горном Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2002. Т. VIII; Горбунов В.В., Тишкин А.А. Продолжение исследований курганов сrostкинской культуры на Приобском плато // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII; Тишкин А.А., Дашковский П.К., Горбунов В.В. Курганы эпохи средневековья на территории предгорно-равнинной части Алтайского края // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X, ч. I; и др.

*** Тишкин А.А., Горбунов В.В., Казаков А.А. Курганный могильник Телеутский Взвоз-I и культура населения Лесостепного Алтая в монгольское время. Барнаул, 2002. С. 62–64.

**** Тишкин А.А. Алтай в монгольское время (по материалам археологических памятников). Барнаул, 2009.

В частности, осуществлен отбор 28 конских зубов для определения сезона забоя животных и получения других данных из следующих памятников Алтая: Яломан-II, Ханкаринский дол, Чобурак-II, Берсюкта-II, Тыткескень-VI, Бике-III и IV. Эти материалы изучены в Институте экологии растений и животных УрО РАН и опубликованы*.

Имеющаяся и представленная археозоологическая коллекция из Музея археологии и этнографии Алтая АлтГУ пополняется костями лошадей других исторических периодов и современности. Эти материалы служат сравнительной базой для изучения древних и средневековых животных Сибири.

Описание скелетных остатков позволяет выявить на костях следы от орудий и дает возможность реконструировать отдельные элементы погребального обряда. Обнаружение и анализ патологических изменений на костях лошадей помогут понять возможные способы эксплуатации животных, а также зафиксировать пороки, болезни и т.д. Полученные данные необходимы для уяснения принципов отбора коней для использования в реализованных ритуалах. Комплексный анализ результатов всех целенаправленных исследований будет направлен на объективную оценку роли лошади в хозяйстве, в военном деле, в погребально-поминальной или жертвенной практике кочевников разных периодов. Эти материалы можно сравнить с немногочисленными данными письменных источников.

В заключение остановимся еще на одном моменте. В течение последнего десятилетия кости лошадей из различных курганов Алтая отбирались в качестве образцов для осуществления радиоуглеродного датирования. В результате получена серия дат**, которые использовались при обосновании культурно-хронологической концепции истории древних и средневековых народов Алтая. В лаборатории Института истории материальной культуры РАН сделаны анализы девяти проб костей (ребер) из разновременных памятников Алтая (Бике-IV, Чобурак-II, Берсюкта-II, Яломан-II, Степушка-I). Эти данные позволяют объективно рассматривать исследуемые костные останки лошадей в хронологической последовательности и осуществить запланированную научно-исследовательскую программу. Работу по радиоуглеродному датированию обнаруженных остеологических материалов необходимо продолжить. Это позволяет определить не только хронологические рамки существования определенных популяций лошадей, но и опираясь на археологические материалы, дать им исторический контекст с выходом на общие

* Бачура О.П. Результаты определения возраста и сезона забоя лошадей по регистрирующим структурам из памятников поздней древности Алтая // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. Барнаул: Азбука, 2008. С. 120–122.

** Тишкин А.А. Создание периодизационных и культурно-хронологических схем: исторический опыт и современная концепция изучения древних и средневековых народов Алтая. Барнаул, 2007а; Тишкин А.А., Матренин С.С., Семибратов В.П. радиоуглеродная датировка курганов пазырыкской культуры Северного Алтая (по результатам работ Катунской экспедиции АлтГУ в 2007 г.) // Теория и практика археологических исследований. 2009. №5. С. 56–65; Тишкин А.А., Матренин С.С. Новые данные по радиоуглеродному датированию погребальных комплексов булан-кобинской культуры Алтая (по материалам раскопок курганной группы Степушка-I) // Теория и практика археологических исследований. 2013. №1(7).

и частные реконструкции. Таким образом, всестороннее изучение древних и средневековых лошадей Сибири имеет хорошую перспективу. В этом процессе важную роль будет иметь формирующаяся и пополняющаяся база данных.

Приложение

Список памятников и курганов с сопроводительными захоронениями лошадей, использованных для создания представленной базы данных

Бийке, к. №6
Бийке, к. №10 (первая)
Бийке, к. №10 (вторая)
Бийке, к. №17
Бике-IV, к. №1
Маяк-I
Маяк-I, погр. 3
Бике-IV, к. №2
Бике-IV, к. №4 (первая)
Бике-IV, к. №4 (вторая)
Берсюкта-II, к. №1
Бике-III, к. №14
Чобурак-II, к. №1
Чобурак-II, к. №2 (первая)
Чобурак-II, к. №2 (вторая)
Чобурак-II, к. №3
Ханкаринский дол, к. №1
Ханкаринский дол, к. №4
Ханкаринский дол, к. №5
Ханкаринский дол, к. №6
Ханкаринский дол, к. №7
Ханкаринский дол, к. №8
Ханкаринский дол, к. №9
Ханкаринский дол, к. №10
Ханкаринский дол, к. №11
Ханкаринский дол, к. №12 (СЗ)
Ханкаринский дол, к. №12 (СВ)
Бугры, к. №4 (СВ сектор)
Бугры, к. №4 (СВ сектор, 2 сегмент)
Бугры, к. №4, м. 5
Бугры, к. №4, м. 7 (первая)

Бугры, к. №4, м. 7 (вторая)
Яломан-II, к. №23
Яломан-II, к. №43
Яломан-II, к. №44
Яломан-II, к. №46
Яломан-II, к. №46а
Яломан-II, к. №48
Яломан-II, к. №51
Яломан-II, к. №52
Яломан-II, к. №53
Яломан-II, к. №54
Яломан-II, к. №57
Яломан-II, к. №59
Яломан-II, к. №60
Яломан-II, к. №61
Яломан-II, к. №62
Яломан-II, к. №63
Степушка-I, к. №5
Степушка-I, к. №7
Степушка-I, к. №14
Степушка-I, к. №17
Степушка-I, к. №19
Степушка-I, к. №21
Степушка-II, к. №3
Степушка-II, к. №26
Степушка-II, к. №32
Степушка-II, к. №40
Степушка-II, к. №48
Яломан-II, к. №20
Яломан-II, к. №29 (верх.)
Яломан-II, к. №29 (ниж.)
Яломан-II, к. №30 (верх.)
Яломан-II, к. №30 (верх.)
Яломан-II, к. №31

Яломан-II, к. №32, м. 1
Яломан-II, к. №32, м. 2
Яломан-II, к. №33, м. 1 (З)
Яломан-II, к. №33, м. 1 (В)
Усть-Бийке-III, к. №5
Иня-I
Иня-I, к. №22, м. 1
Иня-I, к. №26
Иня-I, к. №27, м. 1
Иня-I, к. №27, м. 4
Иня-I, к. №32, м. 1
Поповская дача (первый)
Поповская дача (второй)
Поповская дача (насыпь)
Поповская дача (СВ сектор)
Успеновка-II, к. №3 (ЮЗ)
Успеновка-II, к. №3 (ср. сегмент)
Успеновка-II, к. №3 (ЮВ)
Чинета-II, к. №8
Филин-I, к. №1 (первая)
Филин-I, к. №1 (вторая)
Филин-I, к. №1 (перекрытие)
Филин-I, к. №1 (СВ)
Филин-I, к. №2
Филин-I, к. №2 (СВ)
Филин-I, к. №2 (ЮЗ)
Грань (первая)
Грань (вторая)
Грань (третья)
Верхняя Еланда, раскоп 4
Кармацкий, к. №9, м. 2

А.А. Тишкин, Я.Е. Лукерина

ГЛАВА II

ИНФОРМАЦИОННЫЕ МЕТОДЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

2.1. Административно-хозяйственная политика Кабинета в контексте модернизации алтайского производственно-территориального комплекса в 1855–1899 гг.

Применение теории модернизации к анализу управления Алтайским (горным) округом и проблема актуализации исторического опыта по эксплуатации кабинетским ведомством природных ресурсов региона

Современное состояние экономики и техники ставит на повестку дня вопрос об изучении возникновения, функционирования и трансформации крупных производственно-территориальных комплексов как единых и относительно автономных систем. Их развитие отличается взаимосвязанными процессами эволюции структурных компонентов хозяйства, каждый из которых, с одной стороны, относительно самостоятелен в своем развитии, с другой – зависит не только от условий общего хода развития комплекса, но и от особенностей существования смежных отраслей хозяйственной деятельности. В связи с этим модернизация, интенсификация и внедрение принципиально новых моделей, методов, приемов административно-хозяйственной деятельности в пределах указанных систем представляется сложнейшей комплексной, многофакторной задачей, которая требует приложения громадных сил, средств и времени. Проведение как перестройки и обновления, так и принципиальной трансформации вектора развития производственно-территориального комплекса должно сопровождаться наличием определенной модели процесса модернизации и налаженной процедуры внедрения инноваций. Такая модель предполагает видение определенной последовательности действий и идеального конечного результата. Это заставляет обращаться не только к практическим, но и к теоретическим вопросам изучения развития производственно-территориальных комплексов, чем в настоящее время занимаются многие экономисты.

Однако экономические исследования, на наш взгляд, должны дополняться изучением исторического опыта, так как только он позволяет выявлять общие тенденции в развитии крупных производственно-территориальных комплексов, апробировать современные теоретические модели на историческом материале, оценивать их результативность в конкретной практике, анализировать механизмы, приемы, методы, используемые в управлении, вычленять и искать актуальные для настоящего времени средства решения многочисленных проблем. Слишком часто в управлении совершаются одни и те же ошибки, точно так же как применяются похожие, а иногда и идентичные приемы. Современное управление как крупными производственно-территориальными комплексами, так и другими объектами и даже сферами жизни общества проходит обычно экономическую, юридическую, информационную и другие оценки. По нашему мнению, укоренившаяся в настоя-

щее время иллюзия о том, что история не может иметь практического значения, не отражает реальной роли исторической науки в контексте глобальных вызовов современности.

История хозяйства и управления Алтайского (горного) округа во 2-й половине XIX – начале XX в. является прекрасной площадкой и основой для иллюстрации актуальных и практически значимых исследований по управлению крупными производственно-территориальными комплексами в современном российском обществе. В тот период он испытывал кардинальную трансформацию, в результате которой происходила капиталистическая модернизация от закрытого монопрофильного горнозаводского хозяйства, основанного на принудительном труде, и шло движение к открытой административной и социально-экономической системе, построенной на использовании вольнонаемной рабочей силы и диверсифицированной структуры хозяйства, т.е. эксплуатации различных природных ресурсов региона (леса, земли, недр, соляных озер, рек и водоемов). Проводилась техническая и организационная модернизация не только горнопромышленного сектора, но также земле- и лесозащелуатации, внедрялись капиталистические принципы ведения хозяйства, ориентированные на современные образцы. Таким образом, осуществлялся целый комплекс мероприятий по интенсификации всех сфер кабинетского хозяйства на Алтае, запускаясь процессы инвентаризации и полного учета всего имущества Алтайского округа, опережая в этом деятельность государственных учреждений в Сибири. Коммерческий подход становился доминирующим.

Все указанные процессы дополнялись серьезными и поступательными административными изменениями, которые меняли прежнюю структуру управления и хозяйственного районирования с целью сделать их более эффективными и приспособленными к новым условиям экономического развития. Административные реформы конца XIX – начала XX в. осуществлялись с привлечением лучших специалистов и управленцев России для повышения интенсивности развития производственно-территориального комплекса, его модернизации, ориентируясь на современные для того времени образцы.

Тенденции развития производственно-территориального комплекса в силу исторической традиции и реальных административно-хозяйственных, культурных особенностей взаимоотношений властей с населением обладали огромным влиянием, внося изменения и подвергая трансформации жизнь более обширного региона. Основным видимым вектором модернизации комплекса являлась смена хозяйственной доминанты в развитии от эксплуатации недр к введению в коммерческий оборот других природных ресурсов, прежде всего земли и леса. Точно также происходила поступательная эволюция деятельности населения, которое освобождалось от обслуживания горно-металлургического хозяйства Кабинета Его Императорского Величества (далее – Кабинет) и концентрировало свои усилия на сельском хозяйстве, обрабатывающей промышленности, транспорте Томской губернии и смежных с ней территорий. Эти процессы взаимодополняли и взаимопределяли друг друга.

Алтайский (горный) округ во 2-й половине XIX – начале XX в. являлся солидным источником для пополнения бюджета императора как важнейшего института управления Российской империей. В связи с этим он представлял собой

площадку, с помощью которой императорская власть стремилась к увеличению своих доходов и тем самым обеспечивала определенную долю финансовой независимости от остальных государственных структур. В то же время интересы государства и монарха в округе сталкивались как нигде в Российской империи, отражая происходившие изменения в верхних кругах цепочки «Государство – Император – Кабинет – Округ» и провоцируя их. Процесс модернизации и трансформации алтайского производственно-территориального комплекса на протяжении 2-й половины XIX – начала XX в. сопровождался различными качественными отношениями между государством и императорской властью опосредованно через Кабинет и местную администрацию, начиная от сотрудничества и поиска консенсуса и заканчивая серьезной конфронтацией.

Учитывая финансово-хозяйственную функцию Кабинета и важность округа для монарха, наибольшую остроту в отношениях с государственными учреждениями в основном приобретали финансовые вопросы. В связи с этим государственный взгляд на владельческую принадлежность Алтайского (горного) округа позволяет рассматривать различные отношения вокруг него как процесс эволюционного институционального взаимодействия внутри государственной системы управления, где тесно переплетались как финансово-хозяйственные, так и административные вопросы. Округ становился ареной столкновения интересов различных ведомств и полигоном реализации эволюционных взаимодействий. Такой подход дает возможность по-новому взглянуть на историю развития алтайского производственно-территориального комплекса и, в частности, на вопросы его модернизации, где административно-хозяйственная политика в земельно-арендной и лесной отраслях являлась ее важной составной частью. Потребность развивать оброчное и лесное хозяйство и интенсифицировать его непосредственно связана с процессами, происходившими в высших эшелонах государственной власти. Изменения в отношениях между императором и государством как институтами, точно так же как и изменения в положении и структуре Кабинета и Алтайского горного округа – следствие естественного институционального саморазвития государственной системы управления и государства как сложной институт-системы.

Исследование истории алтайского производственно-территориального комплекса в связи с поставленными нами выше проблемами важно в нескольких аспектах. Задачи построения современной инновационной экономики и государства, ориентированных на эффективную деятельность в условиях информационного общества, потребности диверсификации экономики требуют серьезных трансформаций, повышения интенсивности управления и хозяйственной деятельности административно-хозяйственных субъектов. Поэтому анализ и теоретическое осмысление особенностей протекания аналогичных процессов трансформации, интенсификации, а также управления крупными производственно-территориальными комплексами в историческом прошлом, поможет разобраться в вызовах современного этапа в истории России. Актуализация исторических и других гуманитарных знаний для решения задач модернизации и инновационного развития российского общества является мощным резервом выработки теоретических конструкций и создания благоприятного общественного климата для трансформационных процессов.

Поставленные руководством Алтайского края цели развития как традиционных для региона отраслей, например, сельского хозяйства, так и рассчитанных на перспективу туризма, эксплуатации рекреационных ресурсов требуют интенсификации существующего управления и диверсификации экономики региона, способных обеспечить новые горизонты развития. Столкновение региона в историческом прошлом со схожим комплексом задач является практически невостребованным ресурсом для создания современной концепции развития Алтайского края, оценки применимости тех или иных методов, приемов и заимствования удачных управленческих решений, что делает актуальным вопрос об исторической экспертизе того или иного проекта. Например, успешное функционирование в исторические периоды алтайского производственно-территориального комплекса немыслимо без рационального использования сельскохозяйственных угодий и лесных массивов, их коммерческой разработки, эффективной эксплуатации рекреационных ресурсов и комплексного подхода к введению в хозяйственный оборот соляных озер, минеральных источников, запасов полезных ископаемых и прочее, решения вопросов их собственности и других не менее важных проблем. Отдельного рассмотрения заслуживает взаимодействие властных структур различного уровня и функционального характера. Более того, история Алтайского (горного) округа позволяет на уникальном историческом материале анализировать вопросы феномена власти как таковой, ее особенностей и взаимодействия с населением с точки зрения применимости к конкретным хозяйственным и административным задачам политического курса.

В современной ситуации актуальной является экологическая составляющая управления и хозяйственной жизни региона. В этом вопросе история Алтайского (горного) округа во 2-й половине XIX – начале XX в. может стать основной для размышления и выработки экологической политики на современном этапе. Экологию нельзя оценивать только с позиций сегодняшнего дня, так как она не только направлена в будущее, но и обращена в прошлое.

Наконец отметим, что задача актуализации исторического опыта невыполнима без использования междисциплинарного подхода. Он способен обогатить все участвующие в этом процессе дисциплины, создавая активное пространство диалога, которое выведет на совершенно новый уровень понимания и разработки важнейших проблем регионального развития.

Процесс модернизации Алтайского (горного) округа, как мы уже указывали, имел основной и видимый вектор своей эволюции – смену горнозаводской хозяйственной доминанты на диверсификацию хозяйства, где доминирующие позиции отводились эксплуатации земли, леса и добыче соли. Поскольку развитие перечисленных направлений являлось ключевым в контексте модернизации, то именно сосредоточенность на их анализе способна наглядно показать сам процесс трансформации. Однако основным объектом нашего внимания стало развитие земельно-арендного хозяйства алтайского производственно-территориального комплекса. Оно наиболее «чисто» отражает взаимодействие модернизации всего комплекса и эволюцию его основных сегментов в процессе трансформации, так как возникновение отрасли и ее развитие совпали с запуском и постепенным развертыванием кардинальных изменений в административно-хозяйственной струк-

туре Алтайского (горного) округа. Поэтому авторы считают необходимым ограничить рассмотрение темы периодом 1855–1899 гг., так как в данный промежуток времени алтайский производственно-территориальный комплекс полностью изменил хозяйственную доминанту развития, перестроил систему управления и созрел для радикальной трансформации структурной архитектуры округа в связи с проведением землеустроительной реформы 1899 г. Следующие этапы эволюции политического курса Кабинета в Алтайском округе с 1899 по 1917 г. подробно изложены в коллективной монографии и ряде наших статей*, а также в материалах, подготовленных к публикации в «Известиях АлтГУ».

Подчеркнем, что модернизация алтайского производственно-территориального комплекса рассматривается нами как целостное явление, которое в свою очередь осуществлялось в рамках аналогичного процесса, протекавшего в Российской империи. С другой стороны, капиталистическая модернизация – лишь один из эволюционных процессов, имевших место в округе во 2-й половине XIX – начале XX в. Мы не претендуем на исчерпывающее изложение заявленной темы в ограниченных рамках раздела монографии и видим свою основную задачу в том, чтобы показать возможности иного подхода к реконструкции истории округа, способного обеспечить актуализацию исторических знаний и отразить уникальность исторического опыта, которым располагает наша страна и конкретный регион. Кроме того, нам бы хотелось закрепить в историографии отдельное и специфическое направление в историческом изучении Алтая, где объектом анализа и исследований выступает алтайский производственно-территориальный комплекс.

***Складывание условий и осознание Кабинетом потребности
в пересмотре политики в Алтайском горном округе
в середине 50-х – начале 80-х гг. XIX в.***

Большую часть своей 170-летней истории Алтайский (горный) округ находился под управлением Кабинета, являясь важным элементом единого механизма финансирования императорской власти как государственного института Рос-

* Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Эксплуатация природных ресурсов Алтая императорским Кабинетом как фактор развития российской монархии (XVIII – начало XX в.). Барнаул, 2012. С. 208–252; Кухаренко А.Е. Трансформация экономической политики в Алтайском округе в связи с новым направлением эволюции Кабинета Его Императорского Величества в 1899–1917 годах // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2009. С. 87–94; Он же. Меры по интенсификации земельно-арендного хозяйства Кабинета в Алтайском округе в 1910–1916 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История. Политология. 2010. №4/3 (68/3). С. 133–137; Кухаренко А.Е., Соболева Т.Н. К вопросу об «эрозии единой платформы собственности и принципа неотчуждаемости кабинетских земель» в Алтайском округе // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2011. С. 44–61; Кухаренко А.Е. Повышение эффективности управления земельно-арендным хозяйством Кабинета в Алтайском округе в 1910–1916 гг. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2011. №4/2 (72/2). С. 133–137; Кухаренко А.Е., Соболева Т.Н. Процесс интенсификации хозяйства и изменения административной модели управления Алтайским округом в начале XX в. // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века. Барнаул, 2012. Т. 1. С. 96–104.

сийской империи. Непосредственная связь деятельности кабинетского ведомства с императорской властью как ее финансово-хозяйственного органа ставит изучение процессов на Алтае и в Кабинете в прямую зависимость от эволюции самой императорской власти.

Вышеуказанные взаимоотношения мы условно представили теоретической цепочкой в виде «Государство – Император – Кабинет – Округ», в которой звенья соотносятся друг с другом и обладают единой динамикой. Изменения в одном из них или в их совокупности, так или иначе, сказывались на взаимоотношениях между всеми звеньями. Безусловно, колебания в отношениях между государством и монархом имели более сильный резонанс в нижней части цепочки, чем обратные процессы. Тем не менее последние также воздействовали на эволюционное движение в верхних звеньях. Взаимоотношения между элементами были многообразны и противоречивы. Поэтому при рассмотрении любых вопросов, которые касаются осуществления административно-хозяйственной политики Кабинета в Алтайском (горном) округе и модернизации последнего во 2-й половине XIX – начале XX в., следует учитывать изменения во всей структуре цепочки «Государство – Император – Кабинет – Округ».

Эволюция единой структуры привела к следующим результатам: подчинению округа Кабинету, а через него Императору; использованию людских ресурсов в виде мастеровых, урочников и приписных крестьян для производства серебра и других металлов на Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводах, феодальному подчинению их кабинетской администрации; соединению в руках Кабинета функций администратора и землевладельца; созданию изолированной административно-территориальной и хозяйственной окружной системы, обладавшей своим нормативно-юридическим пространством*.

Однако в период правления Николая I округ на 25 лет был передан в своеобразную аренду Министерству финансов, а в 1855 г. возвращен обратно в подчинение Кабинету**. Это было сложное время, так как неизбежность поражения России в Крымской войне поставила на повестку дня целый ряд серьезных вопросов и прежде всего о капиталистической модернизации всех сфер развития страны. Сам факт возвращения Алтайских горных заводов в Кабинет сигнализировал о кризисном состоянии императорской власти. Смена ведомственной принадлежности – это серьезный процесс, особенно если он касается крупных производственно-территориальных комплексов. Осуществление такого мероприятия обычно сопровождается определенной рефлексией, переоценкой существующего состояния, выработкой направлений дальнейшего развития. Инициатива разработки программных преобразований по совершенствованию и трансформации структуры окружного хозяйства шла не от Кабинета, а от алтайского чиновничества. В 1855 г. горный начальник Алтайского округа А.Р. Гернгросс обосновал необходимость ряда мер, способных стать импульсом к дальнейшему экономическому развитию региона***.

* Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е., Бобров Д.С. Указ. соч. С. 37–98.

** Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Управление и обслуживание. Барнаул, 1997. С. 90–92, 133; ПСЗРИ-2. Т. 5. Отд. 1. №3604. С. 335–336. Т. 30. Отд. 1. №29365. С. 384–387.

*** Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Указ. соч. С. 140–142.

Записка А.Р. Гернгросса в основном касалась мероприятий по горнопромышленной части, однако в ней присутствовал раздел, носивший принципиальный характер для всего дальнейшего развития юго-востока Западной Сибири. Горный начальник оценил огромные пространства земли и леса, которыми располагал Алтайский горный округ как дополнительный источник дохода*. Благоприятные природные условия, плодородие почв и другие преимущества края рассматривались им как источник прибыли, что было совершенно новым подходом к эксплуатации земель и лесов Алтая. Необходимым условием создания оброчных статей на свободных землях А.Р. Гернгросс считал проведение топографической съемки территории Алтайского округа и размежевание земель. Акцент на возможность использования в интересах ведомства земельных и лесных богатств округа обладал новизной, если смотреть на предшествующее ему сугубо горнопромышленное направление в эксплуатации природных ресурсов. Однако при анализе этого предложения следует исходить из двух обстоятельств: во-первых, появление записки горного начальника являлось следствием кризисного состояния российского общества и всего государственного хозяйства; во-вторых, предлагавшиеся Гернгроссом меры носили не столько характер поиска нового источника доходов, сколько введения нормы, способной навести порядок в земле- и лесопользовании населения. Саму записку горного начальника в связи со всеми вышеуказанными обстоятельствами можно расценивать как «предмодернизационную» программу, очертившую динамику дальнейшей и в значительной степени стихийной эволюции ведомства.

Отдельно остановимся на применении термина «предмодернизационный». История Кабинета и округа во 2-й половине XIX – начале XX в. представляет собой картину масштабных модернизационных и трансформационных процессов в алтайском производственно-территориальном комплексе. Они затрагивали не только переход от феодальных принципов ведения хозяйства к капиталистическим, замену принудительного труда наемным, введение современных для той эпохи технологических и организационных форм, но и движение от монопрофильного горнопромышленного производства к диверсифицированной системе хозяйства, построенной на эксплуатации природных ресурсов, смену хозяйственной доминанты всего алтайского региона и административно-хозяйственной деятельности Кабинета, изменение отношения к земельным, лесным и другим ресурсам округа, создание эффективной и современной для того времени системы управления, обновление управленческих кадров и привлечение лучших специалистов, разрушение сложившейся в предшествовавшие годы неэффективной корпоративной организации алтайских горных инженеров и чиновников, проведение социально-экономических реформ, направленных на развитие региона в целом и т.д. В связи с этим программа Гернгросса, будучи созданной в дореформенный период, не выходила за рамки уже сложившихся порядков и воспроизводила в основном прежние отношения, не затрагивая значительный комплекс вопросов. Тем не менее она закладывала перспективы нового отношения к земельным и лесным ресурсам, очерчивала круг мероприятий по повышению интенсивности развития

* РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 753. Л. 140.

горнопромышленного сектора и поэтому в полной мере может быть отнесена к «предмодернизационной». Гернгросс опередил время, наметил векторы будущей модернизации, создал определенные предпосылки для появления по-настоящему модернизационной программы и инициировал те изменения, которые заложили основы будущих трансформаций.

Записка, по всей видимости, была написана между 27 мая и 29 августа 1855 г. и послужила предпосылкой для появления двух указов от 29 августа и 17 октября того же года*, которые считаются формальным началом развития арендного хозяйства в Алтайском горном округе. По этим же указам эксплуатация лесных ресурсов Кабинета приобретала коммерческий характер, поскольку предусматривала получение так называемых «попенных денег» с не приписанного к заводам населения. Реализация предложений Гернгросса по горнопромышленной части оказалась весьма незначительной. Указы от 29 августа и 17 октября 1855 г. разрешили кабинетским чиновникам использовать земли округа, не востребуемые для заводских нужд, сдавать их в оброчное содержание или аренду. До этого времени данная процедура была запрещена Горным уставом 1842 г.** Лесное хозяйство как самостоятельное направление деятельности окружной администрации оформилось в 40-х гг. XIX в. Однако оно обслуживало горно-металлургическое производство и не было ориентировано на использование древесины в коммерческих целях***.

После указов 1855 г. началась разработка нормативного пространства для земельно-арендной отрасли, в результате чего произошло создание арендных правил в 1856 г.**** Затем процесс затормозился, что, вероятно, было связано с началом подготовки реформы по освобождению горнозаводского населения, развернувшейся с 1858 г.

Несмотря на то, что кабинетская администрация заявила свое желание развивать лесную и земельно-арендную отрасли, это никак не сказывалось на реальном изменении хозяйственной структуры комплекса. Ни земля, ни лес не играли самостоятельной роли, продолжая обслуживать потребности горнопромышленного сектора. Земельное имущество Кабинета использовалось как ресурс, который позволял эксплуатировать приписное крестьянство. Оно могло бесконтрольно и в любых размерах пользоваться кабинетскими территориями. Лесные пространства составляли исключительно стратегический материал для топлива и строительства, без которого заводы не могли работать. Такая монопрофильность отражала модель промышленного развития, реализованную в Российской империи в XVIII – 1-й

* РГИА. Ф. 468. Оп. 19. Д. 754. Л. 70; ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168. Л. 31; Ф. 4. Оп. 1. Д. 3573. Л. 2об.; Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747–1917 гг.). Новосибирск, 1973. С. 184; ПСЗ РИ-2. Т. 30. Отд. 1. №29727. С. 624.

** Устав горный // Свод законов Российской империи: Уставы казенного управления. СПб., 1842. Т. VII. Ч. 3. С. 306.

*** Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Указ. соч. С. 112–114; Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Характерные черты административной политики Кабинета Его Императорского Величества в условиях смены хозяйственной доминанты в развитии Алтайского производственно-территориального комплекса в 1883–1896 гг. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Вып. 3. СПб., 2010. С. 88.

**** ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168. Л. 37.

половине XIX в., когда сельское хозяйство было подчинено интересам горной промышленности и из него выкачивались средства, ресурсы и прибавочный продукт для ее успешного функционирования. Суть такого подхода довольно ярко подтверждают расчеты Ю. Гагемейстера, из которых следует, что доход алтайских заводов в значительной степени обеспечивался «дармовым» трудом приписных крестьян и мастеровых*. По его подсчетам, на середину XIX в. вся повинность, лежащая на горнозаводских людях в числе 165 000 душ мужского пола, равнялась сумме 1200 000 руб., в то время как на содержание заводов отпускалось около 280 тыс. руб., то есть всего около 1,5 млн руб. Добывалось же металлов на сумму 2 млн руб. Действовавшую модель можно рассматривать как один из вариантов модернизации и protoиндустриализации Российской империи, опробованных на модернизационной площадке, а именно на Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе. Такая модель имела много общего с реализованной уже в советское время индустриализацией и модернизацией.

Пока земельное и лесное хозяйство находилось в подчинении у горнопромышленного сектора и не выполняло самостоятельной роли, никакой речи не могло идти о диверсификации производственно-территориального комплекса. Кроме того, категории населения, которые смогли бы участвовать в арендных отношениях или покупать лесные материалы, были крайне малочисленными. Ключевыми факторами, изменившими ситуацию, а также весь облик региона, стали буржуазная реформа 1861 г.** и разрешение переселения в округ в 1865 г.***

Реформа по освобождению населения довольно подробно рассмотрена в литературе, поэтому отметим только основные моменты, которые имеют принципиальное значение в контексте нашего исследования. Конечно, прежде всего, важнейшим следствием ее стала отмена феодальных отношений, по которым население обязывалось трудиться на заводах, выполняя разнообразные повинности. Их отмена позволяла рассчитывать на изменение хозяйственной ситуации в округе в ближайшее время, так как крестьянство получило возможность полностью переключиться на сельскохозяйственное производство и обрабатывающую промышленность.

Кабинет активно противодействовал проведению реформы и стремился сохранить свое прежнее положение, но с минимальным результатом, учитывая глобальный характер трансформации. Социальные преобразования привели к кардинальной ломке кабинетской структуры. Прежняя система феодальных отношений была заменена обложением бывшего приписного крестьянства 6-рублевым оброком, который делился на 4,5 руб. в пользу Кабинета и 1,5 руб. в пользу Министерства финансов, где последний платеж заменил собой государственную оброчную подать. Процесс отмены прежней системы эксплуатации населения сопровождался логичным ограничением землепользования бывших приписных крестьян и мастеровых в тех размерах, которыми они располагали на момент реформы. Учитывая потребность в установлении норматива для крестьянского землепользования, Кабинет по соглашению с гражданской властью признал

* Соболева Т.Н., Разгон В.Н. Указ. соч. С. 154–155.

** ПСЗРИ-2. Т. 36. Отд. 1. №36717, 36719; Т. 37. Отд. 2. №39043.

*** ПСЗРИ-2. Т. 40. Отд. 1. №42353.

в качестве инструмента такого определения старые межевые планы 20–30-х гг. XIX в., которые, по мнению даже самих кабинетских чиновников, были неточны, устарели и не отражали реального состояния распределения земли в округе*. Спустя 30 лет администрация сама признала незаконность их использования. Тем не менее, по нашему убеждению, в распоряжении Кабинета не было иного ограничителя крестьянского землепользования, и он, защищая права собственника природных ресурсов, воспользовался теми межевыми материалами, которыми располагал на тот момент. Кроме того, не стоит забывать, что использование этих планов не всегда было выгодно и самому Кабинету, например, когда сельские общества имели плановых земель больше, чем им предполагалось исходя из 15-десятинной нормы на мужскую душу.

В целом, реформа 1861 г. привела к постепенной реализации основного смысла указов 1855 г. о невозможности пользования землей округа без выполнения денежной или натуральной повинности. Это создавало крайне хаотичное и стихийное землепользование, способствовало постепенному нарастанию остроты земельного вопроса и созреванию конфликтных процессов. Сфера земельных отношений и трансформация феодальной системы в более современные и капиталистические формы оказались одними из наиболее сложных и противоречивых аспектов модернизации всего кабинетского хозяйственного комплекса. При этом, на наш взгляд, применительно к данному периоду лучше отказаться от употребления такого понятия, как «пережитки» феодализма. Переход от феодализма к капитализму следует рассматривать как качественный единый и самостоятельный процесс, который порождал столь же самостоятельные формы отношений, системы связей, модели реализации тех или иных вопросов. Переходный этап выступал необходимым элементом трансформации феодальных структур в политической и социально-экономической жизни в капиталистические и одновременно порождал трансформационные процессы. В полной мере это можно отнести и к изменениям в психологии и ментальности людей, которые, на наш взгляд, играют определяющую роль. Ведь трудно говорить о «пережитках феодализма» в головах чиновников или населения. Создаваемые трансформационные отношения и процессы являлись переходом от одной системы общественных отношений к другой, поэтому содержали в себе как феодальный компонент, так и капиталистический или потенциально капиталистический. Однако все формы, возникшие в переходный период от феодализма к капитализму, были самостоятельными явлениями, для которых характерны создание, эволюция, трансформация в новое качество или ликвидация. Поэтому рассматривать их надо как качественно цельные отношения, а не набор «пережитков» прежних систем и элементов новых. На наш взгляд, исторический процесс – это единая динамика эволюционного и революционного развития, где появление и изменение того или иного института обусловлено эволюцией человеческого общества, а поэтому существование явления связано с его востребованностью определенной частью общества и его внутренней динамикой. Наконец, подобное рассмотрение не только обеспечивает качественно иной исследовательский взгляд на развитие производственно-территориального комплекса,

* Бородавкин А.П. Реформа 1861 г. на Алтае. Томск, 1972. С. 149.

но и помогает проанализировать и отразить существовавшую преемственность в трансформациях правовой, социально-экономической, политической, культурной и других сфер жизни региона. История Алтайского (горного) округа представляется нам прекрасным объектом для изучения процесса перехода от феодализма к капитализму как цельного и самостоятельного феномена, а также для возможности теоретических разработок вопроса о периоде трансформации одной общественной системы в другую.

Реформирование управления округом в 60-х гг. XIX в. привело еще к одной кардинальной трансформации в жизни всего региона – передаче населения в ведение гражданской администрации, что лишило кабинетских чиновников многих возможностей влияния на него. Кабинет очень активно сопротивлялся этому и сумел отстоять свои главные позиции, сохранив контроль над земле- и лесопользованием населения, что означало для ведомства иллюзорную возможность поддерживать прежний уровень горной промышленности и ощущать себя хозяином округа.

Особая агрессивность Кабинета и его успешность в достижении цели монопольного распоряжения землями, лесами и сохранения попечительской власти над населением происходили, прежде всего, от «горнопромышленного генома»* самого округа и стремления ведомства обеспечить своим земельно-лесным имуществом и контролем над его использованием интересы горно-металлургической промышленности. Контроль позволял выстраивать политику по обеспечению своего горнозаводского хозяйства потребными для его успешного функционирования земельными, лесными, водными и трудовыми ресурсами. Горно-металлургическая промышленность в это время стояла на первом месте, поэтому основные мотивы и цели политики ведомства были связаны именно с обеспечением производства серебра и золота. Подчеркнем, что важнейшим приоритетом политики было не стремление сохранить землю или лес за Кабинетом, которые и так ему принадлежали, а осуществлять контроль за всеми отношениями между населением и Кабинетом, которые рождались на основе земле- и лесопользования в округе, так как это давало в руки ведомственной бюрократии инструменты воздействия.

Эти особенности политики Кабинета пореформенного периода в земельно-лесной сфере происходили на фоне постепенных процессов модернизации общества, распада прежней системы хозяйственных и административных отношений, эрозии единой платформы собственности в округе и т.д. В результате ведомство брало на себя решение большого круга вопросов в земле- и лесопользовании, что постоянно отвлекало значительные временные, материальные, кадровые, технические и другие ресурсы от хозяйственной деятельности. Значительная доля функций могла быть закреплена за гражданскими органами власти, так как они были присущи ей по сути произошедших перемен и характеру деятельности, тем более что процессы модернизации административной и хозяйственной сфер жизни общества предполагали именно такую тенденцию. Но нежелание Кабинета передавать даже малейшие властные полномочия губернским чиновникам формировало

* Кухаренко А.Е. Теоретико-методологические подходы и результаты исследования административно-хозяйственной политики Кабинета в земельно-арендной отрасли // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII – начале XX в. Барнаул, 2011. С. 36.

довольно значительную сферу административно-хозяйственной деятельности ведомства в округе, которую мы условно обозначили как «непрофильные активы».

Такое наименование, на наш взгляд, позволяет отразить тот факт, что после проведения реформы 1861 г. происходил процесс разделения власти в округе на гражданскую, государственную и кабинетскую, хозяйственную, где вторая стремилась сохранить за собой прежние полномочия, характерные для периода господства подневольного труда, а значит взваливала на себя функции и деятельность, которые по логике нового, более современного, капиталистического подхода должны были принадлежать государству. Указанная особенность рождалась из прежнего исторического развития Алтайского горного округа, когда он функционировал в рамках феодальной системы отношений и эволюционировал в направлении «единства власти и собственности». В этих условиях кабинетская администрация обладала важными государственными прерогативами, занимаясь не только непосредственно горной промышленностью, но и обустривая и развивая сам регион. Она управляла социальными процессами, контролировала практически все сферы жизни общества в окружном масштабе. Такие «барские», феодальные принципы, на которых строилось управление регионом, формировали и особое отношение к населению не только как к источнику прибыли, но и как к объекту заботы, охраны и попечения. Многие аспекты этого явления, несмотря на сокращение, продолжали существовать в деятельности администрации, в том числе и попечительно-покровительственное отношение к населению. Довольно длительное время Кабинет демонстрировал нежелание или непонимание потребности сломать данную историческую традицию, которая отвлекала значительные силы от модернизации хозяйства. Отказаться от традиции можно было только при условии возникновения нового взгляда на ведомство, его место в жизни региона и четкого понимания кабинетской бюрократией векторов модернизации и эволюции самого производственно-территориального комплекса, что произошло только в начале XX в. При рассмотрении этого явления можно использовать концепцию «зависимости от пути развития», которая применяется в экономике и экономической истории*.

Прошлое Алтайского округа – это прекрасный материал для развития данной концепции, а значит и проведения междисциплинарного исследования по истории региона в целом на всем протяжении его существования. Например, деятельность, функции и стремление сохранить власть Кабинета на территориях землепользования крестьянского населения означали работу по «непрофильному активу», что являлось пустой тратой времени и сил. Их можно было бы более продуктивно использовать на развитие хозяйства ведомства, так как все эти территории и подавляющая часть отношений, связанных с крестьянскими землями, вышли из-под контроля Кабинета с проведением землеустройства. Учитывая, что землеустройство населения округа предусматривалось еще реформой 1861 г., можно увидеть фактически целенаправленную политику ведомства по растрате собственных ре-

* Алексеев В.В., Нефедов С.А., Побережников И.В. Модернизация до модернизации: средневековая история России в контексте теории диффузии (к постановке проблемы) // Уральский исторический вестник. 2000. №5–6 (Модернизация: факторы, модели развития, последствия изменений). С. 152.

сурсов на то имущество и те отношения, которые не приносили реальной выгоды и в перспективе все равно подлежали выводу за пределы власти Кабинета и должны были перейти к гражданским чиновникам. Кабинетское ведомство, сопротивляясь проведению землеустройства, приводило доводы о значительных финансовых и временных тратах, в то время как отказ от этой операции порождал еще большие непроизводительные потери, тормозил развитие региона и непосредственного окружного хозяйства ведомства. В конечном счете, устройство населения все равно вошло в число приоритетов Кабинета в конце XIX в. и было им осуществлено к 1915 г.

Данный пример заставляет обратить внимание на важность при управлении крупными производственно-территориальными комплексами адекватной оценки административно-хозяйственного состояния и возможностей прогнозирования. Это достижимо только при условии целенаправленной информационной, коммуникационной политики и при наличии квалифицированных кадров, ставящих перед собой такую задачу. Кабинетские чиновники располагали возможностью для прогнозирования. Они предвидели повышение дохода от подушно-оборочного хозяйства, нарастание переселений и многие другие процессы, что давало шанс продолжить логическую цепочку и построить целевую модель ориентировочного будущего. Однако этого сделано не было. Ведомственная администрация не смогла выйти за пределы «горнопромышленного генома» и доминанты, ориентировалась на прежние целевые установки и традиции заведования, сохраняла скорее иллюзии, не пытаясь создавать трезвый расчет прогнозируемых событий. Такая задача до 1882 г. и не ставилась высшим руководством ведомства и министерства. С точки зрения теории управления крупными производственно-территориальными комплексами кабинетская администрация допустила целый ряд крупных просчетов, а если рассматривать вопрос с позиции концепции «зависимости от пути развития», то Кабинет не смог найти оптимальный путь решения проблем соотношения модернизации и преемственности своей исторической эволюции.

Можно только представить, какое огромное количество сил, средств и времени уходило на обслуживание «непрофильного актива», вместо того чтобы направить все ресурсы на развитие хозяйства и создание оптимального административного аппарата. Понимание ведомственными чиновниками бесперспективности такой деятельности, на наш взгляд, следует отнести к 1893–1894 гг., когда началась подготовка к проведению землеустроительной и податной реформ 1899 г. Более общее осознание того, что Кабинет – это хозяйственная власть в округе, а сам округ – это хозяйственное образование, существующее параллельно с государственной властью и административно-территориальным делением, пришло лишь в начале XX в.

Указанное нами стремление сохранить в своем распоряжении и контролировать землепользование и земельные отношения в округе, не говоря о плюсах такого явления с точки зрения Кабинета, очень сильно обременяло алтайскую администрацию, вынужденную исполнять эти функции. С ростом населения такая работа только нарастала и становилась все более обременительной. Стоит отметить сложности управления в условиях хаотичного землепользования, отсутствия четких юридических оснований и реальных возможностей по исполнению норм

на практике. Вся работа, которая касалась земельных отношений крестьян и другого населения, как, например, решение споров между селениями, межевание, проведение границ, составление планов и их копий, выделение земли, создание переселенческих участков и т.д., отнимала огромное количество материальных, технических, финансовых, кадровых и временных ресурсов, которые можно было бы потратить на развитие кабинетского хозяйства. Вознаграждением за такую работу можно считать постепенный рост оброчной подати, поступавшей в доход ведомства, который действительно требовал приложения усилий, контроля и управления земельными отношениями населения, особенно в условиях хаотичного землепользования в округе. Однако многое из того, что делала в этом отношении алтайская администрация, не относилось непосредственно к подушно-оброчной подати и могло быть исполнено гражданскими властями. Кабинет сам взял на себя выполнение непроизводительной для своего хозяйства работы и расходовал на нее значительные силы, недальновидно полагая, что это принесет определенные выгоды.

«Непрофильные активы» – более широкое явление в деятельности окружной администрации, чем только контроль над землепользованием крестьян. Они подразумевают самые различные аспекты, как например, выполнение культурных, образовательных и статистических работ в округе, распространение хозяйственных знаний, а также само попечительное и покровительственное отношение чиновников к населению. Наличие и появление новых «непрофильных активов» в пореформенный период связано не только с целями земельной политики Кабинета, но и с исторической ролью ведомства в регионе, со сложившимися в предшествующий период традициями, самоидентификацией ведомства как нечто большего, чем сугубо хозяйственная власть. Значительные объемы деятельности, которые не отвечали самой сути хозяйственной направленности кабинетской администрации, придавали громоздкость структуре производственно-территориального комплекса и тем самым не позволяли внедрять эффективное и рациональное управление, а также увеличивали накладные расходы на продукты производства.

В постфеодальный период именно государство могло и должно было исправить создавшуюся в округе ситуацию, отвечая современным представлениям о сути, характере и функциях государственной власти, а также исходя из принципиальных различий государственной и хозяйственной деятельности. Целенаправленное стремление ликвидировать сложившееся положение, по нашему мнению, наблюдалось только в начале XX в., когда во главе земельно-заводского отдела ведомства, а затем и Кабинета встал Е.Н. Волков. В таком контексте это одно из направлений модернизации алтайского производственно-территориального комплекса, порожденное предшествующим историческим этапом и феодальной системой отношений, с присущими ей стереотипами. Проявлением модернизации следует признать разделение гражданской и хозяйственной власти, что началось с преобразований 60-х гг. XIX в., а также происходившее постепенное разграничение функций, полномочий между ними, сокращение сферы применения «непрофильных активов» и эволюцию Кабинета в хозяйствующий субъект.

В конечном счете, решению многих проблем внутри округа могло способствовать землеустройство. Однако настойчивая политика Кабинета по недопу-

щению к этой операции гражданских властей увенчалась успехом. Впоследствии землеустройство стало восприниматься кабинетскими чиновниками как единственное средство, способное дать старт рациональному и эффективному земле- и лесопользованию. Тот факт, что проведению межевания в 60–70-е гг. мешало восприятие Кабинетом своего положения, перспектив горной отрасли и, самое главное, заниженная оценка возможностей и ограниченный набор способов дальнейшего хозяйствования, позволяет рассматривать данный аспект в духе устойчивости прежних феодальных стереотипов, отрицательно сказывавшихся на ходе и результативности землеустроительной реформы. Справедливости ради следует отметить, что проведению землеустройства мешали и объективные факторы: нехватка кадров, финансовых средств, перспектива длительного проведения и т.д.

Итак, в смене феодальных отношений на капиталистические, особенно с помощью кардинальных действий, практически определяющую роль оказывало восприятие перемен со стороны реализаторов и акторов процесса, в роли которых выступали кабинетские чиновники. Воспроизводимые прежние устаревшие модели управления, эксплуатации недр, отношения к населению, к земле, лесу и т.д. не давали возможности быстро встать на путь модернизации. Характер мышления кабинетского руководства и алтайской администрации в пореформенный период практически не изменился, что прекрасно демонстрирует состояние горной промышленности.

Принудительный труд в горно-металлургическом производстве был заменен на наемный, однако администрация продолжала использовать прежние модели организации и управления этой важнейшей отраслью хозяйственного комплекса. В 1869 г. произошло резкое падение производства серебра – главного продукта горно-металлургической промышленности округа, что вызвало проведение ревизии 1871 г. Однако как ее инициаторы, так и исполнители придерживались прежних парадигм, которые господствовали в верхнем и нижнем эшелонах власти, не отвечая новым вызовам времени*. Поэтому после некоторой стабилизации производство серебра вновь продолжило свое падение. Кабинетские чиновники продемонстрировали свою неспособность управлять отраслью в новых условиях, хотя практически во всех исследованиях содержится вывод о неплохих перспективах развития горнодобывающей промышленности на Алтае. Тот факт, что кабинетское серебро по-прежнему государство покупало по завышенной цене, являвшейся по сути дополнительным субсидированием ведомства, а промышленность оказалась в прогрессирующем кризисе, заставляет признавать, что истоки регресса горной отрасли коренятся в головах управленцев, а не в реальной хозяйственной ситуации. Промышленная политика Российской империи пореформенного периода характеризуется покровительственным отношением к развитию собственной промышленности, что стимулировалось не только высокими таможенными пошлинами, но и прямым или косвенным субсидированием, в том числе и через покупку товаров государством по завышенной цене. И в основной своей массе такие методы использовались промышленниками как источник дополнительного и ускоренного роста. С кабинетской промышленностью этого не происходило. Указанные

* Ведерников В.В. Горные инженеры на Алтае в 1747–1896 гг. Барнаул, 2005. С. 122–125; Афанасьев П.А. Ревизия Алтайских горных заводов 1871 года // Исторический ежегодник. 2008. Новосибирск, 2008. С. 151–163.

процессы усугублялись описанными в историографии негативными моментами в деятельности алтайской администрации: злоупотребления, бесхозяйственность, коррупция и т.д.* Сложившуюся в историографии точку зрения о крахе горной промышленности Кабинета в силу неспособности ведомства перестроиться и действовать в новых условиях отмены крепостного права можно существенно расширить. Неэффективность кабинетского хозяйства – прямой продукт невозможности или нежелания избавиться от целого комплекса отношений, которые стали результатом предшествующего исторического пути развития округа. Прежде всего, наследие исторического прошлого и феодальные категории остались в головах чиновников Кабинета. Они не смогли поменять образ и направление своего мышления, не предложили более современный и отвечающий условиям модернизации вектор развития. Результатом такой психологической и ментальной характеристикой было непосредственное административно-хозяйственное следствие. Исходя из «барского», феодального и исторически обремененного представления о своей особой роли в округе, Кабинет стремился ее культивировать, осуществляя максимально возможный на тот момент времени контроль над ситуацией в регионе. Все это приводило к сохранению значительного количества функций, институтов и учреждений, которые не отвечали капиталистическому представлению о характере хозяйственной власти и обременяли ведомство огромным количеством непроизводительно потраченных средств, сил и времени. Феодальные принципы хозяйствования в течение длительного времени сохранялись как в умах кабинетских чиновников, так и служили основой для экономического развития округа. Громоздкость административного аппарата и ненужность ряда структур, по всей видимости, играли свою роль в непроизводительных тратах на управление и были выделены ревизией 1882 г., которая отметила высокие накладные расходы в алтайском производственно-территориальном комплексе**.

Изменение в результате реформы 1861 г. нормативно-юридического и финансово-правового пространства округа, распространение на землепользование населения принципа выполнения денежной повинности – все это стало основой для дальнейшего процесса формирования земельно-арендного хозяйства, начатого еще указами 1855 г. В период с 1861 по 1867 г. можно наблюдать разработку нормативных документов и становление отдельного от остальных отраслей земельно-арендного хозяйства.

В 1861 г. появились первые оброчные правила для Бель-Агачской степи, а в 1862 г. – для всего округа***. Возникновение оброчных статей напрямую связано с распространением на всю территорию округа основного смысла указов 1855 г. о том, что все землепользование должно облагаться денежным оброком в пользу Кабинета. Реализация данных указов привела к тому, что с 1863 г. Алтайское горное правление запретило бесплатное пользование землей жителям Семипалатинска, однако применить эту меру так и не смогла, поскольку развернулась актив-

* Ведерников В.В. Указ. соч. С. 127–135; Соболева Т.Н., Осипова М.А. Алтайская бюрократия 60-х – начала 80-х гг. XIX в. (негативные штрихи к портрету кабинетской горнозаводской администрации) // Население, управление, экономика, культурная жизнь Сибири XVII – начала XX в. Барнаул, 2003. С. 112–130.

** Афанасьев П.А. Проведение и итоги ревизии Алтайского горного округа 1882 года // Исторический ежегодник. 2009. Новосибирск, 2009. С. 158.

*** ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 168. Л. 3, 3об, 5–5об, 42об.

ная переписка между генерал-губернатором Западной Сибири, Кабинетом, Алтайским горным правлением и жителями Семипалатинска в лице их доверенного Земляницына*.

Процесс создания оброчных статей начался в округе, по всей видимости, уже в 1864 г., однако базовыми и наиболее важными оказались решения Кабинета в отношении арендного района, расположенного в Бель-Агачской степи, что происходило в период 1865–1867 гг.** Практически сразу вырабатывавшиеся нормы стали распространяться на территорию всего округа. Этот процесс завершился решением Кабинета от 4 июля 1867 г.*** Одна десятина сельскохозяйственных угодий стала облагаться 40-копеечной платой и отдаваться в 5-летний срок аренды. Под промышленные объекты цена десятины достигала 1 руб., и срок аренды не был ограничен. Настойчивое желание Кабинета сдавать все земли округа с торгов как наиболее выгодное и адекватное определение стоимости аренды не нашло поддержки у гражданской власти и расходилось с реальным положением дел, так как отсутствовал необходимый для проведения торгов спрос на аренду. Предположительно к 1867 г. земельно-арендная отрасль приобрела самостоятельный характер, так как обзавелась набором правил и норм, имела разработанную таксу и располагала первыми оброчными статьями. Как мы видим, несмотря на то, что уже в 1861–1862 гг. были созданы цельные наборы правил, нормативное пространство продолжало формироваться, но совершенно иным способом: все нормы принимались и утверждались Кабинетом отдельно и поступательно. В этом процессе огромную роль играл прецедент, а вся политика ведомства носила в основном прецедентный характер, так как создание нового уровня отношений практически всегда происходило через случай, который требовал решения.

Прецедентный характер управления позволял формировать платформу, которая постепенно разрасталась и создавала необходимые основания для построения земельно-арендного хозяйства и предпосылки для иного характера административно-хозяйственной деятельности. В силу всех вышеуказанных факторов и прецедентного характера политики она приводила к организации локальных очагов, где получала свою реализацию. Можно было довольно длительное время составлять различные правила, но так и не учредить оброчные статьи. Прецедент в виде необходимости решения вопроса землепользования в горнозаводских селениях, возможности создания первых оброчных статей в Бель-Агачской степи, прошения жителей Семипалатинска, давление генерал-губернатора Западной Сибири привели к активизации политики Кабинета, выведения ее на уровень реального воплощения и окончательной выработки.

Подобная прецедентная модель управления многими процессами в хозяйстве довольно длительное время использовалась не только в земельно-арендной отрасли, но и в других направлениях алтайского производственно-территориального комплекса. При всех недостатках этого способа в нем есть и свои плюсы, которые были особенно актуальны в условиях второй половины XIX в. Кабинетская администрация не имела опыта создания оброчных статей, не располагала для этого адекватными административными ресурсами, ощущала нехватку знаний в данной

* ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 172; Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144. Л. 8–10об.

** ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 2144. Л. 8–10об, 11–11об, 19–22.

*** Там же. Л. 23–24об.

области, поэтому прецедентный характер политики отвечал постепенному и осторожному административно-хозяйственному курсу.

Утверждение правил и появление первых оброчных статей на Бель-Агачской степи стало ключевым событием в развитии аренды в округе, так как именно с этого момента можно говорить о том, что земельно-арендное пространство стало самостоятельным и отдельным направлением кабинетского хозяйства на Алтае. Тем более что это произошло в отдельном районе, отдаленном от территорий традиционного землепользования бывшего приписного крестьянства. Особенности положения Бель-Агачской степи, прежде всего наличие относительно замкнутого пространства со значительным количеством потенциальных арендаторов, способствовали получению качественно нового результата, состоявшего в рождении самостоятельной земельно-арендной отрасли алтайского производственно-территориального комплекса. В силу этих обстоятельств, по всей видимости, сами кабинетские чиновники, а вслед за ними и историки недооценивали период 1861–1864 гг. в развитии земельно-арендной отрасли, когда не создавались оброчные статьи, а первые принятые Кабинетом правила относили к 1865 г. Однако он характеризовался довольно активной работой администрации в этом направлении.

Создаваемое земельно-арендной отраслью хозяйственное пространство довольно быстро стало распространяться по округу, опираясь на имеющийся административный каркас, основу которого составили заводские и рудничные конторы. Дальнейшее развитие событий показало, что именно наличие адекватного административного сопровождения становилось решающим фактором в успешности создания оброчных статей в округе. Однако такое сопровождение кабинетская власть могла предоставить только возле своих опорных управленческих пунктов в виде горнозаводских контор, которые и брали на себя эту роль. Понятно, что в тех местах, где чиновники показывались крайне редко, создание оброчных статей носило весьма сомнительный и случайный характер, особенно учитывая хаотичное, стихийное и бесконтрольное землепользование в округе.

В особом положении находилась Бель-Агачская степь, так как практически сразу возник вопрос о назначении специального чиновника для заведования оброчными статьями. По крайней мере в 1875 г. такой служащий уже существовал. Примерно в это же время, в конце 70-х гг. XIX в., документы фиксируют наличие особого чиновника для оброчных статей возле г. Бийска, превращавшегося в мощный арендный район*. Тем самым Бель-Агачский и Бийский районы включались в каркас земельно-арендной отрасли.

Бель-Агачская степь уникальна не только своими первыми весомыми шагами в становлении аренды в округе и превращением в передовой и основной арендный район, но и приобретением качеств такого явления, которое мы назвали «управленческим полигоном»**. Под термином «управленческий полигон» мы понимаем ограниченную территорию (группу людей, институт), где развитие определенного

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 895. Л. 27; Д. 930. Л. 1–2.

** Кухаренко А.Е. Начальный период формирования «управленческого полигона» земельно-арендного хозяйства Кабинета на Бель-Агачской степи Алтайского горного округа в 60-х гг. XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2011. №4/1 (72/1). С. 127–131.

направления производственной деятельности сопровождается административными и хозяйственными мероприятиями, управленческими методиками и моделями принятия решений, носящими экспериментальный и опытный характер. Ограниченная территория, в пределах которой функционирует административный аппарат и существует система сложившихся социально-экономических связей, выступает источником получения управленческого опыта, который в перспективе может быть использован для более масштабного применения или наоборот. Под «управленческим полигоном» может также пониматься сообщество, группа людей или институт, некая система связей и т.д., поэтому для нас важнее функциональное назначение данного явления. Бель-Агачская степь приобрела такое качественное состояние практически сразу, а в дальнейшем администрация постоянно опробовала новые модели управления и методики сбора арендной платы, отработывала некоторые действия. Начиная с 90-х гг. XIX в. на Бель-Агаче ставились эксперименты по решению проблемы истощения почв*. На наш взгляд, данный пример является исключительно полезной моделью для актуализации и применения в современной практике.

При оценке становления земельно-арендного хозяйства стоит отметить и тот факт, что феодальные отношения и прежние системы связей, трансформировавшиеся в новые формы, оказывали свое влияние и на нормативное пространство новой отрасли. Если генетическое происхождение таксы в 1 руб. для промышленных оброчных статей пока установить не удалось, то в отношении 40 коп. можно сделать вполне определенные выводы. 40-копеечная такса была образована из деления 6-рублевого оброка на 15 дес., хотя в реальности такое соотношение существовало лишь в теории и фактически не реализовывалось. Кроме того, 6-рублевый оброк, как мы отмечали, содержал в себе замену барщины, которую выполняли приписные крестьяне на заводах до 1861 г. Поэтому определение из этой суммы стоимости земельного участка представляется неадекватным. Земля, таким образом, оказывалась переоцененной, а такса содержала в себе значительный феодальный компонент.

Подушно-оброчное финансово-правовое пространство доминировало в округе, поэтому его соприкосновение с земельно-арендной отраслью происходило постоянно, создавая значительные сложности и порождая новые противоречия. Наиболее проблемным был вопрос о мирских оброчных статьях, которые крестьянам было запрещено устраивать в пределах своего пользования, то есть сдавать участки посторонним сельскому обществу лицам. Это нарушало характер дореформенного землепользования, что можно расценить исключительно как влияние остаточных феодальных отношений и потребности в модернизации.

Однако феодальное восприятие своего положения в округе со стороны Кабинета продолжалось. Дело в том, что крестьяне могли создавать свои промышленные предприятия, но только в том случае, если объемы производства не выходили за рамки личных потребностей. Иначе заведение подлежало обложению арендной платой в доход Кабинета. Другого объяснения, кроме как стремления получать доход с округа в принципе, опираясь на феодальные представления о положении зем-

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 930. Л. 28, 29–31об, 32, 33.

левладельца и его праве, найти трудно. Раз само создание предприятия было возможно на бесплатной основе, то такие действия сельских обществ, их отдельных представителей не могли нарушить характер прежнего землепользования.

Точно такое же влияние, по большому счету, феодальных представлений мы наблюдаем при обложении винокуренного завода Платонова, которому назначалась плата с выкуренного ведра*, что также фактически носило феодальный характер. Обложение налогом, а не арендой, в современном обществе является прерогативой государства. Вопросы о методике определения арендной платы мы коснемся позже, отметив здесь только, что проблема мирских оброчных статей сохранила остроту вплоть до начала проведения землеустройства в 1899 г., которое только и могло разрешить ее окончательно.

В целом развитие земельно-арендного хозяйства происходило стихийно и хаотично, точно так же как стихийно и хаотично существовали и развивались земельные отношения в округе. Этому способствовало не только созданное реформой 1861 г. и решениями ведомства нормативно-юридическое пространство, которое было крайне противоречивым и запутанным, но и отношение к своему земельному и лесному имуществу как побочному, вспомогательному и неприоритетному направлению хозяйственной деятельности. Это сугубо феодальное восприятие, по которому земля не рассматривалась как самодостаточная ценность, а важны были люди, проживавшие на этой земле. Капиталистическое восприятие земли отличалось тем, что подразумевало, прежде всего, возможность ее четкого юридического понимания и нормативной фиксации, отграничения от остальных природных ресурсов, эксплуатации и коммерческого использования.

В силу этих обстоятельств земельно-арендная отрасль в 60–70-е гг. XIX в. не входила в число приоритетных направлений. На этом этапе трудно говорить о какой-то административно-хозяйственной политике в ее отношении, так как не проводилось целенаправленного и осознанного политического курса. Аренда развивалась стихийно. Лесное хозяйство было приспособлено исключительно к нуждам горно-металлургического производства и выполняло вспомогательную роль, обслуживая его потребности. Ни о какой самостоятельной коммерческой и предпринимательской ценности леса не могло идти речи.

Единственным исключением в политике Кабинета было его отношение к промышленным оброчным статьям, которым уделялось гораздо больше внимание, чем сельскохозяйственной аренде. Дело, скорее всего, в большей финансовой привлекательности подобного рода статей и самое главное – в более простой их управляемости. Администрации не составляло большого труда их учредить, контролировать, взимать деньги, хотя и тут существовали значительные ограничения, прежде всего связанные с необходимостью защиты лесных ресурсов и соблюдением интересов горной промышленности.

Запутанность норм и законов по вопросам земле- и лесопользования, отсутствие адекватного и современного на тот момент межевания, слабый административный охват кабинетскими чиновниками окружного пространства порождали хаотичное, бесконтрольное пользование со стороны населения природными ресурсами регио-

* История Алтая. Барнаул, 1995. Ч. I. С. 190.

на. Предпринятые после 1883 г. меры показали, что уже в 70-е гг. XIX в. ведомство могло иметь существенные доходы в этой области, если бы располагало адекватным административным сопровождением и рациональной организацией хозяйства.

Учитывая тот факт, что разрешение переселений в округ и реформа 1861 г. формировали предпосылки для роста сельского хозяйства и повышения спроса на земельные участки, даже стихийный характер политики ведомства в земельно-арендной отрасли не смог затормозить процесс расширения хозяйственного пространства для аренды, что вело к постепенному повышению доходов от нее и росту землепользования населения. Это создавало те основания, которые способствовали усилению внимания к земельно-арендной отрасли как важному направлению развития производственно-территориального комплекса. Несмотря на консервативное отношение Кабинета к задаче модернизации как горной промышленности, так и всего комплекса в целом, проведение реформы 1861 г. и создание нового нормативно-юридического и финансово-правового пространства предопределили запуск модернизационных процессов, которые протекали стихийно и нередко независимо от ведомственной администрации, но создавали предпосылки для перелома модернизационных процессов в осознанное русло.

Путь Кабинета, который своими действиями нередко порождал будущие проблемы, сложно оценивать как вынужденный. В то же время невозможно представить, чтобы решение всего комплекса задач могло состояться практически сразу после реформы 1861 г. Тем не менее феодальное восприятие и трансформация феодальных отношений в новые формы создавали для производственно-территориального комплекса, с одной стороны, огромный балласт, который мешал его развитию, с другой – формировали болевые точки, нивелирование которых было способно стать импульсом для развития. Разрешение наболевших проблем не могло произойти, если для этого не сложились предпосылки, среди которых исходной является осознание их высшим руководством.

Казалось бы, в плане модернизации рассмотренный период следует оценивать как отрицательный, однако, на наш взгляд, все было не столь однозначно. Трудно было ожидать мгновенной перестройки всего аппарата управления на модернизационный вектор развития, тем более что прежний период внушал оптимизм. Движение вперед невозможно без изменения сознания чиновников, что требует значительного времени и обновления кадров. Ни у столичного руководства, ни в низовых управленческих структурах до начала 80-х гг. XIX в. не сложилось иное видение перспектив организации социально-экономического и административного пространства региона. Но даже если бы задача модернизации была поставлена, ее глобальность, масштабность, ресурсоемкость, временная затратность и уникальность оказалась бы не под силу тем, на кого легла бы ответственность за ее претворение в жизнь. Здесь нужна была продуманная, целенаправленная, экспериментальная административно-хозяйственная политика, способная реагировать на постоянные изменения и подвергаться корректировке. В этом смысле модернизацию можно также описать как процесс постановки такой задачи.

И все же надо признать, что ведомство в условиях кризиса горно-металлургического производства и кабинетской системы в целом, в какой-то степени стихийно, но создало предпосылки для того, чтобы новые отрасли хозяйства про-

ходили период своего становления. Это помогло с некоторым опозданием отследить зародившийся процесс и осознать его важность в начале 80-х гг. XIX в., что стало результатом предшествовавшего развития, заложив основы для последующей модернизации хозяйства.

Характеристика ключевого периода (1883–1899 гг.) в смене цели, средств и вектора административно-хозяйственной политики Кабинета на Алтае

Новым шагом в модернизации алтайского производственно-территориального комплекса стало проведение ревизий 1882 г. как Кабинета, так и Алтайского горного округа, которые положили начало ключевому периоду в процессе модернизации комплекса, смене его хозяйственной доминанты и диверсификации хозяйства. В ходе их выяснились многие неприятные для ведомства моменты, как например, неэффективность управления, некомпетентность, злоупотребления и коррумпированность администрации*. По итогам работы комиссии была намечена к реализации масштабная программа модернизации всего хозяйства. Ее ключевыми составляющими явились стремление вернуть горной промышленности утраченные позиции и интенсифицировать производство, проведение административной и кадровой модернизации, а также интерес, проявленный к земельному хозяйству округа.

Уже проведение ревизий заложило те основы, которые на последующем этапе стали ключевыми. Кабинет и округ проверяли посторонние ведомству люди, что отразило заинтересованность главы Министерства императорского двора и уделов в обновлении взгляда на округ и на Кабинет. Деятельность ревизионной комиссии сопровождалась колоссальным сбором информации, которая стала приобретать роль важного инструмента в управлении, контроле и выработке новых решений.

Мощным стимулом для запуска модернизационных процессов стала позиция императорской власти, а именно Александра III, который своим решением ограничил выплаты из бюджета государства в Кабинет**. Это отразило целенаправленное стремление повысить эффективность ведомственного хозяйства, где выход из сложившегося положения состоял в его модернизации. Для начала процесса требовалась политическая воля, особенно в вопросах кадровой модернизации. Ревизию 1882 г. инициировал не сам Кабинет, а глава Министерства императорского двора и уделов (далее Министерство двора), который осознал необходимость и произвел инъекцию «свежей крови» в ведомственные кабинетские структуры. В связи с этим вывод чиновника Министерства финансов Антипова о том, что Кабинет потерял компетентность в управлении округом, приобретает особую актуальность***.

* Афанасьев П.А. Проведение и итоги ревизии Алтайского горного округа 1882 года // Исторический ежегодник. 2009. Новосибирск, 2009. С. 153–166.

** Соболева Т.Н. Участие Министерства финансов и других финансово-хозяйственных структур в становлении и развитии кабинетского хозяйства на юго-востоке Западной Сибири // Финансы Алтая. 1747–2002. Барнаул, 2002. С. 21–22.

*** Афанасьев П.А. Подготовка ревизии Алтайского горного округа 1882 г. в контексте антикризисной стратегии высшего руководства страны // Исторические исследования в Сибири: проблемы и перспективы. Новосибирск, 2009. С. 146.

Сразу после ревизии в Алтайском горном округе в 1883 г. была проведена административная реформа*, в ходе которой произошло создание специализированной административной структуры по управлению земельным хозяйством. Она состояла из помощника начальника округа по земельной части и трех чиновников по сбору аренды, не считая объездчиков и других служащих. Лесная часть не претерпела существенных изменений. Тем не менее в ней произошла смена руководства, и было проведено новое административно-хозяйственное деление на девять участковых и кондукторских лесничеств, пришедших на смену шести лесных округов**. Конечно, состав как Земельной, так и Лесной частей окружного аппарата был крайне недостаточным для успешного управления огромными земельными пространствами и обширными лесными массивами. Однако проведенные преобразования стали основой для хозяйственной деятельности нового руководства производственно-территориального комплекса.

Начальником округа был назначен Н.И. Журин, которого на тот момент времени можно назвать одним из наиболее эффективных управленцев России, так как до этого он смог вывести из кризисного состояния Гороблагодатский горный округ. Вместе с ним на Алтай приехала команда, состоявшая из посторонних ведомству людей, например, помощник начальника округа по земельной части А.А. Ваганов, который также принимал участие в работе ревизионной комиссии 1882 г. Частичное обновление руководящего звена – одно из свидетельств целенаправленно проводимой политики по модернизации кадрового состава, по внесению в бюрократическое сообщество свежих идей и подходов к хозяйственной и административной деятельности. На наш взгляд, кадровые перемены есть одно из наиболее важных мероприятий реформы. Замкнутость и консервативность управленческого персонала округа в течение длительного времени не позволяли проникать в него новым прогрессивным воззрениям на хозяйство, что являлось тормозом на пути к целенаправленной модернизации.

В историографии приведено достаточное количество фактов, чтобы оценить последствия подобной кадровой модернизации, в результате которой произошло разделение чиновников на тех, которые служили в округе давно и ориентировались на старые порядки, и тех, кто приехали вместе с Н.И. Журиным и готовы были внедрять новые методы, модели управления, бороться с порядками, воспроизводившимися на Алтае в течение двух десятилетий после реформы 1861 г. Сложности противостояния двух «партий», по всей видимости, сказались на здоровье самого Н.И. Журина, который скоропостижно скончался в конце 1891 г., находясь при исполнении должностных обязанностей начальника округа. Однако даже за столь короткое время ему удалось улучшить взаимоотношения в среде администрации, привнести новое видение и понимание хозяйственной деятельности, внедрить новые принципы работы. Поэтому пришедший ему на смену начальник округа застал несколько иное состояние управленческого аппарата, чем оно было в 1883 г. Хотя добиться кардинальной переориентации чиновничьего корпуса на прогрессивные методы управления и хозяйствования Н.И. Журину не удалось. Возможно, этому мешала частичная кадровая модернизация, не рассчитанная на обновление преоб-

* ПСЗРИ-3. Т. 3. №1336. С. 34–35.

** Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Указ. соч. С. 90.

ладающего числа служащих, сохранение в административной среде приверженности к традиционным для Алтая методам управления и организации производства. В 1907 г. управляющий земельно-заводским отделом Кабинета Е.Н. Волков высказал мысль, что справиться с такой ситуацией, ликвидировать прохладное и неэффективное отношение к работе, изменить корпоративное злоупотребление своими должностными обязанностями можно только полностью или в значительной степени сменив кадровый состав. Иначе новые люди, приходя в сложившуюся систему, рано или поздно оказываются либо вписанными в нее, либо выкидываются обратно во внешний мир. Поэтому при всей успешности выбранной модели и позитивных результатах частичного кадрового обновления полностью исправить ситуацию было невозможно, так как размах и глубина негативных пристрастий алтайской администрации были слишком значительными. Тем не менее реализованный принцип частичной замены чиновников, безусловно, сыграл положительную роль. Возможно, в тех условиях он являлся наиболее подходящим для дальнейших выводов и действий в интересах поступательной эволюции и модернизации административного и кадрового аспектов управления производственно-территориальным комплексом.

При оценке противостояния между «варягами», то есть вновь прибывшими вместе с Журиным, и представителями прежней администрации, необходимо обратить внимание на следующий факт. В историографии это противостояние обычно оценивается как соперничество новых взглядов и прежних методов хозяйствования, а также как сокращение для старых горных инженеров и чиновников возможностей использовать в корыстных целях свое служебное положение. Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект деятельности Н.И. Журина по наведению порядка, в том числе и в земельном вопросе. Его усилия привели к тому, что все незаконные земельные пользования представителей действующей или прежней администрации стали отбираться, что затрагивало непосредственно жизнь и быт чиновников и не могло не вызывать раздражения и сопротивления. В этом смысле кадровая модернизация шла рука об руку с модернизацией всего жизненного пространства администрации. Причем новые порядки базировались на соблюдении норм и недопущении нарушений закона.

Сложившаяся еще в дореформенный период система отношений горных инженеров и высокопоставленных чиновников внутри округа в историографии получила название «корпорация»*, что действительно отражает характер и специфику ее существования. Необходимо отметить, что, по всей видимости, такая корпорация имела очень высокую степень воспроизводства и самосохранения. Она была агрессивно настроена к новым веяниям и моделям общения, управления, хозяйствования, так как стремилась сохранить свою прежнюю систему связей и источники материального благосостояния. Поэтому обновление кадрового состава и жизненного пространства администрации при Н.И. Журине и при следующем руководителе В.К. Болдыреве носило только частичный характер, а новые люди в этом смысле составляли определенную ближайшую команду начальника округа. По всей видимости, «командность» стала своеобразным способом существования

* Ведерников В.В. Указ. соч. С. 85.

руководителя, который должен был проводить кадровую модернизацию путем создания ближайшей опоры в среде администрации, выделив в ней тех людей, на которых можно было положиться. Безусловно, такая модель кадровой модернизации, учитывая ее неполный характер, была наиболее приемлемой. В противном случае трудно было бы говорить о каких-то возможностях получения результата, если, например, администрация старого образца стала бы блокировать все решения руководителя.

Можно предположить, что в команду Н.И. Журина входил помощник по земельной части А.А. Ваганов, с которым начальник округа контактировал очень плотно и постоянно. Делопроизводство показывает, что они были единомышленниками по многим вопросам. В эту же команду можно отнести и других приезжих специалистов, например, брата А.И. Журина, П.О. Чупина, А.Т. Фролова и т.д.* Видимо, Болдырев перенял такую модель, будучи военным человеком, он также привлек на должность помощника начальника округа по земельной части отставного военного инженера подполковника Е.И. Недзвецкого**.

Наконец, важным аспектом кадровой модернизации в свете новых векторов развития комплекса следует признать привлечение в округ специалистов высочайшего уровня, которые, с одной стороны, имели не горное образование, а значит, могли вывести на новый качественный уровень остальные отрасли, с другой – готовы были проводить мощную практическую и аналитическую работу, способствовавшую обновлению сложившихся в среде чиновников взглядов на решение хозяйственных задач. К таким специалистам можно отнести, например, тех же А.А. Ваганова и Е.И. Недзвецкого, которые написали серьезные работы по земельному и земельно-арендному хозяйству***, а также главного лесничего округа А.Т. Фролова, который много сделал для развития лесозэксплуатации. Наконец, не стоит забывать и самого Н.И. Журина, который в историографии обычно оценивается как специалист по горной промышленности, и совершенно не принимаются в расчет его заслуги в земельно-лесном хозяйстве округа. Именно он обеспечил мощный модернизационный прорыв, который подготовил смену хозяйственных ориентиров в развитии производственно-территориального комплекса, сделал первый шаг на пути к внедрению комплексного подхода к эксплуатации земельно-лесных ресурсов и предопределил диверсификацию всей структуры хозяйственной деятельности.

При оценке влияния сложившейся корпорации горных инженеров и высокопоставленных чиновников, а также деятельности этого сегмента кадрового состава, следует подчеркнуть их негативную роль в горно-металлургическом секторе экономики округа. Горную промышленность так и не удалось реанимировать и вывести на новый качественный уровень, что, возможно, было связано в том числе с активным сопротивлением горных инженеров нововведениям, неэффективностью их деятельности. В то же время земельно-арендная отрасль и лесное хозяйство совершили определенный прорыв в своем развитии, хотя бы потому что им не мешали стереотипы мышления и управленческих решений старых кад-

* ГААК. Ф. 77. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–2.

** ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 156. Л. 30.

*** РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 895, 1137.

ров, получивших горнотехническое образование и концентрировавших свои усилия на ведущей отрасли. Тем не менее хотелось бы подчеркнуть, что успешность или неуспешность административно-хозяйственных мер следует искать в мышлении, а не в образовании и квалификации специалистов. Н.И. Журин, так же как и верхний слой окружной администрации, имел горнотехническое образование, однако он смог оценить возможности земельно-арендной и лесной отраслей, продемонстрировал прогрессивные взгляды на их развитие, активно участвовал в создании административно-хозяйственного пространства для новых направлений деятельности, то есть выступил специалистом и управленцем широкого профиля и кругозора.

Как мы уже отмечали, программа модернизации горного сектора производственно-территориального комплекса оказалась нереализованной, даже несмотря на огромные финансовые вливания со стороны Кабинета. Этому есть свои объяснения, подробно представленные в литературе. Поэтому нет смысла останавливаться на анализе причин постигшей неудачи. Отметим только, что к началу 90-х гг. XIX в. понимание необходимости отказа от доминирующего положения в экономике региона горно-металлургического сектора прочно вошло в среду ведомственного чиновничества и привело к закрытию в 1893–1897 гг. большинства кабинетских предприятий. В то же время свертывание горно-металлургического производства, действовавшего на средства Кабинета, не стоит расценивать как полный провал, так как в тех условиях получили развитие новые формы горной промышленности в виде концессий и акционерных обществ, где использовался частный капитал отечественных и зарубежных предпринимателей. Поэтому происходившую замену в рамках модернизации надо трактовать как выбор более оптимального пути, диверсификацию не только самого хозяйства, но и моделей реализации потенциала того или иного направления.

Итак, сокращение горного сектора в хозяйстве Кабинета на Алтае сопровождалось ростом и повышением значимости земельно-арендной и лесной отраслей. Это было вызвано целым рядом факторов общего характера, например, усилением переселений в округ и началом целенаправленной политики ведомства по созданию условий для обустройства новоселов, ростом сельскохозяйственного производства, развитием обрабатывающей промышленности, чему способствовало в том числе и снятие некоторых ограничений Кабинета в этой сфере. К началу 90-х гг. XIX в. доходы от земельно-арендного хозяйства и лесной отрасли поступательно увеличивались, так же как и росли доходы Кабинета от обложения населения подушно-оброчной податью. Хотя последнее обстоятельство скорее следует расценивать как негативный в модернизационном плане момент, так как кабинетская администрация активно занималась не только переселением на свои земли, но и разбором, контролем и решением вопросов практически всего землепользования в округе, что составляло огромный пласт отношений «непрофильной» деятельности.

Подушно-оброчное финансово-правовое пространство было неразрывно связано с проведением землеустройства. В период 1883–1892 гг. кабинетская администрация в условиях модернизации, роста неприоритетных отраслей хозяйства и невозможности реанимировать горную промышленность осознала выгоду проведения землеустройства населения. Благодаря ему можно было четко разграничить земли между Кабинетом и сельскими жителями округа, что позволило бы

ведомству организовать рациональную систему эксплуатации земельного и лесного имущества на основе его полного учета и определения коммерческой ценности. Кроме того, землеустройство вело к устранению хаотичного землепользования в округе, создавало условия для выработки четких нормативно-юридических оснований для всех земельных отношений и трансформации этого финансово-правового пространства в новую форму. Это открывало возможность кабинетской бюрократии концентрировать внимание на собственном хозяйстве и не отвлекать значительные административные силы на «непрофильный актив», не говоря уже о том, что межевание, как считали чиновники, способно было дать новые свободные земли и усилить развитие земельно-арендного хозяйства. Таким образом, именно в это время пришло понимание жизненной необходимости для кабинетского хозяйства проведения землеустройства, а затем в начале XX в. его максимального ускорения, так как это стало главным препятствием в интенсификации всех отраслей хозяйства.

Подготовка к землеустройству началась в 1893 г., в результате чего решение многих вопросов (выработка масштабных правил по аренде, переселения в округ, учреждение оброчных статей) перешло в режим своеобразной паузы, а в среде чиновничества сложилось убеждение, что не стоит предпринимать серьезные меры и планировать крупные межевые акции, если землеустройство может совершенно изменить всю систему отношений и вызвать такие последствия, которые сведут к нулю всю проделанную работу*. Конечно, Кабинет сам загнал себя в такую модернизационную ловушку, когда приходилось притормаживать многие процессы, потому что в свое время решение о землеустройстве так и не было принято. Кабинетская администрация стремилась нивелировать последствия и других допущенных ею ошибок, например, существование неупорядоченного землепользования в округе, отсутствие рациональной постановки земельно-арендного и лесного хозяйства, наличие проблемы с мирскими оброчными статьями и прочие.

Однако с точки зрения модернизации и процесса перехода от феодальной системы отношений к капиталистической допущенные просчеты можно считать нормальным явлением. На момент принятия решений в 60–70-х гг. XIX в. не существовало альтернативного представления о путях развития округа внутри самого ведомства, которое смогло бы конкурировать с прежним феодальным восприятием. Контроль над землепользованием служил цели обеспечения нормальной работы горно-металлургической промышленности. Приоритет в развитии одной отрасли препятствовал использованию земельного и лесного имущества как источника серьезного внимания и, самое главное, самостоятельного дохода. Чтобы сложилось иное представление, потребовалось ощутить кризисные явления в горно-металлургическом производстве и запустить модернизационные процессы, которые привели к существенному росту арендных и лесных доходов.

С точки зрения управления крупными производственно-территориальными комплексами следует обратить внимание на возможность опережающего развития, которое практически всегда присутствует в административно-хозяйственном пространстве, или на степень ресурсной исчерпаемости и «моральной» изношенно-

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1137. Л. 17.

сти любой реформы и любого воздействия. Источник, позволяющий не упустить и учесть эти возможности, в кадровой политике, которая должна обеспечивать постоянное обновление кадрового состава, в том числе и на высшем уровне руководства, чтобы развитие производственно-территориального комплекса получило возможность конкуренции между старыми и новыми моделями управления и хозяйствования, а не вариации в рамках устаревшей концепции. Кроме того, удачная кадровая политика способна также обеспечить проникновение передовых идей и решений со стороны посторонних ведомству учреждений и институтов, так как возникает слой управленцев, который способен их воспринять. В 60-х гг. XIX в. Кабинет не смог пойти по такому пути и тем более воспринять предложения со стороны мировых посредников и гражданской администрации.

Успехи роста земельно-арендного хозяйства кроются в том, что после 1883 г. эта отрасль стала ощущать на себе целенаправленную, осознанную и разумную административную и хозяйственную политику, чего в предшествовавшем периоде фактически не было. Прежде всего, новый политический курс коснулся модернизации процесса управления, разумной организации всех составляющих его звеньев, создания новых форм, методов и моделей, распространения среди кадрового состава нового отношения к земельному имуществу, изменения принципов работы и так далее.

Ключевыми элементами административно-хозяйственной политики кабинетской администрации под руководством Н.И. Журина являлись практичность и информационное насыщение управления, что было совершенно новым, но и абсолютно разумным подходом, нацеленным на повышение эффективности и отдачи от администрации и хозяйства. В условиях практически полного незнания арендной сферы, отсутствия опыта становления и развития земельной аренды, наличия целого ряда различных факторов, носивших как позитивный или нейтральный, так и негативный характер, практическая проверка определенных процедур, методов, решений, норм и правил становилась важнейшим инструментом хозяйственной политики, позволявшим с минимальными потерями оценивать перспективность или эффективность того или иного действия.

В русле этой же тенденции использовалась и Бель-Агачская степь, на которой проводились не только хозяйственные, но и административные эксперименты. Это позволяет сделать вывод о том, что модернизация производственно-территориального комплекса не может опираться только на максимально полное информационное сопровождение и обеспечение процесса управления, на реализацию всесторонне продуманных правил и норм, на понимание всеми административными структурами состояния и перспектив развития отрасли. Модернизация комплекса и интенсификация отдельных отраслей должна также опираться на опыт, практику, сведения, извлекаемые из мероприятий, которые в свою очередь основаны на максимальном владении информацией. В этом смысле практика, опыт могут реализовываться через локальный эксперимент, что и осуществлялось администрацией Н.И. Журина. На таком уровне практика выступала не только проверкой конкретной меры в условиях конкретной среды, но и тестирующим механизмом для всей совокупности действий, которые предшествовали выработке этой меры.

Другой принцип, также отмеченный нами, – это практичность, нацеленность на приобретение опыта в реальных условиях хозяйствования в округе, не останавливающийся только на этапе анализа информации. Это придавало хозяйственной политике гибкость и продуманность. Более того, гибкость проявлялась и в том, что администрация умела признавать неудачные решения, делая из них адекватные выводы, как это было, например, со сдачей выгонных земель в степи по 40 коп., что являлось крайне высокой стоимостью аренды*. Практическая направленность «журинского курса» станет особенно заметна на фоне деятельности следующего начальника округа В.К. Болдырева, который основные усилия приложил к разработке процедурных, таксационных и нормативных вопросов.

Действия Болдырева объясняются целым рядом обстоятельств, например, возникшей паузой и неясностью приближавшегося землеустройства, изменением курса Кабинета, который стал требовать предоставления максимально подробной фактологической и аналитической информации по всем отраслям хозяйства. Возможно, сказались и особенности личности самого начальника округа и его команды. Несмотря на то, что в период его управления учреждались оброчные статьи, развивалась аренда, шла коммерциализация лесозэксплуатации, проводились межевание земель и лесоустройство, а также практиковались другие мероприятия в земельно-арендном и лесном хозяйстве, однако наметившийся в это время уклон на преувеличенное значение сбора информации впоследствии отметил будущий управляющий Кабинетом Е.Н. Волков по итогам ревизии 1907 г.** Он подчеркнул негативную сторону такой деятельности, заявив, что сведения собираются как будто бы для статистики и не несут никакой практической пользы. Еще одним последствием избранного Болдыревым ведущего направления деятельности стал рост канцелярской работы у администрации во многом искусственно созданный ее главой. Решения центрального ведомства также способствовали нарастанию канцелярской и непроизводительной работы. В связи с этим отметим, что с точки зрения модернизации Болдырев и Кабинет сделали противоречивый выбор в пользу решения технологических вопросов и сбора информации, не применявшейся на практике. С другой стороны, это определяло важнейшее направление модернизации технической стороны хозяйственной деятельности.

Потребность в разносторонней деятельности и реализации задач на огромных пространствах окружной территории не привела администрацию Н.И. Журина к замешательству. Об этом свидетельствуют, например, инструкция А.А. Ваганову 1883 г. из Кабинета и его программная записка 1885 г.*** Не было хаотического движения, а проводилась продуманная поэтапная политика, реализовывавшаяся в локальных очагах. Это приводило к накоплению, укреплению и насыщению хозяйственного пространства округа. Взятые рубежи тщательно закреплялись. Такие утверждения могут выглядеть нашей субъективной позицией, однако при изучении материалов развития земельно-арендного хозяйства создается впечатление,

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 895. Л. 75об.

** РГИА. Ф. 468. Оп. 27. Д. 1109. Л. 166, 170об-171.

*** РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 718, 895.

что служащие Земельной части и сам Н.И. Журин ответственно относились к делу, искренне переживали за успех проводившихся мероприятий. Можно предположить, что для Н.И. Журина, А.А. Ваганова и, возможно, некоторых чиновников по сбору аренды, лесничих деятельность в округе была личным вызовом, что и порождало такое упорство и активность в достижении цели.

Предшествовавший этап развития земельно-арендного хозяйства, несмотря на все его недостатки, передал в руки новой администрации отрасль в определенном хозяйственном состоянии, где одни направления были развиты лучше, чем другие. Разнородность аренды в округе давала возможность развивать ее там и под таким ракурсом, где сложилось максимальное количество условий и предпосылок для этого процесса. Условно такой подход можно назвать «принципом возможностей и необходимости», так как в последнем случае первые мероприятия могли направляться на самые проблемные или ключевые зоны.

Тесно связанным с предыдущим, но выступающим все же самостоятельным принципом, является еще один подход «журинской администрации». Трудно прийти практически на нулевой уровень и охватить все земли округа арендой, точно так же как невозможно было бы организовать мгновенное обследование и учет всего земельного имущества. Хозяйственное пространство было крайне разнородным, разбросанным, с разными условиями и возможностями в отдельных частях округа. Не везде имелось даже минимальное административное сопровождение. Хозяйственное состояние районов также отличалось разнообразием. В этих условиях логичным шагом новой администрации стала концентрация хозяйственной политики на локальных зонах, где в силу своеобразия условий и обстоятельств сложились наилучшие предпосылки для проведения первых мероприятий по упорядочиванию земельно-арендного хозяйства.

Описанный принцип мы обозначили как «локальность». В хозяйственном пространстве округа были выделены очаги максимально перспективных арендных районов, которые стали объектом распространения на них новых норм, правил, методов и опробования ранее не практиковавшихся приемов и моделей руководства. Администрация как бы максимально насыщала хозяйственное пространство этих локальных очагов, проводила в них межевание, осуществляла учет имущества, обследование территорий, таксацию, учреждала оброчные статьи и т.д. Таким образом, оброчное хозяйство выстраивалось на новой основе не во всем округе, а в локальных зонах.

С одной стороны, создававшиеся локальные районы развития аренды играли роль опыта, эксперимента, с другой – становились «очагами силы» в пространстве земельно-арендного хозяйства, концентрировали у себя все лучшие достижения и способствовали дальнейшему распространению рациональных способов хозяйствования. Это позволяло постепенно расширять и раздвигать горизонты отрасли, создавать новые перспективные районы и выходить на иной уровень охвата, параллельно увеличивая свои доходы, отрабатывать методику, принципы, формы и меры по упорядочиванию и развитию аренды в Алтайском горном округе, накапливать драгоценный опыт. В целом данный принцип можно рассматривать как более общее и глобальное проявление прецедентного характера политики Кабинета в его позитивном значении.

Проведение локальной хозяйственной политики отражало стремление администрации устраивать рациональное хозяйство, проводить комплексные мероприятия, что и осуществлялось, но в более узких границах. В масштабах всего округа такая деятельность была невозможна. Параллельным курсом развивалось и экстенсивное движение, например, упорядочивание арендных правил по отдельным отраслям хозяйства. По всей видимости, именно особенное положение Бель-Агачской степи, как наиболее развитого земельно-арендного пространства округа, подтолкнуло местное руководство к проведению в 1883 г. исследования района и функционирования в нем административно-хозяйственной системы, ставшей отправной точкой в понимании вынужденности и потребности реализации выбранного курса*. Кроме Бель-Агачской степи первыми такими хозяйственными районами являлись земли вокруг Бийска, Барнаула, Кулундинская степь, а также некоторые менее важные зоны, где началось активное насыщение хозяйственного пространства, формирование оплотов и «точек силы» дальнейшего развития аренды в округе.

В совокупности отмеченные подходы и проведенные мероприятия отражали самый главный принцип административно-хозяйственной политики Кабинета по отношению к земельно-арендной отрасли – переход от стихийной и хаотичной эксплуатации земли арендой к системному оброчному хозяйству. Стремление к системности – главное направление политики Н.И. Журина и его администрации. При нем произошло превращение совокупности оброчных статей в систему эксплуатации, в важную отрасль алтайского производственно-территориального комплекса.

Подтверждением такого вывода могут служить первые мероприятия «журинской администрации», которые выстраивались в следующий план: 1) привести в известность общее количество арендной земли путем межевания; 2) проверить занятые разными лицами арендные площади; 3) разбить свободные места на правильные участки; 4) принять меры к устранению возможности «выпахивания земли»; 5) составить арендную книгу и правила сдачи земель; 6) организовать надлежащий контроль за этой отраслью дохода**. Таким образом, можно увидеть, что были намечены самые необходимые и логичные мероприятия для упорядочивания земельно-арендного хозяйства, охватившие основные сферы: приведение в известность имущества и его учет, организация делопроизводства и управления. Тот факт, что в этот перечень была включена и задача устранения «выпахивания земли», позволяет сделать вывод о понимании данной проблемы как одной из ключевых. По всей видимости, экологический аспект именно с этого времени начал присутствовать в политике кабинетской администрации по отношению к отрасли.

Важным направлением, где сталкивались капиталистическое и феодальное понимание вопросов хозяйствования и источников получения прибыли, стала регулярная циркуляция в делопроизводстве еще с 50-х гг. XIX в. принципа определения арендной платы с промышленных заведений по производству или прибыли, а не по стоимости земельного участка. Он противоречил капиталистическому пониманию собственности и методов определения ее прибыльности, но укладывался в рамки феодальных представлений. Стремление облагать промышленность с прибыли или с технических и производственных параметров, по сути, относится к на-

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 930. Л. 3–3об.

** Там же. Д. 895. Л. 3об.

логовой прерогативе государства, а собственник земли должен исходить из ценности своего земельного участка, на который количество произведенного продукта напрямую не влияет. Этот, по большому счету, феодальный подход, на удивление оказался очень живучим и регулярно проявлялся в политике местной администрации на протяжении всего периода существования земельно-арендного хозяйства. Более того, в первой половине 90-х гг. XIX в. он даже начал использоваться, но так и не был введен как основополагающий принцип. Видимо, администрация не рискнула принять столь масштабное решение в преддверии надвигавшегося землеустройства. Кроме того, обложение с прибыли оказалось явно завышенным, и арендаторы стали просить понизить арендную плату, так как размер ее резко вырос. В итоге Кабинет проявил гораздо большую трезвость в анализе ситуации, чем алтайская администрация. Он распорядился сократить повышение стоимости сначала на 40%, а потом еще на 30%*. Однако на рубеже 1900-х и 1910-х гг. данный вопрос снова всплыл, но так и не нашел реализации в политике ведомства по отношению к обрабатывающей промышленности.

Подобные феодальные представления, как мы уже отмечали, существовали и в отношении заведений крестьян. Их можно было создавать только для удовлетворения своих потребностей. Если заведение становилось «промышленным», т.е. начинало выполнять коммерческие задачи и получало прибыль, то его чаще всего облагали оброком в пользу Кабинета. Точки, где пересекались два земельных финансово-правовых пространства, подушно-оброчное и земельно-арендное, всегда являлись сгустком переплетения оставшихся и трансформировавшихся феодальных отношений и капиталистических принципов. Например, начиная с середины 60-х гг. XIX в. и вплоть до 1899 г. кабинетская администрация постоянно занималась проблемой мирских оброчных статей. Ей не давала покоя возможность крестьян сдавать свои земли в оброк. Несмотря на то, что неоднократно выносились решения, запрещавшие крестьянам совершать такого рода сделки, реальный результат от них был ничтожным. Запреты приводили только к нарастанию напряжения между окружной администрацией, населением и арендаторами, негативным социальным последствиям и сдерживанию роста самой промышленности в крае.

Процесс модернизации производственно-территориального комплекса являлся органичной составной частью ведомственной административной политики. Благодаря ей происходили быстрые количественные и качественные изменения в окружном аппарате управления, ориентировавшемся с начала 80-х гг. XIX в. не на одну горную промышленность, а на весь набор хозяйственных отраслей. Административная политика Кабинета в Алтайском горном округе нашла отражение в наших публикациях, поэтому здесь лишь кратко укажем на присущие ей черты**. Основной тенденцией в 1883–1896 гг., т.е. между двумя реформами, стал постепенный отход от отраслевого подхода и фактическая реализация территориально-комплексного принципа в административно-хозяйственном делении округа,

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1137. Л. 150б.; ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 787. Л. 569–570.

** Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Указ. соч. С. 85–98; Кухаренко А.Е. Эволюция административной политики Кабинета в земельно-арендной сфере Алтайского горного округа во второй половине XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. Серия: История, политология. 2010. №4/2 (68/2). С. 133–137.

когда лесничество и чиновники по сбору аренды занимались не только лесом и арендой соответственно, но и брали на себя выполнение иных хозяйственных задач. Другой чертой было нарастание численности администрации, так как сразу после реформы 1883 г. стало понятно, что она не обеспечила даже минимальных потребностей в административном сопровождении земельно-арендного и лесного хозяйства. Тем более надо учесть, что хозяйственное пространство, особенно земельно-арендной отрасли, нарастало стремительно, а существовавший административный каркас не успевал за ним.

Отдельного упоминания заслуживает нехватка кадров. Поэтому прежний административный аппарат в виде заводских и рудничных управлений продолжал выполнять несвойственную ему работу по заведованию оброчными статьями, участвовал в лесоустройстве и некоторых других операциях с лесом. Сами лесничество и арендные чиновники были встроены в уже имеющуюся систему, став в ней своеобразными «точками силы», которые концентрировали у себя решение основных вопросов и выступали в роли специалистов. Такая модернизация имела свои плюсы, так как на тот момент трудно было представить, как будут развиваться все отрасли хозяйства и можно ли от них ожидать солидных доходов. Тем не менее целенаправленная политика и поступательное развитие всех отраслей комплекса позволяли постепенно корректировать, дополнять административный каркас, действовать неспешно и осторожно. На наш взгляд, несмотря на то, что хозяйственное пространство развивалось быстрее, чем административное сопровождение, создавая угрозу потери прибыли и сопровождаясь серьезными экологическими проблемами, в такой модели имелись свои плюсы. Она позволяла исходить из практики, которая подталкивала к наращиванию административных сил, явно недостаточных для решения поставленных задач в земельно-арендном и лесном хозяйстве.

Своеобразной компенсацией нехватки кадров было использование ведомством гражданских органов власти для своих целей. Несмотря на понимание негативных последствий такой практики, чреватой злоупотреблениями и не обладавшей необходимой эффективностью, в 80-е гг. XIX в. ее применяли, так как она нередко была единственным выходом из создавшегося положения. Новой тенденцией в административной политике также стало постепенное увеличение самостоятельности окружного звена управления. Особенно трудно Кабинет расставался со своими финансовыми функциями, что нередко провоцировало конфликты.

Проведенная в 1896 г. новая административная реформа явилась итогом всего предшествовавшего развития, реализовав основные тенденции, которые формировались в период с 1883 по 1896 г. Она носила промежуточный характер, что отразили не только название главного документа «Временный штат», но и начавшаяся с 1893 г. подготовка к землеустроительной реформе. Кабинетская администрация стала тормозить многие процессы, ожидая серьезных изменений и опасаясь предпринимать решительные шаги.

Наконец, отдельно хотелось бы остановиться на модели, которая использовалась Кабинетом в своей административной политике по отношению к земельно-арендной и лесной отраслям. При ее анализе можно довольно четко увидеть постоянное увеличение нагрузки на имевшиеся административные силы, рост их обязанностей и степени ответственности, увеличение объема работ, связанных

с повышением доходности лесного и арендного хозяйства. При этом силы и средства административного аппарата оставались практически прежними. В таком режиме управляющая цепочка, особенно наиболее страдающее местное звено, работала на пределе возможностей, доходя до границ своей эффективности и управленческой дееспособности. Ситуации, когда в середине 90-х гг. XIX в. произошла целая череда сбоев в функционировании звеньев управления, показали, что система начала исчерпывать свои лимит прочности, достигла предела, за которым началась уже зона слишком весомых потерь и ущербов в силу неэффективного управления*. Именно в это время была осуществлена реформа 1896 г., которая заложила основу новой системы. Однако новая управленческая структура вновь оказалась меньше той, которая была бы рассчитана на перспективное увеличение масштабов хозяйствования, что можно было спрогнозировать уже в то время. Это запускало цикл нарастания нагрузки на ресурсы административной системы по новому кругу на пределе эффективности, в ходе которого проверялась жизнеспособность структур. Немного запоздавшая реформа, таким образом, скорее фиксировала положение с незначительным прогнозированием ситуации и отвечала на насущные потребности кризиса системы.

При всех очевидных минусах такой модели административной политики, она обладала и очевидными плюсами. Система работала в оптимальном для своих средств режиме. В ней не существовало институтов, которые выполняли бы нагрузку не в полной мере или ниже своих возможностей. В каждой отдельной части структуры, несмотря на общие проблемы с управлением, достигалась результативность и интенсивность. Осуществлялись действительно нужные и необходимые меры, носившие срочный характер, быстро отбраковывался опыт и проекты, не имевшие практической пользы и не способствовавшие развитию дела, происходило наложение вынужденного и возможного, что давало оптимальный результат.

Такая политика не приводила к необоснованному росту административного аппарата и неоправданному расширению его полномочий, не создавала «лишних» институтов. Все новые функции и обязанности распределялись по существовавшей системе, развиваясь в старых формах, что приводило к фильтрации полезных и бесполезных мер, выявлению эффективных методик. Нехватка административных сил выступала в данной модели как средство достижения эффективности и адекватного понимания перспектив. Система работала до исчерпания своего лимита прочности, после чего могло наступить падение ее дееспособности. На этом этапе проводилась реформа как средство разрешения насущных проблем и фиксации положения. Данный подход отличался предельной практичностью. Не стоит забывать и то, что он позволял экономить средства и ресурсы.

На наш взгляд, использование такой модели было довольно полезным именно в плане вызревания условий для смены хозяйственной доминанты комплекса и кардинальной трансформации хозяйственной политики. Она позволяла кабинетской администрации постепенно отслеживать происходившие процессы. Помощь

* Соболева Т.Н., Кухаренко А.Е. Характерные черты административной политики Кабинета Его Императорского Величества в условиях смены хозяйственной доминанты в развитии Алтайского производственно-территориального комплекса в 1883–1896 гг. // Современное историческое сибиреведение XVIII – начала XX вв. Вып. 3. СПб., 2010. С. 96.

ник начальника округа по земельной части Недзвецкий в своей записке, поданной в Кабинет в середине 90-х гг. XIX в., высказал мысль, что на данном этапе нужна осторожность, так как поставленные задачи очень сложны и глобальны. Для их осуществления не хватает опыта, и отсутствуют условия для реализации намеченных перемен. Следует избегать неаккуратных радикальных мер, которые пришлось бы в дальнейшем исправлять, так как не ясна еще ситуация с землеустройством населения*. Задача полной смены хозяйственной направленности в развитии производственно-территориального комплекса – это сложнейшая модернизационная и трансформационная задача. Предельно осторожная административная политика Кабинета как нельзя лучше соответствовала ей. Она способствовала вызреванию предпосылок к постепенной смене хозяйственного облика региона, а Кабинету и местным управленческим структурам позволяла отслеживать этот процесс, оценивать его результаты. Расширение бюрократического аппарата не препятствовало поступательному развитию новых хозяйственных направлений, не ограничивало их. Существовал разумный консерватизм без резких вмешательств в административную систему, а через нее и в хозяйственную политику, что могло привести к серьезным ошибкам.

Конечно, такая модель имела своей главной издержкой неполную управляемость регионом, выпадение многих важнейших функций и обязанностей, на которые просто не хватало времени, сил и средств. Фиксирующая роль реформ и отсутствие значительных административных нововведений, рассчитанных на перспективу, не позволяли обеспечить ускоренные темпы роста хозяйства. Нам представляется, что функционирование административного аппарата должно протекать в тех разумных пределах, которые определяются двумя крайностями: потерей эффективности, как от нехватки административных сил, так и в связи со слишком большими ресурсами административного аппарата. Рассмотренную нами модель мы условно назвали «осторожной», а противоположную ей – «интенсивной». Наилучшим вариантом представляется гибкое сочетание этих моделей в зависимости от ситуации. Его Кабинет продемонстрировал при проведении административной реформы 1911 г., когда модель подверглась существенной корректировке в направлении совмещения и введения «интенсивного» компонента.

С нашей точки зрения, использование такой модели было довольно полезным именно в плане вызревания условий для смены хозяйственной доминанты комплекса и кардинальной трансформации хозяйственной политики, позволяя кабинетской администрации постепенно отслеживать происходившие процессы. Более того, апробированная Кабинетом модель имеет значительный потенциал для сегодняшней ситуации, так как может быть использована в современных теориях управления не только крупными производственно-территориальными комплексами, но и на практике для борьбы с бюрократическим ростом и ограничением бесконтрольной деятельности административного аппарата.

Интересными модернизационными элементами стали практиковавшиеся при Н.И. Журине и В.К. Болдыреве механизмы административной политики, которые также имеют значительный потенциал для самостоятельного исследования и раз-

* РГИА. Ф. 468. Оп. 23. Д. 1137. Л. 17.

работки в рамках теорий управления. Они раскрыты в отдельных публикациях*. Поэтому здесь только перечислим их: использование квалифицированного и мобильного специалиста для контроля, сбора информации и помощи чиновникам; съезды административных сил округа; информационные срезы не только как средство получения сведений, но и как прекрасный тестер системы, ее эффективности и способности к повышенным нагрузкам. Последнее, на наш взгляд, наиболее актуально и сейчас, так как административная система часто внешне выглядит вполне дееспособной, выполняет те поручения, которые ей даются, однако проверить ее реальные возможности можно только каким-то экстренным, срочным заданием, которое выведет ее из стабильного режима, заставит работать с превышением регулярной нагрузки. Это как раз и может показать, чего она реально стоит и какова ее эффективность.

В рассматриваемом периоде в модернизационном плане и в процессе смены хозяйственной доминанты важно также утверждение Кабинетом 1 июня 1896 г. правил для земельно-арендного хозяйства**, которые стали первым единым и цельным документом для отрасли. Заведование лесным фондом округа до 1897 г. осуществлялось на основе «Положения об управлении Лесной частью», утвержденного в 1850 г., и во многом повторявшей его «Инструкции чинам лесного ведомства Алтайского горного округа» 1880 г.*** На смену им в апреле 1897 г. пришли «Правила по Лесной части», в которых горнозаводская администрация полностью отстранялась от участия в управлении лесной отраслью****. Принятые документы стали новым шагом в развитии нормативного пространства внутри округа и позитивным фактором для активно формировавшегося земельно-арендного хозяйства и перестраивавшейся на коммерческие основы лесозаготовки. Особую значимость это имело для земельно-арендной отрасли. На смену утвержденным в разное время циркулярам, решениям, нормам приходил единый документ, охватывавший большую часть отношений, действовавших в земельно-арендной сфере. Землеустроительная реформа несколько откорректировала первоначальный замысел. В 1896 г. были приняты только временные правила, которые содержали самые основные положения по арендному хозяйству. К составлению более глобального документа вернулись только в 1910–1911 гг., еще более усилив масштабность, насыщенность его нормами и отразив в нем прогрессивные перемены, произошедшие в земельно-арендной отрасли.

Заложенные Журиным параметры модернизации производственно-территориального комплекса продолжали действовать и после смены руководства округом. В.К. Болдырев продолжил дело Н.И. Журина, но выдержал паузу, отказав-

* Кухаренко А.Е. Формирование механизмов административной политики в Алтайском горном округе в 80–90-е гг. XIX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 3. №118. С. 24–29; Соболева Т.Н., Афанасьев П.А., Кухаренко А.Е. Механизмы административной политики в структуре кабинетской модели эксплуатации природных ресурсов Алтая в конце XIX – начале XX в. // Вестник алтайской науки. 2012. №1. С. 42–47.

** ГААК. Ф. 4. Он. 1. Д. 2143. Л. 159–160.

*** Тяпкин М.О. Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. Барнаул, 2006. С. 82–90.

**** Правила по лесной части в Алтайском округе 1897 г. СПб., 1897.

шись от стимулирования целенаправленного модернизационного процесса под влиянием подготовки и начавшегося проведения землеустройства. Важнейшими для характеристики модернизации являются такие сферы деятельности Журина и Болдырева, которые, как правило, не привлекают внимания исследователей: информационная и экологическая политика, развитие коммуникативного пространства. Более того, развитие коммуникативного и информационного пространств самым непосредственным образом влияло на успехи модернизации и на ее скорость.

Модернизация алтайского производственно-территориального комплекса сопровождалась также экспериментами по использованию разных моделей эксплуатации природных ресурсов. Например, с прекращением арендной системы на соляных озерах округа началась самостоятельная коммерческая («хозяйственная») эксплуатация этих объектов, но избрание иного способа не прекратило дискуссию по вопросу о том, какой из них выгоднее для ведомства*.

Исторический опыт показывает, что в управлении крупными производственно-территориальными комплексами следует проявлять особую гибкость как в смене приоритетов, отказе от неэффективных приемов или признания своих ошибок, так и в реагировании на неожиданные и непрогнозируемые тенденции. Предугадать всего невозможно, и довольно часто процессы созревают подспудно, не привлекая внимания управленцев, и выходят на серьезные позиции вполне неожиданно. В этом смысле гибкость нужна для корректировки намеченного курса. Важнее не готовность к некоему событию, которое часто трудно предугадать, а готовность администрации реагировать на событие, решить вопрос.

Таким образом, во второй половине XIX в. в развитии алтайского производственно-территориального комплекса происходили сложные и противоречивые процессы болезненных трансформаций всей системы, вызванные во многом общегосударственным курсом на модернизацию социально-экономической сферы. Будучи последствием отмены крепостного права, новый тренд радикальным образом изменил структуру кабинетской административно-хозяйственной системы на Алтае. В результате характер развития производственно-территориального комплекса стал поступательно меняться, создавая предпосылки для существенной корректировки политики Кабинета по эксплуатации природных ресурсов региона, когда акцент сместился с исключительного приоритета горнопромышленной отрасли в направлении диверсифицированного использования всех богатств края. В силу того что кабинетская администрация рассчитывала сохранить прежнюю систему управления и очень неохотно, инертно реагировала на новые капиталистические веяния и новации, многие серьезные изменения происходили скрыто, в глубине и за пределами внимания служащих округа и Кабинета.

Новации в развитии алтайского производственно-территориального комплекса формировались подспудно, закладывая предпосылки для будущей качественной трансформации политического курса. Как видно на примере земельно-арендной отрасли, она ощущала на себе определенное участие и интерес со стороны ад-

* РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 66. Л. 325об, 327–328 об., 329 об.; Кухаренко А.Е. Взгляды К.Н. Миротворцева на частную аренду и положение крестьянства в соляном деле Алтайского (горного) округа в начале XX в. // Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Барнаул, 2010. Вып. 7. С. 33–35.

министрации, оказывалась под воздействием различных мероприятий и конкретных действий, однако не была объектом целенаправленной, сознательной, системной политики. В той же мере это относится к лесной отрасли, которая до 90-х гг. XIX в. так и не смогла оформиться в самостоятельное направление хозяйства, а также к землеустройству, от которого кабинетские чиновники вначале стремились отделаться, видя в нем угрозу собственной власти. На наш взгляд, такой административно-хозяйственный курс не следует воспринимать как негативный, поскольку отсутствовала реальная возможность осуществлять различные трансформации. Кабинетские чиновники не могли мгновенно перестроить свое мышление и восприятие, отказаться от привычек прежней власти и способов хозяйствования, изменить отношение к горно-металлургической отрасли и начать эксплуатировать земельные, лесные и соляные ресурсы. Для этого должны были созреть предпосылки, которых на тот момент было чрезвычайно мало, не говоря уже о потребности в значительных ресурсах для масштабной перестройки административно-хозяйственной структуры. Привычные алгоритмы поведения и воспроизводства, характерные для корпоративного сообщества административно-технического персонала Алтая, не могли измениться в короткие сроки. Для этого требовались радикальные шаги по его обновлению, кризисные явления, созревшее понимание необходимости перемен у руководства ведомства и другие предпосылки.

Понятно, что почти всегда имеется возможность для радикальной качественной трансформации, например, в случае начавшегося сразу же после реформы 1861 г. землеустройства, пусть даже длительного и противоречивого. Но если реально посмотреть на историческую ситуацию, то станет понятно, что в Алтайском горном округе не существовало, по крайней мере, двух основных предпосылок. Во-первых, политического осознания руководством ведомства необходимости подобного шага. Кабинетские чиновники рассчитывали на сохранение своей прежней власти над населением, воспринимали округ как территорию собственного исключительного доминирования, не имели фактического материала, доказывавшего жизненную потребность в таких действиях для себя. Поэтому логично, что проведение землеустроительной реформы было отсрочено до 1899 г. Во-вторых, отсутствовала политическая воля для принятия и реализации такого решения окружной администрацией, Кабинетом, Министерством императорского двора и уделов, наконец, императором.

Итак, на наш взгляд, в целом развитие округа до 80-х гг. XIX в. объективно отвечало именно тем основаниям и предпосылкам, которые сложились в алтайском производственно-территориальном комплексе и в ведомстве. Кабинетская среда еще не была готова к трансформациям, что наглядно демонстрируют итоги ревизии 1871 г., которая отреагировала на кризис в горно-металлургической промышленности, но не привела к радикальным изменениям в этом секторе экономики.

В 80–90-е гг. XIX в. происходило поступательное накопление целого ряда глубинных и серьезных предпосылок для радикальных реформ и трансформации как в хозяйственной, так и в административной сферах. В это время кризис в горно-металлургической промышленности достиг такой остроты, что заставил ведомственную бюрократию поставить вопрос о ее дальнейшем существовании на средства Кабинета. Одновременно росли доходы от подушно-оброчной подати,

земельно-арендной, лесной и соляной отраслей, изменилось восприятие и понимание некоторых возможных перспектив развития округа. В то же время шел процесс обновления облика самого региона, увеличивалась численность населения, расширялся спектр его хозяйственной занятости, наблюдался подъем сельскохозяйственного производства. Причем в тесной взаимосвязи протекала эволюция и региона, и алтайского производственно-территориального комплекса (т.е. имела место детерминация). В этих условиях был запущен механизм кадрового обновления и управленческих новаций. Созревание предпосылок вело к появлению политического понимания и политической воли со стороны руководства разного уровня.

В результате алтайский производственно-территориальный комплекс поступательно эволюционировал от горнопромышленной хозяйственной доминанты в направлении диверсифицированной структуры эксплуатации природных ресурсов Алтая (лес, земля, реки, соль, недра и т.д.). Кроме того, кабинетская управленческая система расширяла арсенал инструментов и моделей развития применительно к той или иной отрасли, в том числе к организации горного промысла. Таким образом, закладывались основания для дальнейшей трансформации округа, что наблюдалось в 1899–1917 гг. Наконец, 80–90-е гг. XIX в. стали ключевыми в осознании необходимости проведения в округе землеустройства, которое с 1899 г. стало радикальным образом менять всю структуру алтайского производственно-территориального комплекса, а значит, и характер его последующих трансформаций.

В заключение нам бы хотелось еще раз подчеркнуть особую роль начальника округа Н.И. Журина в указанных выше процессах смены модели хозяйственной доминанты и формирования основных предпосылок для дальнейшей эволюции округа. Данная фигура не только внесла серьезный вклад в преодоление кризиса горно-металлургического сектора экономики Алтая, но и способствовала развитию других направлений хозяйственной деятельности алтайского производственно-территориального комплекса, предопределивших новый облик региона в начале XX в.

Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко

2.2. Миссионерство Русской православной церкви в Степном крае: стратегия и практики реализации (2-я половина XIX – начало XX в.)

Как известно, полиэтничность является одним из основных компонентов российской цивилизации. Эта особенность играла значительную роль в разработке и реализации в имперский период истории России национальной политики в этнорегионах. Большинство современных отечественных и зарубежных исследователей считают, что ее главным содержанием стала интеграция многочисленных народов в политико-правовое и социально-экономическое пространство империи.

Наиболее завершенной данная концепция представлена в исследованиях А. Каппелера. В них ученый скорректировал русоцентристский взгляд на историю России, противопоставив ему полиэтничность как важную константу этой истории. Принципиальной позицией исследователя стало стремление рассматривать народы империи не как объекты государственной политики, а как «силы, в значительной степени определяющие историческое развитие»*.

Проследивая историю России на протяжении нескольких столетий, А. Каппелер пришел к выводу, что для имперской национальной политики был характерен ряд признаков. К их числу исследователь относит: требование центром политической лояльности от народов империи взамен на неприкосновенность их самобытности; сословность, т.е. осуществление инкорпорации национальных элит в имперское господствующее сословие; иерархичность этносов, которые входили в состав империи, в основе которой был заложен принцип социокультурной удаленности от русских**.

Отечественные исследователи также признают, что в целом Россия «выработала такой тип национальных отношений, который учитывал интересы инородческих этносов и способствовал многовековой, относительно мирной совместной жизни народов различных расовых, религиозно-конфессиональных и этнических ориентаций»***. По их мнению, для российской национальной политики наряду с лояльностью к этноэлитам и сохранением на инкорпорированных территориях автономии, выражающейся в сохранении «существовавшего до вхождения в состав России административного порядка, местных законов, учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры»****, а также широким сотрудничеством центрального правительства с нерусскими элитами был характерен еще ряд важных принципов.

Одним из них, например, Б.Н. Миронов называет принцип равенства этносов, отсутствие связи между национальным и социальным статусом, что нашло отражение в интернационализме политической, культурной, военной и научной

* Каппелер А. Россия – как многонациональная империя. М., 1992. 342 с.; Каппелер А. «Россия – многонациональная империя»: некоторые размышления восемь лет спустя после публикации книги // *Ab Imperio*. 2000. №1. С. 12.

** Каппелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы, украинцы в этнической иерархии Российской империи // *Россия – Украина: история взаимоотношений* / под ред. А.И. Миллера и др. М., 1997. С. 125–144.

*** Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003. С. 87.

**** Миронов Б.Н. Историческая социология истории. СПб., 2009. С. 41.

элиты Российской империи. Более того, исследователь убежден, что для поддержания данного принципа государство пошло на создание некоторых преимуществ в социально-правовом положении инородцев империи по сравнению с русскими (отмена для них воинской повинности, льготное налогообложение, свободная вертикальная социальная мобильность) и активное инвестирование местных национальных экономик и инфраструктур*.

Главной целью столь либерального курса национальной политики России являлся этатизм – «укрепление общей для империи государственности и сохранение ее территориальной целостности, выражавшееся в объективной тенденции – выработке единого стандарта подданства и управления»**. Эта цель наиболее актуализировалась для России к середине XIX в., когда завершилось присоединение в ее состав крупнейших этнорегионов: Степного края, Туркестана и Кавказа. Начавшаяся в 60-е гг. этого столетия модернизация политической и социально-экономической системы обозначила необходимость унификации «всех частей империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах», интеграции российского общества «по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности»***.

Решить столь грандиозную задачу в условиях полиэтничности российского общества было возможно только посредством проведения политики русификации, которая «означала не создание преимуществ и привилегий для русских, а прежде всего систематизацию и унификацию управления, интеграцию всех этносов в единую российскую нацию»****. В русле данной политики была реализована серия мероприятий, таких как формирование единой системы органов управления, распространение системы образования на русском языке в масштабах всей империи, закрепление государственной идеологии среди многочисленных народов, стержнем которой являлось представление о единстве монарха, православия и народа. Таким образом, политика русификации являлась не целью национальной политики, а средством, методом реализации интегральных устремлений государства. Она, безусловно, должна была способствовать увеличению социальной мобильности населения в этнорегионах, а русский язык – выступить в роли языка модернизации.

Особенное место в политике русификации национальных окраин отводилось распространению православного мировоззрения, основанного на концепции «Москва – Третий Рим – Святая Русь». Расширение границ православного мира и увеличение численности православного населения, в том числе посредством развития православного миссионерства среди многочисленных народов империи, ставилось приоритетной задачей региональной составляющей национальной политики. В конечном итоге, русское переставало быть этнической характери-

* Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 42–44.

** Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи XVIII – начале XX в. СПб., 2008. С. 50.

*** Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 50.

**** Там же. С. 49.

кой: «Все, что служит процветанию Православного государства, является русским. Не русские – православный народ, а весь православный народ – русский, по имени православного государства»*.

В связи с этим становится очевидной, на наш взгляд, необходимость отказаться от одностороннего толкования термина «русификация», рассматривающего его как совокупность мер, направленных на воспитание «привязанности к русской культуре, отказу от бытовых привычек, от традиционного образа жизни и системы миропонимания, от национальной культуры, т.е. от основ национальной идентичности»**. Во-первых, в рамках реализации религиозно-государственной идеи, связанной с перманентным расширением границ православного мира за счет включения новых территорий, акцент делался на религиозной унификации. Поэтому политика русификации предполагала сохранение этнического разнообразия в государстве.

Во-вторых, организация православного миссионерства среди многочисленных народов Российской империи проводилась в рамках образовательной системы Н.П. Ильминского. Показательно в этой системе то, что она предполагала своего рода «интернациональное воспитание» русских: пропаганда идей православия должна была осуществляться на языке «иностранцев», который предварительно изучали сотрудники православных миссий. Благодаря их исследовательской, просветительской и медицинской деятельности были сохранены культура и языки многих народов, включенных в процесс русификации.

В-третьих, в русле политики русификации в предложенной трактовке необходимо рассматривать и миссионерство Русской православной церкви в отношении старообрядчества и сектантства. Их носители рассматривались как один из дестабилизирующих факторов внутренней жизни государства, а приведение их в лоно официальной церкви всегда являлось приоритетной задачей государства в свете его интеграционных устремлений и расширения границ православной империи.

Реализация интегральных устремлений государственной власти посредством проведения политики русификации нашла отражение и на территории Степного края, присоединение которого к Российской империи было в основном завершено к 60-м гг. XIX в. К этому периоду религиозное пространство региона было представлено двумя системами – исламом и православием. Носителем исламской религиозной традиции выступало казахское кочевое сообщество. Мусульманское духовенство, работающее среди него, подчинялось юрисдикции Оренбургского мусульманского духовного собрания.

Следует подчеркнуть, что в результате религиозной политики Российской империи, проводившейся в данном регионе на рубеже XVIII – I-й половины XIX в. и направленной на административное закрепление ислама среди казахо-кочевников, здесь сформировался так называемый религиозный синкретизм или «бытовой ислам». Он характеризовался неглубоким знанием казахами теоретических основ ислама, господством адата, а не шариата, своеобразием культовой

* Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997. С. 276.

** Ковалюшкина Е.П. «Иностранный вопрос» в Сибири. Концепции государственной политической мысли и областническая мысль. Томск, 2005. С. 85.

практики: несоблюдением мусульманских постов, намаза и сохранением языческих обрядов в семейно-брачных отношениях и праздниках календарного цикла. Также слабо была представлена к середине XIX в. в Казахстане сеть исламских культовых учреждений.

Формирование православного населения в казахской степи было связано с началом присоединения его территорий к Российской империи. На протяжении XVIII в. русские активно осваивали пограничную с казахской степью зону Южной Сибири и Южного Зауралья, посредством активного строительства военно-оборонительных сооружений на всей приграничной линии от Урала до Иртыша, сопровождавшегося формированием иррегулярных войск в регионе – Уральского, Оренбургского и Сибирского казачьих войск. Для решения проблемы снабжения казачьих войск продовольствием, прежде всего, хлебом, местные оренбургские и сибирские власти стремились заселить войсковые территории крестьянским населением. При этом поощрялась добровольная миграция крестьян, а в некоторых случаях использовали административный ресурс (ссылка, принудительное переселение, в том числе старообрядцев).

В результате к началу XIX в. в приграничной с Южной Сибирью и Зауральем территорией Казахстана определились два крупных центра православия. Одним из них являлся Западный Казахстан, значительные земельные массивы которого по р. Урал, принадлежавшие казахам Младшего жуза, были отмежеваны в пользу Уральского казачьего войска. Вторым центром православия стал современный Восточный Казахстан – Верхнее Прииртышье и Бухтарминский край. Особенностью формирования данных православных центров являлось то, что значительная часть их населения выступала носителем старообрядческой традиции.

Во 2-й половине XIX в. темпы роста численности православного населения Степного края значительно ускорились. Это произошло как за счет выдвижения русских аванпостов вглубь казахской степи, так и благодаря отмене крепостного права и открытия земель региона для массового крестьянского переселения. Крестьянская колонизация кардинально изменила этническую карту региона – удельный вес казахского населения сократился с 73,4% от общей численности населения в 70 гг. XIX в. до 67,7% в 1897 г., доля славянских этносов возросла с 8,2 до 22,8%. Существенным последствием крестьянской колонизации Казахстана стало изменение его культурно-религиозного ландшафта – православие по численности своих адептов стало второй после ислама религиозной системой региона*. Именно XIX – начало XX в. стали периодом активного епархиального, церков-

* Данные о численности православного населения Казахстана отражены в материалах первой Всероссийской переписи населения 1897 г. Так, в пределах Тургайской области к этому году проживало 37193 православных (8,2%), Уральской области – 107587 православных (16,7%), Акмолинской области православное население по численности составило 167926 (41,3%) в Семипалатинской – 67620 (9,9%), в Семиреченской – 96741 (9,8%) (Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897. Тургайская область. 1904. Т. LXXXVII. Табл. XIV. С. 44–45; Акмолинская область. 1904. Т. LXXXI. Табл. XIV. С. 58–61; Семиреченская область. 1904. Т. LXXXV. Табл. XIV. С. 56–63; Уральская область. 1904. Т. LXXXVIII. С. 55–56).

но-приходского, церковно-школьного, храмового и монастырского строительства на территории Степного и Туркестанского генерал-губернаторств.

На протяжении 2-й половины XIX – начала XX в. продолжали развиваться и старообрядческие центры Казахстана. При этом происходила их активная дифференциация по толкам, которые были представлены в регионе двумя основными группами – поповцами (более умеренное направление старообрядчества) и беспоповцами, не признававшими священства. Поповцы делились на беглопоповцев и приемлющих священство белокриницкой иерархии*. Беспоповцы были представлены федосеевцами, нетовцами, дырниками, немоляками, оховцами, самодуровцами. В роли промежуточного звена между поповскими и беспоповскими согласиями выступали часовенный, стариковский и дьяконовский толки.

Старообрядческие общины различных согласий на территории Казахстана во 2-й половине XIX – начале XX в. были представлены неравномерно. Лидирующие позиции по степени их концентрации продолжал занимать Западный и Восточный Казахстан. Однако в этот период началось формирование еще одного старообрядческого центра на территории Юго-Восточного и Южного Казахстана. В начале XX столетия в Сыр-Дарьинской области проживало около 2 тыс. старообрядцев – бывших уральских казаков. В Семиреченской области они были зафиксированы в пяти приходах, общим количеством 200 чел.**

Активное миграционное движение крестьян из европейской части Российской империи в Казахстан во 2-й половине XIX – начале XX в. наряду с ростом православного, в том числе и старообрядческого населения, привело к появлению здесь сектантских течений. При этом следует отметить, что их локализация на территории региона была крайне неравномерной. Так, крупнейший очаг сектантства был сформирован на территории Акмолинской и Семипалатинской областей***. В Уральской и Тургайской областях первые секты были зафиксированы только в начале XX в. и составляли только 0,2% от общей численности сектантов Оренбургского края****. Гораздо позднее формирование сектантских течений произо-

* Беглопоповское согласие сначала оно было единственной формой поповщины, затем в 1846 г. в селе Белая Криница (территория бывшей Австрийской империи) с присоединением к старообрядчеству босно-сараевского митрополита Амвросия оформилось белокриницкое (или австрийское) согласие. Беглопоповцы восстановили собственную иерархию в 1923 г., приняв архиепископа Николу (Позднева) от обновленческой церкви. Старообрядческие общины белокриницкой иерархии Казахстана входили в состав Сибирской и Урало-Оренбургской старообрядческих епархий, созданных в 1862 и в 1864 гг. соответственно. В 1899 г. Сибирская епархия была разделена на Пермскую и Томскую епархии. Последняя объединила староверческие приходы поповского толка северо-восточного и восточного Казахстана.

** РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1595. Л. 57.

*** Наиболее многочисленными сектами на территории этих областей являлись протестантские секты (баптисты, евангельские христиане, штундисты, адвентисты и др.). Второй по численности адептов сектой являлась секта молокан и идейно близких к ней духоборов. В начале XX в. на территории Акмолинской и Семипалатинской областей были зафиксированы секты хлыстов и афонских имябожников, никудышников, также именующих себя «квакерами», иоаннитов (киселевцев), толстовцев.

**** ОрЕВ. 1902. 1 февр. №3. С. 248.

шло в Южном и Юго-Восточном Казахстане, что было связано с более тщательной проверкой местными властями переселенцев на предмет их религиозной принадлежности.

Факт поликонфессиональности населения Степного края, безусловно, учитывался правящими кругами Российской империи при разработке и реализации регионального варианта национальной политики. Наряду с политической и экономической модернизацией, направленной на инкорпорацию казахстанского общества в общеимперское пространство, важной ее составляющей должна была стать реализация политики русификации как для казахского мусульманского, так и для славянского православного населения.

В рамках данной политики существенное место отводилось православному миссионерству, предполагавшему организацию и проведение широкомасштабной религиозной пропаганды среди населения региона с целью ограничения влияния на его духовную жизнь ислама, старообрядчества и сектантства и закрепления позиций Русской православной церкви. Именно поэтому в 70–90-е гг. XIX в. в Степном и Туркестанском генерал-губернаторствах была организована деятельность целой серии православных антиисламских и антираскольнических структур, административно подчинявшихся Омским, Оренбургским и Туркестанским епархиальным властям.

На Западе Казахстана миссионерская деятельность среди старообрядцев и сектантов была возложена на Михаило-Архангельское братство, созданное по инициативе Оренбургского епархиального комитета Православного миссионерского общества в 1886 г. Из семи его отделений три работали на территории Уральской и Тургайской областей. В 1893 г. при Михаило-Архангельском братстве «для общего руководства миссией» начал функционировать Противораскольничий комитет, который направлял работу и антисектантской и антистарообрядческой миссий.

В Туркестанской епархии специальная миссионерская структура для борьбы со старообрядчеством и сектантством – Туркестанское епархиальное братство – была образована в 1879 г. Позднее, в 1886 г. его преобразовали в Казанско-Богородичное просветительское братство. И, наконец, для работы на территории Акмолинской и Семипалатинской областей Степного края в 1898 г. было учреждено Омское епархиальное братство. Целью его деятельности стало «оказание материальной помощи присоединенным к православию инородцам, сектантам, раскольникам; распространение среди народа религиозно-нравственного просвещения и различных полезных знаний»*.

При братствах создавались епархиальные советы, координирующие и направляющие их деятельность. В среднем в год проводилось 8–9 заседаний таких советов. На них обсуждались вопросы «о преграждении сектантской пропаганды, ведомой сектантами в нарушение существующих распоряжений о круге деятельности сектантских наставников», разрабатывались методы борьбы с расколом, распределялись средства братств**. Денежные средства шли, как правило, на организа-

* РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1965. Л. 32об.

** Отчет о деятельности Омского епархиального Миссионерского Совета за 1915 г. // ОЕВ. 1916. 1 апр. №7. С. 6.

цию миссионерской деятельности среди старообрядцев и сектантов в виде оплаты поездок священникам-миссионерам в приходы, наиболее «зараженные расколом», поддержание церковно-приходских школ, закупку литературы православно-миссионерского содержания для бесплатного ее распространения среди населения и формирования библиотечных фондов при церковно-приходских школах, организацию и проведение внебогослужебных чтений и т.д.

С 1888 г. по итогам I Всероссийского миссионерского съезда, прошедшего в Казани и разработавшего «Правила об устройстве миссий и способе действий миссионеров и пастырей Церкви по отношению к раскольникам и сектантам», в епархиях Казахстана начали вводить должности епархиальных, уездных или окружных миссионеров. Так, в Михаило-Архангельском братстве Оренбургской епархии в 1886 г. была учреждена должность епархиального антистарообрядческого миссионера, а из трех учрежденных в 1894 г. окружных миссионеров, один распространял свою деятельность на территорию Уральской области*. В 1908 г. в данном регионе начал работу епархиальный антисектантский миссионер. Как активизацию борьбы со старообрядчеством и сектантством на территории Тургайской области, входившей в компетенцию оренбургских архиепископов, следует считать и образование в 1914 г. Кустанайского викариатства. Его епископом назначен Д. Александров, выполнявший до этого на протяжении нескольких лет обязанности епархиального антираскольнического миссионера Оренбургской епархии.

В Омской епархии противосектантская миссия начала свою деятельность в 1900 г., противораскольничья – в 1903 г.** К 1916 г. здесь работали два епархиальных и шесть уездных антисектантских миссионеров: Омский, Павлодарский, Атбасарско-Кокчетавский, Акмолинский, Тюкалинский, Ишимский и два антистарообрядческих миссионера – Бухтарминского и Тарско-Тюкалинского. 24 июня 1909 г. должность антистарообрядческого и антисектантского миссионера была учреждена в Туркестанской епархии.

Главным содержанием деятельности оренбургского, омского, туркестанского антираскольничьих и антисектантских епархиальных миссионеров являлась организация и проведение религиозно-нравственных бесед, посещение частных домов старообрядцев и сектантов с миссионерской целью, раздача литературы богословского содержания, поездки по уездам епархий. По аналогичной схеме выстраивали свою работу окружные, уездные и областные противораскольничьи и противосектантские миссионеры. В своей работе они руководствовались «Общими правилами по устройству миссий» 1888, 1908 гг. Окружные и областные миссионеры были освобождены от выполнения обязанностей приходских священников и должны были вести исключительно миссионерскую деятельность: распространять богословскую литературу, посещать собрания сектантов и старообрядцев, проводить внебогослужебные собеседования и полемические беседы. Место проведения полемических бесед с раскольниками, их время и тематику они обязаны были согласовывать с епархиальным миссионером. О результатах своей деятельности окружные и областные миссионеры отчитывались перед епархиаль-

* Отчет о деятельности Оренбургского Михаило-Архангельского Братства за 1898 г. // ОрЕВ. 1900. 15 марта. № 13. С. 8.

** ОЕВ. 1899. 1 янв. №1. С. 5.

ными миссионерами и Противораскольничьими комитетами каждые три месяца и по окончании года.

Областные и окружные миссионеры координировали и направляли антираскольничью миссионерскую деятельность приходских священников. Последние не освобождались от приходских обязанностей, но в свободное время, параллельно с основной работой, призывались вести православную пропаганду среди раскольников и сектантов. Как правило, их работа сводилась к увещанию последних и распространению литературы среди них.

Открытые собеседования со старообрядцами и лидерами сект – полемические беседы – стали одной из наиболее распространенных форм борьбы с сектантством и старообрядчеством в епархиях Степного края*. Они представляли собой словесное состязание православного миссионера и старообрядческого начетника, проходили обычно в зданиях местных школ, в присутствии православных прихожан. Темы бесед подбирались в соответствии с особенностями старообрядческого толка: для раскольников австрийского согласия – «о непрерывной иерархии христовой церкви и семи спасительных таинствах», с беспоповцами – «о престосложении для крестного знамения, антихристе, посолонном хождении, некоторых таинствах». Кроме того, обсуждались проблемы раскола Русской православной церкви, клятвы соборов 1666–1667 гг., законность священства Белокриницкой иерархии.

Наряду с миссионерской пропагандой среди православного населения Степного края местные епархиальные власти развернули широкую работу, направленную на повышение его религиозно-нравственного и культурного уровня. Ее необходимость диктовалась падением авторитета Русской православной церкви, крайне низким уровнем знаний теоретических основ и обрядности христианства. Епархиальными властями региона отмечались «дикость и грубость нравов, пьянство, разгул, разнузданность во всех отношениях» крестьян-переселенцев и казачества, «полнейшее невежество, суеверия и предрассудки, присущие одинаково и православным и раскольникам»**, «леность и бесшабашность», «крайний религиозный индифферентизм», «несоблюдение постов», «непочтительное отношение к духовенству»***.

Первостепенное значение в религиозно-нравственном воспитании православного населения отводилось церковной проповеди. Местные епархиальные власти обязали священников вводить в содержание проповеди рассмотрение теоретических вопросов богословия, следить за религиозно-нравственным состоянием клира и ежегодно предоставлять отчеты – клировые и исповедальные ведомости, указывать в них причину уклонения прихожан от проповеди и исповеди. О случаях, когда прихожанин не был на исповеди без уважительной причины более трех лет подряд, приходской священник обязан был сообщать об этом епархиальным властям. Последние, как правило, налагали епитимию на злостных нарушителей обряда****.

* Мельников Ф.Е. Краткая история древлеправославной (старообрядческой церкви). Барнаул, 2007. С. 482.

** РГИА. Ф. 796. Оп. 440. Д. 1263. Л. 19об.

*** ОрЕВ. 1901. 1 сент. №17. С. 9.

**** ЦГА РК. Ф. 153. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–3.

Дополнительно к церковным проповедям повсеместным стало проведение внебогослужебных собеседований и народных чтений. В 1902 г. по указу Синода епархиальному начальству была поручена организация в приходах «в дни воскресные и праздничные после богослужений катехизических бесед о вере с детьми, не посещающими школ». Духовные власти Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий подчеркивали, что особенно важным проведение таких бесед было в переселенческих районах, так как значительное количество детей из семей крестьян-переселенцев не имели возможности посещать школы из-за их ограниченного количества в сельских приходах*.

Внебогослужебные или народные чтения проводились, как правило, вне православных храмов: в помещениях городских дум, областных правлений. В зависимости от социального состава слушателей подбирались тематика чтений. Для народа их стремились сделать более адаптированными к уровню их общекультурного развития: составляли облегченные лекционные курсы, использовали иллюстрации и картины, «волшебные фонари», сопровождали занятия концертными программами**. Несмотря на то, что чтения носили религиозный характер, их дополняли «полезными знаниями из области истории, географии, астрономии, геологии». Так, в Уральске на протяжении 1899 г. состоялись беседы по теме «О страданиях Холмской Руси под игом польских иезуитов и о раздорах римских пап с иезуитами»; 21 февраля этого же года по теме «О небе и звездах» с демонстрацией 34 картинок; 21 марта – «О мученической кончине в татарской орде св. князей российских Михаила Тверского и Михаила Черниговского и подвигах самоотвержения св. благоверного князя Александра Невского для спасения России» с демонстрацией 36 картинок***.

В сельских приходах организация и проведение внебогослужебных чтений вменялась в обязанность приходских священников и ставилась на контроль епархиальными властями. Для этого «установилась точная запись в особо заведенные для этой цели книги того, кто именно, когда, на какую тему и по какому руководству читал или беседовал с прихожанами, здесь же обозначается по возможности и число слушателей»****.

Однако строго определенного порядка и правил проведения религиозно-нравственных бесед в сельских приходах установлено не было. Они проводились «эпизодически, случайно» – один-три раза в год, главным образом, в осенние и зимние месяцы, иногда в воскресные или праздничные дни. Причиной была, прежде всего, низкая посещаемость и отсутствие помещений для их проведения.

Несмотря на это священники епархий подчеркивали значимость и эффективность проведения такого рода мероприятий, их популярность среди населения. Считалось, что внебогослужебные беседы необходимы для «защиты и укрепления в народе православия, преданности престолу», а также расширения общего кругозора населения, поскольку «он (народ. – Ю.Л.) до сих пор еще убежден, что земля

* ОЕВ. 1902. 1 апр. №7. С. 1–2.

** Отчет о деятельности Михаило-Архангельского братства за 1898–1899 г. // ОрЕВ. 1900. 15 окт. №20. С. 10–11.

*** Там же. С. 12–13.

**** Там же. С. 20.

стоит неподвижно, и, пожалуй, скажет, что и на трех китах. Он не знает, что такое солнце, звезды; он не знает, «откуда пошла есть русская земля»^{*}. По мнению миссионеров, прекращение сектантской пропаганды в ряде населенных пунктов Оренбургской и Омской епархий, переход старообрядцев в новообрядческую церковь явился результатом проведения именно этих мероприятий.

Важным воспитательным моментом в приходах Оренбургской, Омской и Туркестанской епархий стал процесс создания различных обществ и кружков на базе приходских храмов с целью пропаганды среди населения идей православия. Например, в марте 1913 г. в Семиреченской области Туркестанской епархии был образован Бахтинский Свято-Николаевский приходской кружок ревнителей православия. Цель кружка предполагала подготовку из его членов «армии духовных борцов за православие, пожираемое ныне всевозможными еретическими и атеистическими лжеучениями». Задачей кружка становилось изучение Святого писания «по предметам, прорекаемым инакомыслящими с православной церковью». Каждое занятие начиналось и заканчивалось священным песнопением, а в ходе его «делался доклад о положительном учении православия», после чего проводилась «беседа постоянных членов кружка»^{**}. Аналогичные структуры были созданы в Западном и Северо-Восточном Казахстане: в приходах Оренбургской и Омской епархий функционировали братства ревнителей православия.

В качестве необходимого фактора повышения религиозно-нравственного уровня православного населения Степного края местными епархиальными властями рассматривалось монастырское строительство. Однако процесс образования монашеских обителей здесь начался гораздо позднее, чем в целом по Сибири – на рубеже XIX–XX вв., что было связано с особенностями российской колонизации региона и более поздним временем формирования православного населения. Так, в Западном Казахстане первая Кустанайская женская Иверская община была открыта только в 1894 г.^{***} Кроме нее на территории Уральской области с 80-х гг. XIX в. функционировал Покровский единоверческий мужской монастырь^{****}.

В связи с организацией деятельности православной Киргизской миссии Омской епархии в 80-е гг. XIX в. обсуждался вопрос об открытии монастыря на территории Семипалатинской области. Положительно он был решен в 1902 г., когда была основана Знаменская миссионерская женская община монахинями Лесницкого женского монастыря Седлецкой губернии. Община была утверждена Синодом в 1906 г., а в 1912 г. преобразована в Знаменский женский миссионерский монастырь.

Ее организация послужила толчком к открытию монастырей в Омской епархии. В начале XX в. на ее территории, наряду со Знаменским миссионерским женским монастырем, была организована деятельность еще шести православных обителей: Петропавловский Всехсвятский женский, Казанский женский (недалеко от станции Омск), Архистратиго-Михайловский женский (п. Пресногорьковский

^{*} ОЕВ. 1902. 1 авг. №15. С. 16.

^{**} ЦГА РК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 4232. Л. 1–4.

^{***} В 1906 г. Кустанайская женская Иверская община объединяла 134 сестры, из которых 21 являлись монахинями.

^{****} РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1682. Л. 10.

Петропавловского уезда), Богородице-Михаило-Архангельский женский (недалеко от станции Ачаирская Омского уезда), Николаевский мужской (урочище Кара-Оба Петропавловского уезда), Покровский мужской (недалеко от г. Омска)*.

В начале XX в. деятельность, связанную со строительством монашеских обителей, активизировали и туркестанские епархиальные власти**. В 1911 г. ими был предложен проект по открытию монастырей в Туркестанской епархии в шести районах: в местности «святой ключ» Верненского уезда, на западном берегу оз. Ала-Куль Лепсинского уезда, в Нарынской долине (вблизи урочища Терек-Гаты) Пишпекского уезда, на оз. Занкуль, на р. Чу и по р. Или того же уезда***. Однако удалось организовать работу только одного Серафимо-Иверского женского монастыря в г. Верном Семиреченской области в 1911 г. на базе архиерейского дома****.

Монастыри Степного края и Туркестана призваны были выполнять религиозно-просветительские функции, предполагавшие создание просветительско-благотворительных комплексов – школ, приютов, богаделен, библиотек, больниц. Так, на территории кустанайской Иверской женской общины и Знаменской женской общины г. Семипалатинска действовали приюты для сирот, в которые принимались как православные, так и мусульманские дети. В каждой из монашеских обителей была организована работа миссионерских школ, в некоторых из них действовали интернаты для учащихся.

Второй, не менее важной, сферой деятельности монастырей региона была их миссионерская направленность. При этом подчеркивалось, что миссионерская работа должна быть организована не только среди казахского мусульманского региона, но и среди православного русского населения и способствовать «возвышению религиозного состояния сибирских приходов, улучшению народной нравственности, ослаблению и совершенному искоренению раскола».

Помимо религиозной функции монастыри Степного края играли важную идеологическую роль, так как были неразрывно связаны с укреплением православной основы империи и противодействовали распространению ислама. Как считает В.А. Овчинников, в сфере деятельности просветительских и благотворительных

* РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2161. Л. 5об.

** К этому периоду в Туркестанской епархии функционировал один монастырь, располагавшийся на территории современной Северной Киргизии – на берегу оз. Иссык-Куль. Монастырь был открыт в 1882 г. по указу Синода на средства Православного миссионерского общества и получил название Иссык-Кульского Свято-Троицкого миссионерского общежительного мужского монастыря. Однако первые члены братии в составе игумена и девяти монахов, прибывших из Свято-Афонского Закубанского монастыря, поселились здесь только в 1885 г. Через 13 лет после открытия, на территории Иссык-Кульского монастыря был заложен пятиглавый соборный Свято-Троицкий храм, к 1911 г. – завершено строительство еще одного семикупольного храма во имя Живоначальной Троицы. К началу 1916 г. монастырь имел 35 человек братии (один архимандрит, 11 иеромонахов, три иеродиакона, один схимник, девять монахов и 10 послушников). Монастырю принадлежало 2500 десятин земли, три затона на озере (65 десятин). Он также имел собственную мельницу, лесопилку, кузницу, портняжную мастерскую, скотный двор, две пасеки с 225 ульями. Кроме того, монахи активно занимались хлебопашеством и выращивали пшеницу, рожь, овощи.

*** ЦГА РК. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. Л. 34об.

**** РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1872. Л. 15об.

заведений при православных обителях региона «совпали интересы государства, общества и Русской православной церкви»*. В то же время более поздний процесс организации монастырей в степной зоне, чем в целом по стране – рубеж XIX–XX вв. – и незначительный по времени период их функционирования до 1917 г. не позволили использовать в полном объеме их организационно-управленческий и религиозно-просветительский потенциал. В итоге это не позволило им занять важное место в жизни региона, стать для православного населения значимыми религиозными центрами и сыграть более значимую роль, как в общественной жизни, так и в государственной политике.

Центральное место в закреплении православных начал среди населения степных областей отводилось школе. Церковно-приходское строительство в регионе было организовано с 70-х гг. XIX в., что объяснялось резким увеличением численности православного населения в результате массовой миграции крестьян из европейской части Российской империи и проводилось в рамках общегосударственного законодательства на основе «Правил о церковно-приходских школах» 1884 г., «Правил о школах грамоты» 1891 г. Согласно «Правилам», в регионе получили распространение два типа школ: 1) начальные – для начального образования детей и взрослых. К их числу относились церковно-приходские школы, школы грамоты и воскресные школы. 2) учительские – для подготовки учителей начальных школ. К ним принадлежали второклассные и церковно-учительские школы.

Руководство и контроль за их деятельностью осуществляли епархиальные училищные советы и их уездные отделения. Так, в Омской епархии в 1895 г. одновременно с изданием указа об ее образовании, была организована деятельность епархиального училищного совета, и четырех его уездных отделений: Семипалатинского, Ишимского, Тарского, Тюкалинского. В 1898 г. к ним добавилось еще два – Омское и Акмолинское**.

В церковно-приходских школах изучались следующие предметы: Закон Божий, Священная история и объяснение богослужения, краткий катехизис, церковное пение, чтение на церковнославянском и русском языке, начальная арифметика. В двухклассных школах кроме указанных предметов преподавали первичные знания по истории Русской православной церкви и государства. Закон Божий являлся центром всего образовательного процесса, определяющим собой направление преподавания других предметов. Объем преподавания данных предметов устанавливался специальными образовательными программами, утверждаемыми Училищным советом Синода***.

Эффективность религиозно-нравственного воспитания православного населения Степного и Туркестанского генерал-губернаторств посредством организации деятельности церковно-приходских школ значительно снижалась из-за крайне низких темпов школьного строительства, поскольку в рамках реализации интегральных устремлений государства приоритет все же отдавался светской сис-

* Овчинников В.А. Общий ход и особенности истории монастырей Русской Православной Церкви Верхнего Прииртышья в XVII–XX вв. // Электронный ресурс]

** ОЕВ. 1909. 15 мая. №10. С. 27.

*** Ефимов А.Б. Очерки по истории миссионерства Русской православной церкви. М., 2007. С. 279.

теме образования. По мнению правительственных кругов, для открытия русско-туземных школ в регионе имелись объективные условия: обеспеченность педагогическими кадрами, чиновниками для инспекций, наличие материальной базы. К субъективным причинам необходимости открытия таких школ чиновники относили «иноплеменность большинства населения степных областей», вследствие чего, «хотя сравнительно нечасто, киргизы отдают своих детей в русские школы, но с передачей таковых в ведение духовенства (православного. – Ю.Л.) можно с уверенностью предсказать, что подобное весьма желательное совместное обучение может совсем прекратиться»*. Церковно-приходское образование отходило на второй план, а в 1894 г. все учебные православные учреждения были подчинены Министерству народного просвещения.

Кроме того, существенное влияние на реализацию религиозно-просветительских задач приходской школы оказывали: кадровая проблема, наиболее актуальная для школ грамоты, создаваемых, как правило, в сельской местности; низкий уровень профессиональной подготовки учителей; смещение акцентов в преподавании с религиозной тематики на светскую; слабая материально-техническая база; проблема комплектации школ учебниками, методическими пособиями и канцелярскими товарами. В конечном итоге потенциал таких школ в целях распространения религиозно-нравственных идей среди православного населения региона не был использован в полном объеме.

Миссионерская деятельность Русской православной церкви среди казахского населения мотивировалась необходимостью сокращения влияния ислама на жизнь кочевников и изъятия их из сферы общероссийского мусульманского движения, которое набирало обороты на протяжении 2-й половины XIX в. и рассматривалось в качестве дестабилизирующего политического фактора.

Действительно, в первые годы функционирования Киргизских миссий их служащие активно вели православную пропаганду среди казахского населения, занимались переводом богословской литературы на казахский язык и ее распространением среди населения. Важной должностной обязанностью православных миссионеров являлось проведение обряда крещения казахов и наблюдение за их дальнейшей религиозно-нравственной жизнью. С этой целью новокрещенных, как правило, компактно селили в специально создаваемые миссионерские станы – своего рода административные центры миссий. Здесь миссионеры были призваны оказывать посильную, в том числе материальную, помощь в приобщении крещеных казахов к земледельческому труду и оседлому образу жизни.

К концу XIX в. в ведении Киргизской миссии Омской епархии находилось десять станов. Шесть из них – Буконьский, Большенарымский, Долонской, Шулбинский, Заречная слобода (г. Семипалатинск), Черноярский располагались на территории Семипалатинской области, остальные – Атбасарский, Александровский, Еленинский и Татарский станы – в Акмолинской области**. В Киргизской

* Перминов А.В. Организация обучения казахов на родном языке в XIX – начале XX веков: исторический опыт // Актуальные проблемы этнической, культурной и религиозной толерантности коренных народов Русского и Монгольского Алтая. Горно-Алтайск, 2006. С. 257.

** Отчет Киргизской миссии за 1901 г. // ОЕВ. 1902. 1–15 июня. №11–12. С. 26.

миссии Оренбургской епархии числилось четыре стана – Александровский, Макарьевский и Актюбинский станы – в Тургайской и Чиликтинский в Уральской областях*. В Туркестанской епархии, на территории Семиреченской области функционировал один Сарканский миссионерский стан**.

Важным направлением деятельности Киргизских миссий должно было стать миссионерское школьное строительство. Миссионерским школам государство отводило значительную роль в деле распространения православия среди инородческого населения империи. Организационной основой учебного процесса являлась методика, разработанная идеологом православного миссионерства, преподавателем Казанской духовной академии, профессором Н.И. Ильминским. Она предполагала воспитание учащихся-инородцев в духе христианского мировоззрения путем внедрения в учебный процесс соответствующих дисциплин, преподавание в таких школах должно было вестись исключительно на языке инородцев, однако обязательным было и изучение русского языка. Конечным результатом обучения в миссионерских школах являлось воспитание кадров для православных миссий из инородческой среды.

Киргизские миссии Степного края прилагали все усилия, направленные на организацию деятельности миссионерских школ. Параллельно с процессом открытия станов миссий на их территории велось строительство школьных помещений, подбирались учительские кадры, формировались библиотечные фонды. Учитывая особенности хозяйственного уклада казахов-кочевников, для их детей при миссионерских школах создавались интернаты, причем учащиеся поступали на полное государственное обеспечение. Другой принципиальной особенностью организации деятельности таких школ стало совместное обучение русских и казахских детей, что должно было обеспечить более успешную русификацию последних.

Таким образом, на начальном этапе деятельности Киргизские миссии Степного края прилагали значительные усилия, направленные на распространение православия среди казахского населения региона. Однако уже в первые годы их существования в содержание их работы сама жизнь внесла значительные коррективы. Причиной стала массовая миграция крестьян из центральных губерний России в Степной край. Процесс их адаптации на новом месте жительства сопровождался комплексом проблем, главной из которых стало отсутствие в регионе возможностей для реализации религиозно-нравственных потребностей.

Низкие темпы церковно-приходского и церковно-школьного строительства, недостаточное количество храмов, священников и т.д. способствовали падению авторитета церкви и росту влияния местного мусульманства населения на бытовую и религиозно-нравственную жизнь переселенцев. Так, миссионер Киргизской миссии Оренбургской епархии Ф. Соколов неоднократно отмечал, что переселявшиеся из европейской России православные жители, прожив несколько лет в Степном крае, не знали «ни поста, ни среды, ни пятницы». У многих из них дома «чисто мусульманские – впереди разостлана кошма вместо русских столов и лавок, в углу вмазан киргизский казан (котел) и питаются они по-киргизски похлебкой, сваренной

* ГАОРО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 103 об–106 об.

** ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 299; Ф. 234. Оп. 1. Д. 3, 5.

из пшеничной крупы, называемой по-киргизски «коже», а о русском калаче вообще забыли, да и негде его печь за неимением печи русской»*. Фиксировались случаи смешанных русско-казахских браков и перехода православных в ислам.

Одним из результатов этой сложной ситуации стало и смещение акцентов в работе Киргизских миссий Степного края. Основной задачей их деятельности становилось теперь ограничение влияния ислама на русское православное население, миссионерская работа среди него и закрепление в православной вере. Образованные станы и поселки Киргизских миссий для новокрещенных очень быстро стали смешанными в этническом плане – «...переселенцы-крестьяне при крайней скудности церквей..., усиленно стремились селиться при миссионерских церквях»**, а миссионеры-священники вынуждены были выполнять и обязанно-сти приходских священников.

Показательна в этой связи ситуация, сложившаяся в Александровском стане Киргизской миссии Омской епархии. В 1911 г. здесь на попечение священника А. Иовлева, наряду с миссионерскими функциями, было возложено отправление религиозных треб для жителей 14 переселенческих поселков. Долонской стан включал 12 казачьих поселков, три крестьянских и две татарские деревни, а также Аккульскую, Бескарагайскую, Малыбаевскую, Сентаневскую, Айчыржалскую, Кентюбекскую казахские волости. Обязанности приходского священника в Омской епархии выполнял и миссионер Большенарымского стана, «...что отвлекало его от своих прямых обязанностей»***.

По данным «Отчетов о деятельности» служащих Киргизской миссии Омской епархии, славянское население увеличивалось в станах с каждым годом. В 1901 г. паству миссии составляли 4633 человека, из которых русских – 4121, казахов – 512 человек, в 1907 г. этот показатель возрос до 8006 человек, из которых 7716 – русские и 290 – крещенные казахи, в 1909 г. – 13333, 12837 и 296 соответственно. Таким образом, большинство паствы Киргизской миссии Омской епархии составляли крестьяне-переселенцы, а не новообращенные казахи. Миссионеры фактически не имели возможности прилагать «все старания ...на служение именно миссии, путем изучения языка, миссионерской литературы, ...бесед с ново-крещенными, устроением их быта и т.д.»****.

Сходная ситуация имела место и в Киргизской миссии Оренбургской епархии. В конце XIX в. миссионер Макарьевского стана Г. Крашенинников настаивал на открытии второго штата причта, поскольку со времени образования стана в его состав постепенно вошло и русское население. Теперь приход состоял из пп. Макарьевского, Степановского и Михайловского, с населением общей численностью около 2000 человек. Помимо этого, с просьбами об исполнении треб к миссионеру обращались и русские жители окрестных заимок, находящихся в степи вдали от поселков. В заведывании миссионера находились также макарьевская миссионерская школа с интернатом, Макарьевская женская церковно-приходская, школа гра-

* ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 183а. Л. 267об.

** Отчет о состоянии Киргизской миссии Омской епархии за 1898 г. // ОЕВ. 1899. №18. 15 сент. С. 6.

*** ГАОО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 60. Л. 1об.

**** Там же. Д. 115. Л. 7об.

моты и Степановская женская церковно-приходская школа, в которой миссионер также был назначен на должность учителя Закона божьего. Г. Крашенинников подчеркивал, что заведовать Макарьевским станом, в котором числится «...до 22 семей новокрещенных киргиз» и тем более совершать поездки по окрестным аулам хотя бы один раз в год» ему совершенно не остается времени*.

В этом же контексте смещенными оказались акценты и в миссионерском школьном строительстве. Преобладающим в этническом плане контингентом учащихся стали дети русских крестьян-переселенцев или казаков. Трансформации подверглась и система обучения в таких школах: от воспитания кадров Киргизских миссий из представителей местной этнической среды – казахов – пришлось отказаться. Помимо богословских дисциплин в учебный процесс внедрялись дисциплины светской направленности, например, арифметика, география и история, столярное мастерство, призванные подготовить выпускников «ко взрослой жизни». Среди казахского населения, как свидетельствуют архивные данные, миссионерские школы были не популярны, своих детей предпочитали отдавать в школы Министерства народного просвещения, поскольку это позволяло сделать карьеру местного чиновника в будущем.

Таким образом, нерешенность проблемы удовлетворения религиозно-нравственных потребностей православных жителей региона, их концентрация в миссионерских станах объективно способствовала смещению акцентов в работе миссионеров и постепенному сведению на нет миссионерской работы среди казахского населения. Возможности целенаправленно и систематично заниматься антиисламской работой и пропагандой православия среди казахов-кочевников миссионеры были лишены. В итоге первоначальные задачи, поставленные перед православными Киргизским миссиями Степного края и Туркестана, не были ими реализованы.

Свидетельством данного вывода являются крайне низкие количественные показатели обращения казахов в лоно православной церкви. Например, успехи миссии в Оренбургской епархии не должны были, по мнению ее руководства, измеряться количеством новокрещенных за определенный промежуток времени. Поэтому в своих годовых отчетах о деятельности миссионеры иногда вообще не указывали данных об их количестве.

Председатель Православного миссионерского общества в своем отчете за 1912 г. отмечал: «Киргизская миссия Омской епархии не может быть названа в строгом смысле инородческою, так как она обслуживает по преимуществу религиозные нужды русского населения, приток которого из Европейской России в области Семипалатинскую и Акмолинскую еще продолжается. ...Собственно инородческая паства миссии представляется незначительною. За все 19 лет существования Киргизской миссии в самостоятельном виде ею было приобретено для церкви христовой 290 человек»**.

Среди обращенных в православие казахов не наблюдалось глубокой трансформации их религиозного сознания. Многие служащие Киргизских миссий считали, что новокрещенных нельзя назвать «истинными христианами и стро-

* ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 5. Л. 182об–183об.

** Отчет Православного миссионерского общества за 1912 г. // Православный благовестник. 1913. Т. II. №22. Кн. 2. С. 26.

го убежденными в правоте Христовой веры», так как они, «особенно новокрещенные первого поколения, не могут вполне освободиться от прежних обычаев и привычек и воззрений мухаммеданов»*. Например, принявшие православие казахи Черно-Ануйского стана продолжали показывать «...сильное расположение к мусульманству», соблюдали мусульманские посты и праздники, устраивали поминки по мусульманской традиции. «...вследствие этого крестное знамение и молитву некоторые совсем забросили, иконы содержат непристойно или совсем не имеют, приходят на исповедь, но от причащения отказываются или же приходят в грязных разорванных одеяниях, тогда как мусульманский праздник проводят разряженные»**.

Кроме этого, на протяжении всего периода функционирования миссионерских структур в регионе происходил неизменный рост влияния ислама и закрепление его позиций среди казахского населения. Подтверждением данного тезиса являются факты проникновения исламских религиозных традиций во все сферы жизнедеятельности казахского общества, формирование социальной прослойки казахских мулл, рост численности мусульманских культовых и религиозно-образовательных учреждений, увеличение контактов местного населения с исламскими центрами Российской империи: Поволжьем, Средней Азией, Кавказом, а также зарубежья. Так, в период 1910–1915 гг. только в Тургайской области с просьбой о разрешении строительства мечетей обратилось 51 аульное общество и их прошения были удовлетворены***.

Аналогичные итоги наблюдались и в деятельности миссионерских структур Казахстана, осуществлявших борьбу со старообрядчеством и сектантством. Начало XX в. стало периодом активизации деятельности старообрядческих общин Степного края, строительства ими молитвенных домов и часовен, легализации деятельности старообрядческих скитов. Повсеместно в этот период на территории региона наблюдался и рост численности сектантских организаций, деятельность которых, несмотря на предпринимаемые миссионерами меры, так и не удалось дезинтегрировать. Случаи обращения из старообрядчества и сектантства в православие оставались единичными.

Подводя итоги, отметим, что нельзя однозначно оценивать результаты миссионерской деятельности Русской православной церкви в Степном крае в 70-е гг. XIX – начале XX в. Безусловно, в свете реализации интегральных устремлений Российской империи и активного включения в орбиту своих интересов данного этнорегиона, населенного как казахами-мусульманами, так и русскими-православными, православное миссионерство было направлено на закрепление позиций православного государства и Русской православной церкви в его религиозно-культурном ландшафте.

Миссионерство Русской православной церкви характеризовалось не только религиозной пропагандой православных идей, но и направленностью на вовлечение широких слоев православного населения региона в миссионерскую деятельность посредством организации кружков, курсов, отделений Православного мис-

* ГАОрО. Ф. 175. Оп. 1. Д. 153а. Л. 12.

** ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 135. Л. 40.

*** РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 499. Л. 5–142.

сионерского общества. Кроме этого, в широком смысле слова миссионерством можно назвать церковно-приходское и церковно-школьное строительство Русской православной церкви в Казахстане, которое способствовало закреплению религиозно-нравственных начал среди его православного населения. Благодаря этому духовным властям Казахстана удалось избежать массового перехода православного населения в раскол и ислам, занять достойное место в религиозно-культурном пространстве региона, избежав конфронтации с религиями и конфессиями, имевшими место в Казахстане.

В узком смысле миссионерство Русской православной церкви имело менее значимые успехи. Омским, Туркестанским и Оренбургским епархиальным властям удалось создать целую сеть миссионерских структур антиисламской, антистарообрядческой и антисектантской направленности, организовать их, пусть и не достаточное, финансирование, решить языковую проблему, организовать переводческую деятельность религиозно-пропагандистской литературы на казахский язык и т.д. Однако снизить масштабы влияния ислама на казахское общество, а также сократить численность старообрядческих и сектантских общин региона миссионерским структурам так и не удалось.

Причины низкой эффективности православного миссионерства в Степном крае, безусловно, крылись в совокупности проблем. Среди них: этнопсихологические особенности казахов, детерминированные хозяйственно-культурным типом и отрицающие возможность восприятия ими христианских догм; наличие в регионе хорошо профинансированного исламского и старообрядческого миссионерства; слабое развитие церковно-приходской системы в Казахстане и низкое финансирование государством миссионерской работы; законодательная политика государства, не позволяющая формироваться побудительным мотивам для перехода в православие у казахского населения. Проблемы социокультурной адаптации новообращенных в православие – это отсутствие у миссионеров возможности реализации широких социальных программ для них, нерешенность вопросов землеустройства новообращенных казахов*. Кроме того, отрицательное влияние на деятельность православных миссий оказывала религиозная индифферентность большинства казачества и крестьян-переселенцев, а также сама кризисная ситуация, в которой оказалась Русская православная церковь в синодальный период.

* Лысенко Ю.А. Вопросы землеустройства крещенных казахов Православной духовной миссии Омской и Оренбургской епархий (конец XIX – начало XX вв.) // Восточные исследования на Алтае. Барнаул, 2009. С. 96–106; Она же. Проблемы социально-культурных и хозяйственной адаптации крещенных казахов Киргизской духовной миссии Омской епархии (конец XIX – начало XX в.) // Известия АлтГУ. Серия общественных наук. №4/5. 2008. С. 116–125; Она же. О причинах неэффективности православного миссионерства в Степном крае (XIX – начало XX вв.) // Актуальные вопросы истории Сибири / Седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. Барнаул, 2009. С. 212–216; Она же. Православное и исламское миссионерство в казахской степи: сравнительный анализ организации и методов деятельности (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Гуманитарные исследования в Сибири. Серия история. 2010. №2. С. 36–40; Она же. Миссионерство Русской православной церкви в Казахстане (вторая половина XIX – начало XX вв.). Барнаул, 2010. 187 с.

Следует также отметить, что деятельность Киргизских православных миссий спровоцировала осложнение межэтнических русско-казахских отношений в регионе. Совместное продолжительное по времени проживание русского и казахского населения сопровождалось процессами взаимной межэтнической коммуникации. Она определялась, в первую очередь, экономической целесообразностью и принимала различные формы, в том числе – взаимной религиозной аккультурации. XIX в. стал периодом перехода казахов-мусульман в православие, а православных русских – в ислам в данном регионе. Вмешательство государства и Русской православной церкви на рубеже XIX–XX вв. в процесс межкультурного диалога двух этносов посредством организации деятельности православных миссий, безусловно, внесло деструктивные функции в дальнейшее его развитие. Миссиям не удалось добиться ограничения сферы влияния ислама и провести массовое обращение казахов в православие. Напротив, их деятельность спровоцировала осложнение двусторонних русско-казахских отношений и прервала контакты двух этносов на религиозной основе.

Этому способствовала политика социальной поддержки новокрещенных казахов, предоставление им безвозмездной финансовой помощи на развитие земледельческого хозяйства, освобождением от воинской повинности, льготы при землеустройстве. Все это вызывало недовольство со стороны православного населения и способствовало взаимному отчуждению, в некоторых случаях провоцировало открытое противостояние.

Осталась фактически нереализованной основная задача деятельности Киргизских миссий по ограничению влияния ислама в казахской степи. Как это не парадоксально, но, как справедливо отмечала С.В. Чичерина, «...мусульманские миссионеры в 50 лет не могли так отатарить киргиз, как это сделали русские миссионеры за 15–20 лет»*. Причина данной ситуации заключается, на наш взгляд, в том, что практическая реализация задач православного миссионерства в казахской степи проходила параллельно с реформами, направленными на модернизацию и интеграцию ее населения в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. В результате в казахском обществе началась трансформация патриархально-родовых институтов, потестарных связей и формирование новых социальных структур и отношений.

Как известно, у любого этноса, оказавшегося в подобной ситуации, активизируются процессы этнической консолидации, позволяющие ему сохранить свою этническую целостность. В ходе этнической консолидации активно формируются этническое самосознание и представление о собственной монолитности и обособленности, что способствует четкому противопоставлению «себя» соседним, подчас, родственным этносам. Важное значение в этих процессах играет и религиозная составляющая. В некоторых районах, например, юга Западной Сибири процесс распространения православия сыграл положительную роль и выступал дополнительным фактором этнической консолидации некоторых групп населения**.

* Чичерина С.В. О приволжских инородцах. СПб., 1906.

** Шерстова Л.И. Религия и этнос: проблема взаимодействия (на сибирских материалах XVII – начала XX вв.) // Исторические и философские исследования в Сибири. Томск, 2007. С. 25.

В Степном крае имели место обратные тенденции – православное миссионерство стало носить этноразделительную функцию. Ислам, напротив, выступил мощным интеграционным фактором, поскольку в предыдущие исторические периоды население степи уже переживало несколько волн исламизации, и для его закрепления имелись объективные и субъективные исторические предпосылки. Ислам стал осознаться казахским населением как этнический компонент, идентификационный признак, отличающий его от русских казаков и крестьян-переселенцев. Именно поэтому на рубеже XIX–XX вв. миссионерство Русской православной церкви простимулировало закрепление у казахов-кочевников исламской религиозности, рост численности мусульманских культовых и учебных заведений в Казахстане, формирование социальной группы мулл из казахской этнической среды и т.д.

Все вышесказанное, а также ситуация, связанная со значительной трансформацией цели и задач деятельности Киргизских миссий Казахстана, вынужденных в процессе своей деятельности сместить акценты в сторону работы с православным русским населением, позволяет поставить под сомнение и выводы некоторых казахстанских исследователей о тотальной духовной экспансии России в регионе в колониальный период*. Концепция имперской национальной политики, связанная с масштабной интеграцией многочисленных народов страны на основе русского языка, культуры и православия, безусловно, нашла воплощение в Казахстане. Однако в процессе реализации натолкнулась на комплекс проблем, не позволивших в полном объеме решить задачи русификации в сфере распространения православия и обеспечить культурно-религиозную интеграцию казахского общества в общеимперское пространство.

Ю.А. Лысенко

* Садвокасова З.Т. Духовная экспансия царизма в Казахстане в области образования и религии (вторая половина XIX – начало XX вв. Алматы, 2005. 345 с.; Она же. Исследование духовной экспансии в контексте колониальной политики царизма в Казахстане как научная проблема // Отан тарихы. 2007. №3. С. 55–67; Она же. Русификаторская политика царизма в области образования нерусских народов // Отан тарихы. 2008. №1. С. 90–100.

2.3. Информационные технологии в учебном процессе

Использование компьютерных методов и технологий в историческом образовании имеет уже достаточно богатую, хотя и сравнительно недолгую историю. Компьютеризация учебного процесса на исторических факультетах университетов являлась составной частью применения новых информационных технологий в гуманитарной сфере в целом и в то же время развивалась в русле общих тенденций компьютеризации образования. Известно, что эффективность образования существенно зависит от правильного сочетания различных его форм. Объективной основой внедрения принципиально новых форм и методов обучения являлся в то время некоторый кризис традиционных приемов и методов.

Исторический факультет Алтайского государственного университета имеет определенный опыт применения информационных технологий в учебном процессе. Работа эта началась в последнем десятилетии прошлого века*. Первоначально создали систему тестового контроля по ряду учебных дисциплин**, что было связано в основном с интересом к популярной в те годы теме модульного обучения и необходимостью становления системы эффективного контроля знаний студентов. Одним из неблагоприятных обстоятельств компьютеризации учебного процесса является то, что многие преподаватели высшей школы, и среди них в первую очередь преподаватели гуманитарных дисциплин, с большой осторожностью относятся ко всяким инновациям в учебном процессе. Это невозможно не учитывать даже сегодня, когда, казалось бы, новые информационные технологии заняли прочное место в научно-образовательном процессе.

При этом нельзя забывать о принципе системности, который проявляется, в частности, в неотделимости развития образования от развития науки. С этой точки зрения можно говорить о создании информационной научно-образовательной среды как базового элемента информационного обеспечения научных исследований и образовательного процесса. И поэтому мы должны говорить не просто об образовательных электронных ресурсах, а о научно-образовательных. Иными словами, создание научно-образовательной среды помимо всего прочего и прежде всего — это овладение элементами информационной культуры. Приобщение к ней и является ключевым моментом информатизации образования. Именно эта новая сфера, включающая в себя как

* Владимиров В.Н. Компьютер на историческом факультете Алтайского университета // Информационный бюллетень комиссии по применению количественных методов и ЭВМ в исторических исследованиях при отделении истории РАН и ассоциации «История и компьютер». 1993. №8. С. 58–60; Владимиров В.Н., Колдаков Д.В. Информационные технологии в науке и образовании: опыт исторического факультета // Известия Алтайского государственного университета. 1996. №2. С. 120–122.

** Владимиров В.Н. Опыт создания системы тестового контроля на историческом факультете // Модульно-рейтинговая технология обучения (опыт применения в вузе и средней школе). Барнаул, 1993. С. 167–182; Владимиров В.Н., Урусов Н.А. О возможностях компьютеризованного тестового контроля // Компьютер и историческое знание. Барнаул, 1994. С. 177–183.

традиционное, так и новое, но «сцементированная» современными телекоммуникациями, и есть основная движущая сила создания научно-образовательной компоненты информационного общества.

«Электронное» (e-Learning) обучение требует создания и внедрения в учебный процесс электронных средств обучения и реализации соответствующих подходов*. Формирование полноценной информационной среды исторической науки и образования в настоящее время немыслимо без информационных систем, базирующихся, в значительной степени, на интернет-технологиях, внедрение которых в учебный процесс позволяет значительно увеличить его эффективность. Далеко не последнее место в этом отводится различным системам дистанционного обучения (СДО). Еще в конце 1990-х гг. отмечалось, что дистанционное обучение – одно из наиболее динамично развивающихся направлений в образовании, дающее возможность перехода его на качественно иной уровень, хотя в силу специфики гуманитарного образования может быть использовано только как дополнительная форма**. Проблемы, связанные с применением дистанционного обучения в историческом образовании, активно обсуждались, в частности, в рамках Ассоциации «История и компьютер»***.

В настоящее время разработано множество систем дистанционного обучения. Их рынок достаточно широк****, имеется и достаточно большой выбор свободных систем управления обучением. Приведем некоторые примеры применения таких систем в сфере исторического образования применительно к высшей школе.

* См., например: Балыкина Е.Н. Реализация комплексного электронного «портфеля образовательных достижений» студента (на примере специализации «историческая информатика») // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике: труды X конф. Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л.И. Бородкин и И.М. Гарскова. М., 2008. С. 438–490; Она же. Реализация личностно-ориентированного подхода в e-Learning (на примере электронного учебного пособия «Жизнь средневекового города Западной Европы в X–XIII вв.») // Круг идей: модели и технологии исторических реконструкций: труды XI конференции Ассоциации «История и компьютер» / под ред. Л.И. Бородкина, В.Н. Владимирова, Г.В. Можаяевой. М.; Барнаул; Томск: Изд-во Московского ун-та, 2010. С. 341–369.

** Демкин В.П., Вымятнин В.М., Можаяева Г.В., Тарунина Г.А. Дистанционное обучение в гуманитарном образовании // Интернет – новая информационная среда исторической науки. Барнаул, 1998. С. 17–20; Вымятнин В.М., Демкин В.П., Можаяева Г.В. Дистанционное обучение истории: проблемы и перспективы // Педагогические аспекты исторической информатики. Вып. 1. Опыт компьютеризации исторического образования в странах СНГ / ред. В.Н. Сидорцов, Е.Н. Балыкина. Минск: БГУ, 1999. С. 71(–81).

*** Можаяева Г.В. Дистанционное обучение в дополнительном образовании // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: труды VII конф. АИК / ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимирова, И.Ф. Юшин, М., 2001. С. 481–494; Глебов А.Г., Долгих Д.В., Сафонов И.Е. Дистанционное обучение: некоторые проблемы технологического и методического оформления // Круг идей: историческая информатика в информационном обществе: труды VII конф. АИК / ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимирова, И.Ф. Юшин, М., 2001. С. 495–508.

**** См. например, обзор «Рынок систем дистанционного образования» [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.cnews.ru/reviews/free/edu/it_russia/

Отметим, прежде всего, активную работу по внедрению СДО на историческом факультете Белорусского государственного университета. Так, на кафедре источниковедения исторического факультета БГУ в среде WebCT* был разработан электронный курс «Количественные методы и информационные технологии в историческом познании». Наряду с этой системой учебные курсы апробировались и внедрялись в среде Learning Space**, а позднее – в СДО eUniversity***. Последняя широко используется в настоящее время на уровне университета.

Среда WebCT используется в системе дистанционного повышения квалификации Петрозаводского государственного университета. В ней, в частности, имеется библиотека ресурсов по истории****, содержащая около 20 курсов, среди которых*****: «Практикум по музееведению» – дистанционный курс предназначенный для студентов II–III курсов очного и заочного отделения исторического факультета ПетрГУ, знакомящий студентов с основами фондовой работы*****; курс «Отечественная история» для студентов 1 курса специальности «Историко-архивоведение» заочного отделения исторического факультета*****.

* Сидорцов В.Н., Каун С.Б., Мигуцкий С.Г. Эксперимент по дистанционному обучению в системе WebCT // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»: мат. XVIII конф. АИК. Июнь 2002. М., 2002. №30. С. 238–239.

** Балыкина Е.Н., Попова Е.Э., Комличенко В.Н. Internet/intranet технологии в образовании историка: внедрение и апробация в компьютерных средах WebCT и Learning Space // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. конф. / отв. ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.М. Гарскова, Ю.Ю. Юмашева. М., 2000. С. 113–114; Сидорцов В.Н., Каун С.Б. Компьютерные среды WebCT и Learning Space: достоинства и недостатки // Новые информационные ресурсы и технологии в исторических исследованиях и образовании: сб. тез. докл. и сообщ. Всерос. конф. / отв. ред. Л.И. Бородкин, В.Н. Владимиров, И.М. Гарскова, Ю.Ю. Юмашева. М., 2000. С. 129–131.

*** Балыкина Е.Н., Бузун Д.Н. Применение СДО eUniversity на историческом факультете Белорусского государственного университета // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №34: мат. X конф. АИК. Май 2006. М.; Тамбов, 2006. С. 199–200; Балыкина Е.Н., Бузун Д.Н. Организация и проведение контролируемой самостоятельной работы в системе дистантного обучения «e-University» // Организация самостоятельной работы студентов на факультете вуза: мат. Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 16–17 ноября 2006 г. / отв. ред. В.В. Сергеенкова. Мн.: БГУ, 2006. С. 275–277; Грибко И.Л. Возможности системы «e-University» в обучении истории студентов негуманитарных факультетов // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». №35: мат. XI конф. АИК. Декабрь 2008. М.; Барнаул, 2008. С. 19–21. и др.

**** Система дистанционного повышения квалификации. История [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dpk.karelia.ru/article/54>

***** Практикум по музееведению [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://webct.ru/public/277/index.html>

***** Отечественная история. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://webct.ru/public/084/index.html>

***** Сетевая образовательная платформа e-University. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://belarus.iba.by/iba_web/main.nsf/products/ru.software.euniversity.html

Упомянутые выше СДО реализованы с применением коммерческих программных продуктов. Так, WebСТ (с 2006 г. – Blackboard), первоначально разработанная на кафедре компьютерных наук университета Британской Колумбии (Канада) в 1996 г., достаточно популярна на Западе. В 2003 г. одна из версий этой среды, WebСТ 4.1 Campus Edition была локализована в ПетрГУ для русскоязычных пользователей. Сетевая образовательная платформа e-University (разработка СП ЗАО «Международный деловой Альянс»)* распространена в Республике Беларусь. Эти, а также большинство других подобных систем достаточно мощные и функциональные. Вместе с тем при разработке СДО все чаще применяется свободное программное обеспечение, и одной из самых популярных сред является Moodle (англ. Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment) – модульная объектно-ориентированная динамическая учебная среда, распространяющаяся по лицензии GNU GPL. Лидером и идеологом системы является Martin Dougiamas из Австралии. В настоящее время она переведена на десятки языков, в том числе на русский, и используется почти в 50 тыс. организаций более чем в 200 странах мира. Эта среда изначально ориентировалась на университетское образование и проектировалась для обучения, в основе которого лежит взаимодействие всех участников этого процесса. Moodle широко применяют как в ведущих высших учебных заведениях России (Центр дистанционного обучения МГУ им. Ломоносова, Южный Федеральный университет и др.), так и в региональных (Алтайский государственный университет, Иркутский государственный университет и т.д.). Система успешно используется также для организации довузовского (школьного) и послевузовского (корпоративного) обучения.

К достоинствам этой системы, несомненно, относятся простота и удобство использования, а также достаточно большие функциональные возможности, что позволяет обеспечить внедрение электронных технологий в образовательном процессе на должном уровне. Система постоянно и успешно развивается, поддерживается международным сообществом IT-специалистов и преподавателей. По Moodle имеется достаточно обширная методическая база в виде изданных учебных и учебно-методических пособий**, множество интернет-

* Белозубов А.В., Николаев Д.Г. Система дистанционного обучения Moodle: учебно-методическое пособие. СПб., 2007. 108 с.; Гильмутдинов А.Х., Ибрагимов Р.А., Цивильский И.В. Электронное образование на платформе. Moodle. Казань: КГУ, 2008. 169 с.; Андреев А.В., Андреева С.В., Доценко И.Б. Практика электронного обучения с использованием Moodle. Таганрог: Изд-во ТТИ ЮФУ, 2008. 146 с.; Анисимов А.М. Работа в системе дистанционного обучения Moodle: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Харьков, ХНАГХ, 2009. 292 с.

** См.: «Демонстрация возможностей Moodle». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://demo.moodle.net/course/view.php?id=597>; «Полезные ресурсы по LMS Moodle». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.elearningpro.ru/group/moodle/forum/topics/poleznye-resursy-po-lms-moodle>; «ИнфоКо – сообщество преподавателей, использующих ИКТ и СДО Moodle». [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.infoco.ru/> и др.

ресурсов*, специальные курсы, позволяющие ознакомиться с возможностями этой системы**.

Одним из реализующихся на историческом факультете Алтайского государственного университета проектов является создание учебно-методического сервера. Для этого можно задействовать как системы управления контентом (CMS), такие как Drupal или Joomla!, так и системы управления обучением (Moodle и т.п.). Мы остановили свой выбор на LMS Moodle, поскольку он имеет богатый и достаточно отработанный функционал, позволяющий организовывать учебно-методическую поддержку студентов и преподавателей, а также взаимодействие обучающихся и обучающихся. На наш, взгляд, системы дистанционного обучения могут и должны органично вписываться в процесс обучения студентов всех форм обучения. Кроме того, использование подобных систем, во-первых, дает учащимся возможность приобрести опыт, который может пригодиться в дальнейшем послевузовском повышении квалификации, во-вторых, при соответствующем уровне освоения самостоятельно организовывать СДО и наполнять их ресурсами.

В настоящее время на учебно-методическом сервере размещены или находятся в процессе размещения различные курсы, подготовленные в соответствии с государственными стандартами второго поколения (специальность «Историко-архивоведение», направление «Документоведение и архивоведение») и третьего поколения (направление «Документоведение и архивоведение»), а также отдельные курсы по направлению «История». Речь идет, в частности, о следующих курсах:

Документоведение (В.Н. Владимиров);

Компьютерные технологии в исторических исследованиях и образовании (В.Н. Владимиров);

Информационная эвристика (Д.В. Колдаков);

Организация государственных учреждений современной России (Д.Е. Сарфанов);

Теория и методология исторической науки (Н.И. Кругова);

Практикум по MS Access (Д.В. Колдаков);

Рукописные собрания музеев и библиотек (М.Е. Чибисов);

Всеобщая история архивов (А.С. Щетинина);

Археография (А.С. Щетинина) и др.

Подготовке и размещению учебных материалов предшествовала большая работа по структуризации и реструктуризации учебных курсов в соответствии с требованиями государственных стандартов и типовыми учебными программами. Выделялись основные дидактические единицы, создавались аннотации, подбирались необходимая нормативно-методическая база, источники и литература, разрабатывались планы практических занятий и контрольные задания.

* См.: например: «Демонстрация возможностей Moodle», «Курс молодого бойца» и другие материалы, подготовленные в центре довузовской подготовки Таганрогского технического института Южного Федерального университета (<http://www.cdp.tti.sfedu.ru/distant/>).

** <http://ehist.asu.ru/moodle>

Некоторые из размещенных на учебно-методическом сервере курсов могут быть задействованы в обучении студентов разных специальностей и направлений. Например, «Практикум по MS Access» содержит учебные материалы: файл с учебной версией базы данных «Населенные пункты Алтайского края» и алгоритмизированное описание решения ряда задач различной степени сложности по извлечению данных с применение средств СУБД MS Office Access 2003. Эти материалы могут использоваться студентами разных направлений при изучении курсов «Информационные технологии», «Информационные системы и базы данных», «Компьютерные технологии в науке и образовании». В рамках системы Moodle этот практикум может быть представлен так называемым метакурсом (курсом, на котором автоматически могут регистрироваться участники других курсов) и использоваться также как справочно-информационная система по работе с программным обеспечением с учетом специфики исторических исследований.

Несомненным достоинством системы Moodle является то, что наряду с базовым функционалом, стандартным для любой среды дистанционного обучения (использование в курсе учебных материалов в различных форматах, форумы, чаты, почта, автоматические тесты и др.), он поддерживает и множество собственных форм взаимодействия, например, возможность создавать произвольные шкалы оценивания, выставлять оценки за активность в форуме, собирать и рецензировать работы и др.). Активность пользователей в системе фиксируется и отображается в виде портфолио; можно увидеть все выполненные задания, сданные работы и полученные рецензии, оценки по каждому курсу. Это позволяет вывести дистанционный учебный процесс совершенно на другой уровень эффективности и дает использовать Moodle как для стандартного дистанционного обучения, так и для поддержки очного обучения или проведения тестирования.

Важнейшим моментом является создание электронных хранилищ учебных материалов для использования студентов, что позволяет существенно сократить время студента при подготовке, например, к практическому занятию. Однако и здесь необходимо соблюдать баланс, в частности, с тем чтобы студенты не перестали пользоваться библиотекой и вообще книгами и журналами.

Отметим одну из интересных возможностей Moodle – возможность организации и заполнения базы данных. Например, в рамках информационных курсов, таких как «Информационная эвристика», студентам можно поручить внесение сведений о найденных ресурсах, имеющих отношение как к теме их научно-исследовательской работы, так и к направлению или специальности, по которым они обучаются. Материалы, накопленные в этой базе, могут быть доступны другим участникам курса. При этом можно стимулировать заполнение такой базы: пользователь должен внести необходимое количество записей, так как пока он этого не сделает, его деятельность будет ограниченной, например, не будет возможности просматривать любые другие записи в этой базе. Преподаватель может фильтровать эти записи, а студенты – их комментировать. При большом количестве студентов можно создавать ресурсное наполнение, которое будет применяться в процессе обучения. Такие базы можно использовать во время проведения производственных практик.

Некоторые из размещенных на учебно-методическом сервере курсов могут быть задействованы в обучении студентов разных специальностей и направлений. Например, «Практикум по MS Access» содержит учебные материалы: файл с учебной версией базы данных «Населенные пункты Алтайского края» и алгоритмизированное описание решения ряда задач различной степени сложности по извлечению данных с применение средств СУБД MS Office Access 2003. Эти материалы могут использоваться студентами разных направлений при изучении курсов «Информационные технологии», «Информационные системы и базы данных», «Компьютерные технологии в науке и образовании». В рамках системы Moodle этот практикум может быть представлен так называемым метакурсом (курсом, на котором автоматически могут регистрироваться участники других курсов) и использоваться также как справочно-информационная система по работе с программным обеспечением с учетом специфики исторических исследований.

Несомненным достоинством системы Moodle является то, что наряду с базовым функционалом, стандартным для любой среды дистанционного обучения (использование в курсе учебных материалов в различных форматах, форумы, чаты, почта, автоматические тесты и др.), он поддерживает и множество собственных форм взаимодействия, например, возможность создавать произвольные шкалы оценивания, выставлять оценки за активность в форуме, собирать и рецензировать работы и др.). Активность пользователей в системе фиксируется и отображается в виде портфолио; можно увидеть все выполненные задания, сданные работы и полученные рецензии, оценки по каждому курсу. Это позволяет вывести дистанционный учебный процесс совершенно на другой уровень эффективности и дает использовать Moodle как для стандартного дистанционного обучения, так и для поддержки очного обучения или проведения тестирования.

Важнейшим моментом является создание электронных хранилищ учебных материалов для использования студентов, что позволяет существенно сократить время студента при подготовке, например, к практическому занятию. Однако и здесь необходимо соблюдать баланс, в частности, с тем чтобы студенты не перестали пользоваться библиотекой и вообще книгами и журналами.

Отметим одну из интересных возможностей Moodle – возможность организации и заполнения базы данных. Например, в рамках информационных курсов, таких как «Информационная эвристика», студентам можно поручить внесение сведений о найденных ресурсах, имеющих отношение как к теме их научно-исследовательской работы, так и к направлению или специальности, по которым они обучаются. Материалы, накопленные в этой базе, могут быть доступны другим участникам курса. При этом можно стимулировать заполнение такой базы: пользователь должен внести необходимое количество записей, так как пока он этого не сделает, его деятельность будет ограниченной, например, не будет возможности просматривать любые другие записи в этой базе. Преподаватель может фильтровать эти записи, а студенты – их комментировать. При большом количестве студентов можно создавать ресурсное наполнение, которое будет применяться в процессе обучения. Такие базы можно использовать во время проведения производственных практик.

Интенсивное совершенствование этой среды и создание новых модулей, расширение функциональности системы дает определенные гарантии того, что развертывание на ее основе систем поддержки обучения в конечном счете будет оправдано и принесет соответствующую отдачу. Вместе с тем освоение такого богатого арсенала средств, которые предлагаются в системе Moodle, несомненно, потребует значительных усилий преподавателей, применяющих ее в учебном процессе. Поэтому учет накопленного опыта внедрения этой СДО будет весьма полезным*.

Таким образом, применение компьютерных методов и технологий в историческом образовании, и систем дистанционного обучения в частности, раскрывает новые возможности в совершенствовании учебного процесса, а использование имеющихся средств позволяет сделать это более эффективно.

В.Н. Владимиров, Д.В. Колдаков

* См., например: Устюгова В.Н., Валитов Р.А. Об этапах создания системы дистанционного обучения в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (ТГГПУ) // Проблемы анализа и моделирования региональных социально-экономических процессов: мат. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 22–23 апреля 2010 г. Казань, 2010. С. 294–297; Они же. О процессе создания системы дистанционного обучения в Татарском государственном гуманитарно-педагогическом университете (ТГГПУ) // Образовательные технологии и общество, 2010. Т. 13. №2. С. 225–239; Неустроев Г.В., Широков В.А. Методические указания по работе с Системой электронного обучения «МОДУС» («MOODLE») УдГУ. Ижевск, 2010. 103 с. и др.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Опыт, представленный в первом томе коллективной монографии, создает хорошую основу для дальнейшей работы в области актуальных направлений, обозначенных в названии глав. Это касается расширения как географических, так и хронологических рамок продемонстрированных исследований.

Формирование баз и банков данных должно стать неотъемлемой частью научной деятельностью историков. Очень важно в этот процесс вовлечь студентов, магистрантов и аспирантов, что обеспечит не только получение существенного результата, но и будет способствовать качественной работе с многочисленными источниками. Наполнение информационного потенциала наметит поиск новых решений, а также стимулирует выход на более высокий уровень интерпретаций. Широкие возможности внедрения системы создания баз данных имеет археология, этнография, музеология и вспомогательные исторические дисциплины (нумизматика, геральдика, сфрагистика и т.д.). В ходе проведения экспедиций с каждым годом увеличивается количество разных категорий предметов материальной культуры, датируемых в рамках всего диапазона истории человечества – от древнейшей эпохи до современности. Существенным образом увеличивается количество результатов всевозможных анализов, определений и т.д. Их систематизация с помощью электронных баз данных является одним из важных этапов исследовательской практики.

В настоящее время как никогда важно внедрение существующего арсенала методов в исторические исследования. Особенно продуктивны естественнонаучные методы и междисциплинарные подходы. Они не только создают информационное поле объективного характера и решают значительный объем накопившихся проблем, но и позволяют осуществлять верификацию теоретических положений, обозначенных процессов и обнаруженных фактов. Не менее важным является грамотная работа с архивными источниками. Их обнаружение, изучение, сопоставление и анализ – это длительная исследовательская процедура, требующая особого внимания.

Значимую роль в современном высшем образовании сейчас играет информационные технологии. Они же сопровождают практически все сферы научной деятельности. Эффективное внедрение имеющихся наработок необходимо осуществлять в ходе учебного процесса. Подготовка грамотных специалистов обеспечит продуктивность инновационных результатов, что демонстрируют примеры, приведенные в данном томе.

Таким образом, содержание представленных глав и параграфов показывает широкие возможности развития исторической науки. Комплексный подход в изучении обширного сибирского региона позволяет надеяться на создание обобщающих трудов, на основе которых будет формироваться учебная и методическая литература для вузов.

Следует указать, что в следующих томах планируется представить не менее важные и актуальные результаты, базирующиеся на применении различных методов в археологических, антропологических и других изысканиях сотрудников Алтайского государственного университета, которые проводятся с коллегами из других учреждений образования и науки России.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АлтГУ – Алтайский государственный университет.
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа.
БД – база данных.
ГААК – Государственный архив Алтайского края.
ГАГУ – Горно-Алтайский государственный университет.
ГАКО – Государственный архив Кемеровской области.
ГАОО – Государственный архив Омской области.
ГАОрО – Государственный архив Оренбургской области.
ГОУ ВПО – государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования.
ИБ АИК – Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер».
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
ОрЕВ – Оренбургские епархиальные ведомости.
ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи.
РАН – Российская академия наук.
РГИА – Российский государственный исторический архив.
СА – Советская археология.
СДО – Система дистанционного обучения.
СНГ – Содружество Независимых Государств.
СУБД – Система управления базой данных.
ТГГПУ – Татарский государственный гуманитарно-педагогический университет.
ТТИ ЮФУ – Таганрогский технологический институт Южного федерального университета.
УдГУ – Удмуртский государственный университет.
УрО – Уральское отделение.
ФИО – фамилия, имя, отчество.
ФЗП – Федеральная целевая программа.
ХНАГХ – Харьковская национальная академия городского хозяйства.
ЦГА РК – Центральный государственный архив Республики Казахстан.
ЮФУ – Южный федеральный университет.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
ГЛАВА I. Базы данных в исторических исследованиях	5
1.1. Базы и банки данных в исторических исследованиях (<i>В.Н. Владимиров, Д.В. Колдаков</i>)	5
1.2. Историческое профессиоведение (<i>В.Н. Владимиров</i>)	25
1.3. Базы данных в изучении городской семьи Сибири 2-й половины XIX – начала XX в. (<i>Ю.М. Гончаров</i>)	41
1.4. База данных «Антропонимикон старожилов Алтайского горного округа» и особенности ее применения в генеалогических, антропонимических и топонимических исследованиях Алтайского горного округа (<i>Е.В. Ильина</i>)	53
1.5. Формирование базы данных о лошадях Сибири поздней древности и средневековья (<i>А.А. Тишкин, Я.Е. Лукерина</i>)	74
ГЛАВА II. Информационные методы в исторических исследованиях	87
2.1. Административно-хозяйственная политика Кабинета в контексте модернизации алтайского производственно-территориального комплекса в 1885–1899 гг. (<i>Т.Н. Соболева, А.Е. Кухаренко</i>)	87
2.2. Миссионерство Русской православной церкви в Степном крае: стратегия и практики реализации (2-я половина XIX – начало XX в.) (<i>Ю.А. Лысенко</i>)	126
2.3. Информационные технологии в учебном процессе (<i>В.Н. Владимиров, Д.В. Колдаков</i>)	146
Заключение	153
Список сокращений	154

Научное издание

**Комплексные исторические исследования
в области изучения Западной и Южной Сибири
с древнейших времен до современности**

Том I

Редактор: С.И. Тесленко

Подготовка оригинал-макета: М.Ю. Кузеванова

Подписано в печать 5.12.2011. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Формат 70х100/ 16. Усл. печ.л. 12,7.
Тираж 300 экз. Заказ 560.

Отпечатано в типографии ООО «АЗБУКА»:

656099, Барнаул, пр. Красноармейский, 98а

тел. 629103, 627725

E-mail: azbuka@dsmail.ru